

Третья часть
Основы теории понимания чужого

§ 19. Основоположение alter ego в естественных представлениях

После того как во второй части мы разобрали, обратившись к сознанию времени, конституирование смысла в жизни единичной души, сделав это в самых общих чертах и отнюдь не исчерпывающим образом, мы приступаем теперь к тому специфическому смыслополаганию в социальном мире, которое в общем виде обозначается словами «понимание чужого». Переходя от анализа изолированного Я к исследованию социального мира, мы¹⁵¹ оставляем строго-феноменологический подход, которым мы пользовались при анализе феномена смысла применительно к жизни единичной души, и принимаем существование социального мира в наивно-естественном взгляде на мир, как мы привыкли это делать в нашей повседневной жизни среди людей, но также и в социальной науке. Тем самым мы отказываемся от всякого углубления в собственно трансцендентально-феноменологическую постановку вопроса о конституировании alter ego в сознании изолированного Я. Какие задачи встают перед подобным исследованием, какое фундаментальное значение ему присуще и с какими трудностями оно сталкивается, показал Гуссерль в своей «Формальной и трансцендентальной логике», не входя, однако, в конкретные детали¹⁵². Лишь после проведения постулированных в этой работе аналитических исследований можно вообще будет дать ответ на вопрос о «смысле» «Ты». Однако уже сейчас можно со всей уверенностью утверждать, что (как и следует из размышлений Гуссерля¹⁵³) в основе концепции некоторого мира вообще должен лежать первосмысл «каждого» и, следовательно, «других». Макс Шелер выразил эту мысль в своей статье «Познание и труд» следующими словами: «Реальность мира сосуществующих людей и общности *пред*послана, во-первых, всей природе, как органической, так и неживой, в качестве “сферы Ты” и “сферы Мы”... Далее, реальность “Ты” и общности вообще задана реальному бытию “Я” в смысле “собственно Я” и его индивидуальному и единичному “собственно-пережитому”»¹⁵⁴.

Нам приходится, как уже говорилось, оставить в стороне чрезвычайно сложные проблемы, связанные с конституированием

Ты в каждой индивидуальной субъективности. Таким образом, мы не спрашиваем, как вообще конституируется Ты в некотором Я, является ли самонаблюдение по своей возможности предпосланным наблюдению alter ego, отсылает ли психофизическая субъективность «человек» к некоторому трансцендентальному ego, в котором уже конституировано трансцендентальное alter ego, возможно ли, и если да, то каким образом, intersubjectное общезначимое познание в силу конституирования трансцендентального alter ego в трансцендентальном ego и т.д. Сколь бы важными ни были эти изыскания для общей теории познания, а тем самым — опосредованно — и для социальных наук, при рассмотрении нашей проблематики мы можем без серьезных негативных последствий к ним не обращаться.

Таким образом, предметом нашего анализа будет человек в его *наивно-естественной установке*, человек, по рождению определенный в социальный мир, для которого существование его самого и его соплеменников является столь же безусловной, непроблематизированной данностью, как и существование всех прочих предметов естественного мира. Для наших целей будет достаточно признания того, что *и Ты наделено сознанием вообще, что оно обладает длительностью, что поток его переживаний обнаруживает те же праформы, что и мой*. Тем самым, однако, признается также, что Ты лишь в силу действующей интенциональности своего сознания, т.е. лишь через осуществление обращения рефлексии, знает о своих переживаниях, что эти обращения рефлексии принципиально подвержены модификациям внимания в соответствии с данными Сейчас и Так этого Ты, как это происходит и с моими переживаниями в ходе протекания моего сознания — короче, что Ты, так же как и Я, переживает свое старение.

Таким образом, для Ты в силе оказываются все проведенные во второй части исследования изолированного сознания, и прежде всего каждого случая «моего» сознания. В силу своей интенциональной активности сознание Ты также является смыслопорождающим. Alter ego также изымает из потока своих переживаний в длительности четко очерченные переживания в силу специального к ним обращения и осуществляет самоистолкование этих переживаний, определяя их в те или иные смысловые контексты. Ты также наделено способностью схватывать одним взором рефлексии политетически выстроенные акты, наслаивать смысловые контексты один на другой и выстраивать таким образом опытный мир, снабженный, так

же, как и мой опытный мир, указателем соответствующих Сейчас и Так. Толкуя свои переживания, Ты наделяет их смыслом, а именно — «подразумеваемым смыслом».

Уже исследования в первой части нашей книги¹⁵⁵ продемонстрировали сложности, препятствующие улавливанию чужого подразумеваемого смысла. Мы заявили, что постулат понимания чужого подразумеваемого смысла не выполним, и чужой подразумеваемый смысл даже при оптимальной интерпретации остается пороговым понятием. Истинная причина этой невыполнимости выявилась лишь благодаря проведенному нами анализу времени. *Ведь постулат «постижения чужого подразумеваемого смысла» гласит, что переживания alter ego должны быть интерпретируемы для ego так же, как их интерпретирует alter ego в ходе самоистолкования.* Как мы видели, подобное самоистолкование осуществляется в ходе серии червзвычайно сложных, многослойных и переплетенных актов сознания, к которым обращается взгляд Я, и этот взгляд вместе с соответствующими модификациями внимания обусловлен условиями Сейчас и Так, при которых происходит обращение. Таким образом, постулат, согласно которому наблюдатель должен обращать свой взгляд на переживание alter ego так же и с теми же модификациями внимания, что и само alter ego, оказывается нелепостью, если только при этом не подразумевается, что он, наблюдатель, «знает» обо всех случаях политетически построенного синтеза и всех случаях обращения к ним, в которых конституировался подразумеваемый смысл переживаний alter ego для этого самого alter ego в процессе самоистолкования. Однако подобное «знание» может заключаться лишь в собственных переживаниях и в серии ретроспективных обращений к этим собственным переживаниям. При этом наблюдатель должен был бы обнаруживать в своем сознании отдельные переживания, а именно — первичные впечатления, акты рефлексии, проявления спонтанной активности, переживания фантазии и т.д. в той же последовательности и с той же свитой предвосхищений и удержаний. Более того: наблюдатель должен был бы быть способен пробегать в ходе свободного воспроизведения *все* предыдущие (давнопрошедшие) переживания наблюдаемого, т.е. он должен был бы пережить те же переживания в их полном объеме и в том же порядке, и к тому же обратиться к ним затем точно так же, как и сам наблюдаемый. Но это значит не что иное, как то, что поток сознания, *durée* наблюдателя, должен быть тем же самым, что и у наблюдаемого, или, иными словами, что наблюдатель и наблюдае-

мый должны быть одной и той же личностью. Это положение также со всей ясностью было уже высказано Бергсоном в его «*Essay sur les données immédiates de la conscience*»¹⁵⁶. «*<Подразумеваемый смысл> является, таким образом, по сути своей субъективным и привязанным к самоистолкованию, осуществляемому носителем переживаний. Он остается принципиально недостижимым для всякого Ты, поскольку конституируется лишь в пределах принадлежащего соответствующему Я потока сознания.*

Может показаться, что такая формулировка отрицает не только возможность понимающей социологии, но и возможность проникновения в чужую психику вообще. Однако это отнюдь не так. Приведенные рассуждения не равнозначны ни утверждению, что для ego переживания alter ego принципиально недоступны, ни утверждению, что переживания эти оказываются для обращающегося к ним ego бессмысленными. Из нашего анализа следует лишь, что приписываемый чужим переживаниям смысл не может быть подразумеваемым смыслом, конституирующимся в сознании alter ego в процессе самоистолкования.

Чтобы уяснить себе различие между самоистолкованием собственных переживаний и постижением чужих переживаний, необходимо привлечь проведенное Гуссерлем разделение *трансцендентно* и *имманентно* ориентированных актов. «Под имманентно ориентированными актами, или, в более общем понимании, под *имманентно соотносенными интенциональными переживаниями* мы понимаем такие переживания, *сущность* которых включает то обстоятельство, *что их интенциональные предметы, если они вообще существуют, принадлежат к тому же потоку переживаний, что и они сами...* Трансцендентально ориентированными являются интенциональные переживания, у которых это *не* имеет места, как, например... при актах, направленных на интенциональные переживания других Я с другими потоками переживания»¹⁵⁷. Само собой разумеется, однако, что трансцендентными являются не только акты, направленные на потоки переживания других, трансцендентными являются вообще все переживания тела alter ego, более того, и моего собственного тела и моего Я как психофизического единства. В таком случае спрашивается, каков особый вид трансцендентных актов, направленных на *переживания других*. Можно сказать, что мы «*воспринимаем*» переживания других, если мы имеем в виду под восприятием не адекватное восприятие в строгом смысле, не созерцание в самом строгом смысле, а наглядное уяснение того обстоятельства, что некая вещь или

процесс имеют место. В этом смысле Гуссерль использует слово «*восприятие*» как обозначение примечания чего-либо: «Слушающий воспринимает, что говорящий выражает некие психические переживания, а тем самым он воспринимает и эти переживания; однако сам он их не переживает, он способен только на их «внешнее», но не «внутреннее» восприятие»¹⁵⁸. Однако это понятие восприятия не следует смешивать с понятием восприятия, противопоставляемым знаково-символическому представлению, т.е. трансцендентному восприятию, в котором вещь поддается непосредственному созерцанию. Ведь мы осуществляем овладение переживанием чужой психики лишь в знаково-символическом представлении, а именно, либо через призму чужого тела как поля выражения чужого переживания или артефакта в самом широком смысле, т.е. предмета внешнего мира, существование которого отсылает нас к некоему порождению, моему либо того, кто живет рядом со мной.

Необходимо прояснить понятие *знакового постижения переживания чужой психики*. Когда мы в наивно-естественной установке перебираем запасы нашего опыта о других, мы обнаруживаем переживания относительно тела других, или относительно поведенческих и деятельностных процессов, либо результатов подобных процессов, т.е. артефактов. Пока мы будем говорить лишь о толковании чужих *процессов деятельности*, пользуясь термином, который сам нуждается в пояснениях. Наше переживание чужих действий состоит в восприятии чужих телодвижений, которые мы проинтерпретировали на предмет осмысленности в процессе самоистолкования, а именно — как изменения, происходящие с такой вещью внешнего мира, которая задана нашему опыту как «тело другого». Однако это тело другого отсылает к наполненному сознанием протеканию длительности Ты, остающемуся приданным этому телу в любое мгновение его существования как Сейчас и Так чужой длительности. Так, чужое телодвижение воспринимается не только как происшествие предметного мира вещей, но и как знак чужого переживания, относимое чужим к соответствующему своему движению в своем потоке длительности. Нацеленный на понимание взгляд проникает сквозь восприятие изменений чужого тела к переживаниям Ты, знаками которых они являются. Таким образом, существенным для этого модуса постижения является то, что движения чужого тела понимаются как *симптомы* переживаний другого, переживаний, к которым и он, другой, может обратить свой взгляд; ведь это его

переживания в его протекании длительности, и из этой длительности он может изъять их, обратившись к ним как четко очерченным единицам, в политетически структурированных актах он может определять их в некоторые смысловые контексты, он может и интерпретировать их в процессе самоистолкования. Поэтому наблюдаемое чужое телодвижение представляет собой знак не только переживания другого вообще, но и знак такого переживания, с которым другой «соединяет некоторый смысл». Как осуществляется эта интерпретация чужих телодвижений толкующим, нам еще предстоит более подробно исследовать. Пока же будет достаточно утановить, что *знаковый опыт* мира, как и любой другой опыт соответствующих Сейчас и Так, находится в согласии и «запасен» тем же образом, как это имеет место и относительно опыта вообще, в чем мы уже убедились¹⁵⁹.

Нам могут в связи с этим возразить, что понятие переживания касается лишь переживаний каждого Я соответственно, «переживание» эквивалентно «объекту имманентного познания». Следовательно, трансцендентное восприятие чужих переживаний — вещь вообще абсурдная, поскольку трансцендентно я могу воспринимать лишь симптомы переживаний, исходя из которых я *умозаключаю* относительно определенного переживания чужой психики. В противовес этому важно подчеркнуть, что при *знаковом постижении чужого тела* как поля выражения чужих переживаний речь отнюдь не идет о каком-либо умозаключении или суждении, это *особый интенциональный акт подготовленного восприятия*, при котором мы устремлены не на видимое, т.е. на тело, а через эту призму — на сами чужие переживания¹⁶⁰.

В мире повседневности, в котором и Я, и Ты выступают не как трансцендентальные, а как психофизические субъекты, каждому потоку переживания Я соответствует поток переживания Другого, правда, с отнесенностью к моему телу. При этом имеет место еще и своеобразная обратная отнесенность моего собственного Я к alter ego в том смысле, что мой поток переживания является для Ты потоком переживания alter ego, так же, как мое тело для Ты — телом alter ego.

§ 20. Продолжение: Синхронность чужого потока переживаний

Если я хочу рассмотреть свое собственное переживание, то мне требуется для этого обращение к рефлексии, и потому в моем поле зрения оказывается не текущее переживание, а уже

завершившееся, сбывшееся переживание. Это верно для всякого обращения к собственным переживаниям, следовательно, и для обращения Ты к своим переживаниям. Однако это значит, что Ты тоже может поймать в поле зрения только завершившиеся, сбывшиеся переживания. Но мои переживания чужих переживаний — опять-таки мои собственные переживания. Однако интенциональным предметом этих моих собственных переживаний является знаково воспринятое переживание другого, переживающего его как имманентное его жизненному потоку. Чтобы рассмотреть свое собственное переживание, я должен обратиться к нему в акте рефлексии. Однако я вовсе не должен обращать свою рефлексию на свое переживание *другого*, чтобы поймать в поле зрения переживание *другого*. Для постижения чужих переживаний мне будет достаточно «просто глянуть на них» в том случае, когда и другой *не* обращает на них свою рефлексию, т.е. когда они для него предфеноменальны и не вычленены из общего потока. Таким образом, если *свои собственные* переживания я могу рассматривать лишь как завершенные сбывшиеся переживания, чужие переживания доступны моему взгляду в их протекании. *Однако это означает не что иное, как то, что Ты и Я в специфическом смысле «синхронны»*, что они «сосуществуют», что длительность Я и длительность Ты «пересекаются» — все это образы, уже потому неадекватные, что они заимствованы из пространственной сферы. Однако и это заимствование из пространственного мира, неизбежное, как только речь заходит о синхронности двух длительностей, глубоко укоренено по своей сущности в том, что мы начинаем рассматривать его и alter ego как *психофизические* единства, как только обращаемся к собственному или чужому потоку переживаний с позиций наивно-естественного мирозерцания (без осуществления феноменологической редукции).

«*Синхронность*» понимается здесь в том смысле, который был развит Бергсоном в его книге «Durée et simultanéité»¹⁶¹: «J'appelle “contemporains” deux flux qui sont pour ma conscience les percevant ensemble comme un écoulement unique s'il lui plaît de donner un acte indivisé d'attention, et pourtant de ne pas la couper en deux.»

Таким образом, мы взираем на протекание чужой длительности и своей собственной в одном едином акте, охватывающем оба потока. Эта синхронность по своему характеру — не синхронность физического времени, которое, как известно, поддается квантификации, делимо и пространственно измеримо. Сосу-

ществование двух длительностей, которые, как уже было заявлено, одновременны — скорее выражение сущностно-необходимого признания того, что структура длительности Ты однородна со структурой моей длительности. Это Ты длится иначе, чем вещь, потому что оно переживает свое старение, и из этого обстоятельства конституируются все его прочие переживания. Тогда как длительность вещи не является durée, представляя собой ее противоположность, замкнутость в протекании объективного времени, длительность Ты является подлинной durée, так же как и моя длительность: сама себя переживающая, непрерывная, многообразная и необратимая durée. Не только Я переживает свою durée как абсолютную реальность (в смысле Бергсона), точно так же, как и Ты — свою, еще важнее то, что durée Ты дана Я как абсолютная реальность, равно как и durée Я — Ты. *Это и ничто иное — феномен совместного старения — будет пониматься нами под синхронностью двух длительностей.* Как только мы попытаемся подыскать другие критерии синхронности, протекание обеих длительностей будет превращаться в чисто пространственно-временной контекст, а реальная длительность — в *воображаемое время*. Под воображаемым временем Бергсон¹⁶² понимает время, которое не может переживать ни Я, ни Ты, ни кто-либо еще. Тогда как *и для сознания Я, и для сознания Ты собственная durée и durée Другого, а тем самым и durée любого лица — не только переживаемая, но и пережитая, подлинная и реальная durée*¹⁶³.

Можно было бы буквально заявить, что *Ты — это такое сознание, на акты которого я в состоянии взирать в их протекании как на соответствующие синхронные Сейчас и Так*, в том числе и на такие переживания, которые само Ты совсем не может поймать взглядом, например, на предфеноменальные или протекающие в данный момент. Например, если передо мной говорящий, то мне заданы для интерпретации не только его слова, но и его жесты, интонация его голоса. Разумеется, я всегда осуществляю интерпретацию этих симптомов описанным ранее способом самоистолкования моих собственных переживаний. Однако при этом у меня постоянно сохраняется возможность направить взгляд на переживание Ты, для которого воспринятое и истолкованное как симптом как раз и является симптомом. Всякий смысловой контекст, обнаруживаемый мной в моих переживаниях подобных симптомов, черпает свое изначальное право из смыслового контекста, в котором обозначенные симптомами переживания Ты находятся в его сознании в

силу того, что они пофазово и политетически конституируются в ходе его длительности¹⁶⁴.

Только что описанное нами, а именно синхронная фиксация политетических актов, в которых в сознании *alter ego* осуществляется конституирование синтеза более высокого порядка, представляет собой тот род понимания, который Вебер имеет в виду, когда говорит об актуальном понимании в противоположность мотивационному. Существо этой синхронности состоит, однако, не в некотором телесном сосуществовании, как если бы я мог «актуально» понимать лишь тех людей, которые живут одновременно со мной в моем окружении, отмечая их переживания в процессе их протекания. Ведь и все порождения людей, живших прежде меня, если эти порождения до меня дошли, артефакты и объекты культуры, будь то письменные памятники, музыка, картины, достижения науки и что-либо еще, я могу понимать в квазисинхронности моей длительности с длительностью *alter ego*, создавшего эти артефакты. Нам еще предстоит подробно рассмотреть, какие модификации это понимание претерпевает в отдельных сферах социального мира.

Синхронность протекания чужой длительности и длительности собственной, которая была нами только что установлена, не следует все же понимать таким образом, будто заданный мне в моих Сейчас-Здесь-Так мир несомненно тот же, что и заданный Ты в его корреспондирующих (если не сказать сосуществующих) Сейчас-Здесь-Так мир. Ведь не только мое переживание Ты, но и приписываемое мной Ты окружение всегда несет на себе указатель моих собственных Сейчас и Так, а не Сейчас и Так Другого. Я предполагаю, таким образом, для Ты сопутствующее окружение, снабженное чертами представлений моих Сейчас и Так, и предполагаю, что трансцендентное содержание актов Я и Ты в данных Сейчас, Здесь, Так строго идентичны¹⁶⁵. Так происходит, по крайней мере, в естественном мирозерцании повседневной жизни в окружении, в котором я предполагаю, что стол, который вижу я, — это и стол, который видит Ты. Нам также еще предстоит выявить, каким модификациям подвергается это предположение в различных областях социального мира современников, мира предшествующих поколений и мира потомков¹⁶⁶.

Далее мы подвергнем проверке надежность развернутого нами *основоположения alter ego* на конкретных проблемах понимания чужого. Однако уже сейчас могут быть сделаны прин-

ципальные выводы, имеющие большое значение для тщательного описания феномена интерпретации смысла чужих переживаний.

Самоистолкование моих переживаний происходит на основе общего контекста моего опыта, вобравшего в себя все конституировавшиеся в течение моей прошедшей длительности переживания как конституированные смысловые контекстуальные связи. В этой метаморфозе конституированные смысловые контекстуальные связи мне явлены (по крайней мере потенциально), все мои переживания находятся, так сказать, в моем распоряжении, актуализирую ли я их для рекогниции или воспроизведения, или же потенциально *могу* обратиться к переживаниям, исходя из окончательно конституированного смыслового контекста, который из них сложен. Кроме того, существует возможность умножения переживаний (по крайней мере тех, что основаны на спонтанной активности)¹⁶⁷ путем свободного воспроизведения. Именно путем свободного воспроизведения: ведь я могу опустить любые фазы, обратившись к любым другим, остававшимся прежде без внимания. Однако в принципе весь мой поток переживаний, т.е. континуум моего наполненного переживаниями потока длительности, во всем своем объеме в любое время открыт для моего самоистолкования.

Данное положение никак не приложимо к потоку переживаний *alter ego*, который Я должно истолковать. Разумеется, *поток переживаний Ты также представляет собой континуум, однако Я доступны лишь его дискретные сегменты*. Мы уже продемонстрировали, что моему знанию открыты лишь фрагменты чужих переживаний: в противном случае наблюдатель и наблюдаемый были бы тождественны. Однако помимо этого и смысловые контексты, в которые складываются фрагменты чужого потока переживаний в *моем опытном познании*, не могут не отличаться от контекстов, в которых постигает *свои переживания* в ходе опытного познания *alter ego*. Ведь даже если бы я располагал идеальным знанием всех конституированных в сознании некоторого *alter ego* в данные Сейчас и Так смысловых контекстов, т.е. всем его имеющимся на данный момент запасом опыта, я и в этом случае не мог бы сказать, являются ли те особые смысловые контексты, в которые я определяю полученные *мною* прежде опытным путем сегменты *чужой* длительности, «известные» мне завершившиеся переживания *чужого* сознания, *равно теми же*, в какие определяет их *alter ego*, обращения которого подвержены совершенно иным модификациям внимания.

Если же мы ограничимся именно теми сегментами чужого потока сознания, о которых мы «знаем», которые были запасены в наше опытное знание, и зададимся вопросом об их структуре, то обнаружится, что *всякий опыт чужой психики опирается на опыт моих собственных переживаний этого alter ego*. Лишь поскольку мои опытные переживания относительно alter ego конституируются синхронно или квазисинхронно с переживаниями самого alter ego, с которыми они интенционально соотносены, то я ретроспективным взглядом вместе с моими опытными переживаниями чужих предпрошедших переживаний познаю на опыте и сами эти переживания.

Могут возразить, что возможно непротиворечивое конституирование чужого протекания длительности, которое пофазово было бы синхронизировано с моим потоком сознания, так что каждому Сейчас и Так моей длительности соответствовало бы Сейчас и Так чужой длительности. Кроме того, можно сделать идеализирующее допущение, что Я в каждые Сейчас и Так своей длительности опытным путем познает переживания других и тем самым некоторые переживания Другого, что Я, следовательно, имеет в своем запасе соответствующий опыт чужого протекания длительности *в ее непрерывности*. Однако лишь именно в ее непрерывности (поскольку для каждого Сейчас и Так чужой длительности может быть подобрано мое собственное переживание этих Сейчас и Так), но *не в полноте ее содержания*. Дело в том, что ряд постигнутых мной переживаний alter ego конституирует лишь один и к тому же лишь *возможный* опытный контекст нескольких особых переживаний alter ego (а именно тех, с которыми интенционально соотносены мои опытные переживания), но никогда — вся полнота переживаний Ты, делающих его Сейчас некоторым, и причем этим определенным Так. Это верно, разумеется, и для постижения одного-единственного Сейчас и Так в его синхронной соотносённости. Поэтому мы можем, резюмируя, утверждать, что *при самоистолковании собственная длительность задана в непрерывности и полноте, тогда как при понимании чужого чужая длительность — в дискретных сегментах и никогда — в полноте, а лишь в соответствующих «перспективах восприятия»*.

Но это вместе с тем означает, что *познавательные действия (cogitationes), предметом которых является чужая психика, принципиально сомнительны, в противоположность принципиальной несомненности имманентных актов, направленных на собственные переживания*¹⁶⁸.

Вышеприведенные рассуждения чрезвычайно важны для теории чужой деятельности, которой мы и будем по преимуществу заниматься в дальнейшем. Принципиально сомнительно, попадают ли подмеченные мной переживания Ты в поле зрения его рефлексии, происходят ли они из спонтанного акта Ты, представляя собой «поведение» в определенном нами смысле, и если это так, являются ли они поведением, ориентированным на заданный замысел, т.е. деятельностью. Уже здесь понятие чужой деятельности раскрывает глубину своей проблематики. Таким образом, дело не только в том, что постулат постижения подразумеваемого смысла чужих переживаний принципиально не выполним, но и в том, что остаются существенные сомнения в том, обращается ли Ты вообще со смыслополагающими актами к своим переживаниям, ставшим предметом моего постижения.

§ 21. Неоднозначность расхожего понятия понимания Чужого. Обоснование понимания Чужого в актах самоистолкования

Прежде чем приступить к более детальному анализу, необходимо уяснить себе, что в обиходном понятии понимания Чужого объединены совершенно разнородные явления¹⁶⁹.

«Понимание Чужого» служит то для обозначения всех актов вообще, направленных на alter ego, т.е. всех *моих* переживаний, *касающихся* alter ego, то для обозначения лишь тех, что направлены на постижение переживаний alter ego; определение этих переживаний в соответствующие смысловые контексты вообще (т.е. постижение подразумеваемого смысла по Веберу) также именуется пониманием Чужого, как и определение чужого поведения или чужой деятельности в мотивационные контексты. Многозначность термина «понимание Чужого» возрастает, как только речь заходит о понимании подаваемых Другим знаков. Дело в том, что, во-первых, «понимается» сам знак, во-вторых — то, *что* вообще имеет в виду Другой, используя этот знак, и, наконец, что он имеет в виду, *используя* этот знак именно сейчас, здесь и в этом контексте, и т.д.

Чтобы разделить все эти напластования, начнем *с самого широкого понятия понимания вообще*. Тогда мы можем сказать, что *понимание коррелирует со смыслом вообще*; ведь всякое понимание направлено на осмысленность и лишь понятое — осмысленно. Какие следствия несет в себе это понятие осмыслен-

ности уже в сфере изолированного Я, было рассмотрено в предшествующей части. В соответствии с этим значением все акты, объединенные нами под рубрикой «самоистолкование собственных переживаний Я», следовало бы охарактеризовать как акты понимания, а разного рода подпочвенные слои постижения осмысленного, на которых, как мы видели, основано всякое самоистолкование, следовало бы именовать «пониманием».

Таким образом, человек в своей естественной установке понимает мир, толкуя свои переживания мира, будь то переживания окружающего его неодушевленного мира или одушевленного мира зверей и людей. В таком случае первое понятие понимания Чужого совпадает с самоистолкованием переживаний Я относительно окружающих его людей вообще. Тот факт, что Ты, с которым я сталкиваюсь, является одним из живущих в моем окружении, а не, скажем, призрачное видение звукового кино на экране, устанавливается мной на основе самоистолкования моих переживаний относительно Ты.

Далее, человек в естественной установке воспринимает телесные изменения этого распознанного *в качестве тела живущего в окружении человека предмета* внешнего мира. Он может интерпретировать эти изменения так же, как он интерпретирует изменения неодушевленного предмета внешнего мира, а именно — в ходе самоистолкования своих переживаний относительно этих процессов и событий. И эта вторая фаза все еще не выходит за пределы смыслополагания в жизни изолированной психики.

Соответствующий поворот осуществляется только тогда, когда воспринимаемые события рассматриваются как *переживания другого сознания*, которое, согласно основоположению alter ego, обладает той же структурой, что и мое собственное. Тогда воспринимаемое событие, связанное с чужим телом, будет трактоваться не просто как *мое* переживание этого события в *моем* потоке сознания, а как такое, которому соответствует — причем синхронно — *твое переживание в твоём потоке сознания*. При этом мы пока совсем не будем касаться вопроса, каков специфический род этого самого твоего переживания, т.е. в какие смысловые контексты определяет его твой ретроспективный взгляд, поскольку на этой ступени понимается только то, что воспринимаемое изменение твоего тела вообще является для твоего сознания неким переживанием.

Наконец, в-четвертых, можно поставить вопрос и о смысловом контексте, который определяет это переживание Ты.

Мы уже видели, что такая постановка вопроса никогда не может привести к улавливанию подразумеваемого смысла в четком смысле этого слова. Поддающееся постижению — всегда лишь некоторое «приближение» к этому пограничному понятию «чужого подразумеваемого смысла», поступательный процесс приближения к которому может быть бесконечным.

Однако и речь о смысловом контексте, в который Ты определяет свое переживание, в свою очередь, также оказывается чрезвычайно неясной. Уже вопрос, например, происходит ли воспринимаемое чужое телодвижение на основании некоторого замысла, т.е. находится для того, кто его осуществляет, в мотивационном контексте-для, или же представляет собой не планируемое, чисто «реактивное поведение», указывает на смысловой контекст чужого переживания. Если же учесть, что к этому можно добавить другие вопросы относительно схем опыта, под которые Ты подводит свою «деятельность», например, относительно мотивационного контекста, в связи с которым это особое действие происходит сейчас, здесь, так, — и это сразу дает обзор разветвленной проблематики, скрытой в понятии понимания Чужого. Одна из важнейших задач состоит в том, чтобы проникнуть в структуру этого подлинного понимания Чужого и продемонстрировать, как всякое подлинное понимание переживаний alter ego опирается на самоистолкование собственных переживаний относительно alter ego.

Ранее мы ограничивали наш анализ исключительно сферой заданного телесного бытия alter ego в ближайшем окружении и при этом предполагали, что понимание Чужого основано на интерпретации происходящего с чужим телом. По некотором размышлении становится ясно, что при этом исследование касалось лишь одного из множества регионов социального мира. Ведь и в своем естественном отношении к миру человек обладает опытом относительно современников, с которыми он не сталкивается в телесном виде: он обладает знанием не только о своем *непосредственном окружении*, но и о *более широком мире*, в котором он существует. Кроме того, он обладает опытом относительно *предшествующего* состояния мира и о людях этого мира, т.е. о предшественниках и тех современниках, с которыми ему не доводилось встречаться. Его окружают вещи, указывающие на то, что они были произведены другими людьми, артефакты в самом широком смысле, включая знаковые системы и прочие объекты культуры. Он начинает интерпретацию этих объектов с того, что встраивает их в контекст сво-

его опыта. Однако он в состоянии двинуться далее и задать вопрос о последовательности переживаний в сознании того, кто создал эти артефакты, о движущих побуждениях их создания, о пофазовом протекании их создания и о смысловых контекстах, в которых они находились для чужого сознания.

Все эти сложные процессы подлежат описанию в ходе тщательного анализа. В дальнейшем мы все же включимся в решение этой задачи лишь постольку, поскольку это будет необходимо для нашей темы, «понимание Чужого в социальном мире». Для этой цели нам следует начать с низшей ступени и разобраться с теми актами самоистолкования, которые предпосланы любому пониманию Чужого в собственном смысле. При этом поначалу мы простоты ради допустим, что *alter ego*, поведение которого надлежит понять, дано наблюдателю непосредственно и телесно, т.е. принадлежит к его ближайшему окружению. Наши примеры выбраны из различных областей человеческого поведения, причем сначала мы займемся деятельностью без коммуникативной функции, а затем проанализируем знаковую коммуникативную деятельность.

В качестве примера «понимания человеческого действия (без коммуникативной функции)» возьмем деятельность лесоруба.

Понимание рубки леса может означать:

1. что взгляд направлен лишь на «внешнюю сторону происходящего», т.е. на топор, врубающийся в ствол, на вызываемое этим расщепление древесины и т.д. Пока наблюдатель отмечает лишь эти внешние события, какое-либо обращение к «чужой психике», как и вообще к *alter ego* остается невозможным. Процесс остается в принципе неизменным, независимо от того, производится ли он вручную, машиной или «природной стихией». Правда, некоторое смыслополагание, т.е. акт понимания в самом широком смысле, происходит уже в силу того, что наблюдатель определяет этот процесс в общий контекст своего опыта и называет его, допустим, словами «рубка леса». Однако такое «понимание» — не что иное, как самоистолкование собственных переживаний наблюдателя относительно воспринимаемого процесса, осуществляемое так, как это было подробно описано во второй части. Наблюдатель воспринимает происходящее, формирует свое восприятие в виде политетически структурированных актов синтеза, на которые он бросает монотетический ретроспективный взгляд и определяет эти оформленные в единство ряды переживаний в общий контекст своего опыта, обозначая его при этом определенными слова-

ми. Однако в нашем случае наблюдатель, так сказать, еще даже не замечает *лесоруба*, он видит лишь, что *рубят лес*, и он «понимает» как «рубку леса» воспринимаемый процесс. Существенно важно, что уже эта интерпретация процесса определяется общим контекстом имеющегося в запасе у наблюдателя опыта в соответствующие Сейчас и Так момента толкования. Кто еще не знает на опыте, как делается бумага, никогда не сможет определить в общий контекст своего опыта процессы, необходимые для изготовления бумаги, ведь у него нет необходимых для этого интерпретативных схем. Он будет также не в состоянии вынести соответствующее суждение: здесь производят бумагу. Однако это верно, как мы установили, вообще для любого определения переживаний в опытный контекст.

Понимание рубки леса может

2. также означать, что происходит восприятие изменения некоторой вещи внешнего мира, называемой чужим телом, причем чужое тело хотя и имплицитно понимается как переживающее — в силу одушевленности и соотносительности с *alter ego* — переживания вообще, однако при этом не ставится вопрос о том, соответствуют ли в чужом протекании длительности какие-либо переживания, и если да, то какие, этим особым движениям чужого тела, как и не спрашивается, имеет ли место «деятельность» (поведение согласно замыслу) и какие «мотивы» могут быть связаны с этой деятельностью. Как бы ни толковал наблюдатель движения чужого тела, он и в этом случае не производит ничего иного, кроме самоистолкования своего собственного восприятия чужого тела, т.е. он конституирует, во-первых, что эта вот вещь внешнего мира — тело некоторого *alter ego*, и, во-вторых, изменяется ли оно и если да, то как.

Однако понимание того, что некто рубит лес, может

3. означать, что в поле зрения оказывается не «внешний процесс», а переживания *лесоруба* как *действующего* человека. Тогда вопрос формулируется не как: «какие процессы протекают во внешнем мире?», а: «какие переживания испытывает Другой при их осуществлении?». «Действует ли он вообще на основе спонтанной активности согласно задуманному ранее замыслу? Если это так, то ради чего он осуществляет эту деятельность? Каков его мотив-для? В каком смысловом контексте находится эта деятельность для *него*? и т.д.» Однако эти вопросы нацелены не на фактическую сторону событий как таковых, и не на телодвижения как таковые. Фактическая сторона, как и телодвижения, воспринимаются скорее как симп-

томы ряда переживаний в длительности наблюдаемого. Взгляд наблюдателя направлен не на сами симптомы, а на то, о чем они свидетельствуют, т.е. на процесс переживаний самого наблюдаемого (*подлинное понимание Чужого*).

Теперь кратко разберем сходные наслоения в понимании знакового сообщения и возьмем в качестве примера понимание человека, произносящего некоторые слова на немецком языке. Наблюдатель может направить свой взгляд:

1. на телодвижения говорящего: в этом случае он осуществляет самоистолкование своих собственных переживаний на основе опытного контекста своих соответствующих Сейчас и Так. Прежде всего он констатирует, что перед ним находится человек из ближайшего окружения (а не призрачное изображение на экране звукового фильма), и, далее, что осуществляемые им телодвижения следует толковать как деятельность.

2. на акустическое восприятие одних только звуков. И в этом случае речь идет лишь о самоистолковании собственно-го восприятия, когда тот, к кому обращены слова, устанавливает, что они произносятся говорящим (а не, скажем, соответствующим устройством).

3. на специфическую артикуляцию слышимого. Наблюдатель констатирует, что произносимые говорящим (или также: техническим устройством) звуки отличаются определенной артикуляцией. Тем самым он устанавливает, что наблюдаемый им человек (или, в другом случае, соответствующее техническое устройство, издающее звуки) *говорит*, а не, допустим, «издает крики» или «поет» и интерпретирует тем самым воспринимаемые звуки как слова некоторого языка. Тогда наблюдатель на основании своего опыта подводит воспринимаемые звуки под определенную схему, например – немецкого языка, в пределах которой данное звучащее слово является «знаком для», а именно, знаком определенного словесного значения. Это подведение под общую схему немецкого языка может также происходить без особого внимания к самому словесному значению, а именно, на основании критериев, также данных интерпретатору в определенные Сейчас и Так контекста его опыта. Если я отправляюсь, например, в другую страну, языка которой я не знаю, то я могу интерпретировать наблюдаемое и сделать вывод не только о том, что два человека разговаривают, но и что они пользуются при этом языком соответствующей страны. Так что я толкую видимое в том смысле, что передо мной два человека из окружающего меня мира, а не

персонажи проецируемого на экран фильма, что они произносят членораздельные звуки, точнее слова, далее я могу констатировать, что эти называемые «словами» звуковые образования в определенной схеме более высокого порядка являются «знаками для», более того, я могу сказать относительно самой этой схемы, какова ее общая форма, а именно, что это язык, например, венгерский язык, хотя я при этом и не в состоянии достичь самих словесных значений.

Все эти интерпретации являются актами самоистолкования собственных переживаний наблюдателя и еще никак не направлены на постижение переживаний наблюдаемого.

Наблюдатель «понимает» далее

4. слово как знак словесного значения. И в этом случае он осуществляет лишь акт самоистолкования, подводя знак под знакомую по опыту знаковую систему (интерпретативную схему), например, немецкого языка. Вследствие своих знаний немецкого языка наблюдатель соединяет со словесным знаком «Tisch» представление об определенном предмете обихода, столе, обладающем примерно известными свойствами и определенным назначением. При этом принципиально иррелевантно, произносится ли это слово живым человеком, машиной или попугаем, доступно ли оно наблюдателю в письменном, печатном виде, вырезанным из дерева или отлитым из металла, как и то, когда, где и в каком контексте он его воспринимает¹⁷⁰. Таким образом, слово только как знак лексического значения остается все еще предметом исключительно самоистолкования интерпретатора, пока осуществляется только интерпретация объективного знака в пределах объективной знаковой системы и не поднимается вопрос о том, какой (пусть и не существенно) окказиональный смысл имеет в виду употребляющий знак своим употреблением, т.е. знаком чего является знак *для того, кто его использует*. Если мы утверждаем, что все эти интерпретативные действия являются самоистолкованиями интерпретатора, то при этом нельзя упускать из вида, что в общий контекст опыта интерпретатора, исходя из которого тот осуществляет это истолкование, входит и предварительное знание относительно наблюдаемого *alter ego*.

Однако наблюдатель может осуществить переход к подлинному пониманию Чужого, если он

5. обратит внимание на словесное значение как симптом процессов сознания говорящего, т.е. как полагаемый смысл. Причем он может задаться вопросом а) что имеет в виду гово-

рящий, говоря нечто, и б) что имеет говорящий в виду, произнося это сейчас, здесь и обращаясь к тому, кому он это говорит (сообщает). Эти вопросы нацелены на переживания сознания alter ego, т.е. на подлинное понимание Чужого. В одном случае вопрос касается смыслового контекста, в котором сообщаемый знак находится для того, кто его использует, в другом — мотива самого сообщения. Однако проведенный анализ со всей ясностью показывает, что именно эти последние вопросы могут быть поставлены только тогда, когда Я постигло услышанное слово (как сообщаемое alter ego) в ходе самоистолкования, следовательно, *что всякое подлинное понимание Чужого опирается на акты самоистолкования понимающего.*

Правда, проведенный нами анализ представляет собой лишь демонстрацию примеров. У нас еще будет возможность вернуться к существенным отношениям, обнаженным с помощью наших примеров. Резюмируя, еще раз повторим, какие из соотнесенных с alter ego интерпретативных актов следует рассматривать как акты самоистолкования интерпретатора. Во-первых то, что наблюдаемый — существующий в нашем окружении человек, а не проекция на киноэкране, следует для наблюдателя исключительно из самоистолкования своего восприятия чужого тела. Точно так же толкование всех «внешних» процессов деятельности, т.е. чужих телодвижений и эффектов чужой деятельности, лишь в актах самоистолкования интерпретатора. Он толкует их, как толкует полет птицы или качание ветки, не обращая внимания на процессы в сознании alter ego, только исходя из общего контекста своего опыта относительно подобных процессов как таковых¹⁷¹. Точно так же все воспринимаемые мимические, сообщающие движения alter ego поддаются интерпретации только на основе опытного контекста интерпретатора, так же как и знаки, используемые alter ego для сообщения, пока они толкуются лишь на предмет их общего значения, а не окказионального значения для того, кто их употребляет.

Однако «понимание Чужого» обозначает помимо этого — и только в этом и заключается собственный смысл этого термина — интерпретацию процессов сознания alter ego, которые мы познали опытным путем, толкуя внешние процессы как знаковые. Всякой такой интерпретации предшествует осуществляемая в ходе самоистолкования интерпретация симптомов, в которых знаменуются процессы сознания alter ego. Однако интерпретатор не останавливается на самоистолковании. Ему изве-

стно — между прочим, на основании общего контекста его опыта — что смысловому контексту, в котором *для него* существуют эти симптомы и то, на что они указывают, соответствует также специфический смысловой контекст *в чужом сознании*, и именно на него устремлено его внимание, когда он, например, спрашивает: что происходит в сознании лесоруба? Какой смысл придает он своей деятельности? Или вернее: каким образом осуществляет он обращение к своему переживанию сознания в связи со спонтанной активностью? Далее: что имеет в виду говорящий со мной, обращаясь ко мне, вообще заговаривая со мной, и притом сейчас, здесь, так? Чего ради делает он это (мотив-для) и что побуждает его к этому (подлинный мотив-потому-что)? Что означают также произнесенные им слова в его устах и в этом случае? — Все эти вопросы нацелены на смысловой контекст, в котором подлежащее интерпретации переживание находится для alter ego, на конституирование переживаний этого alter ego в их пофазовом построении и на монотетический ретроспективный взгляд, который alter ego бросает на свои переживания.

§ 22. Переход к пониманию Чужого в подлинном смысле

Если в предыдущем параграфе мы убедились, что всякое подлинное понимание Чужого основано на актах самоистолкования, то теперь нам предстоит подвергнуть более точному анализу само это подлинное понимание Чужого. Уже из наших примеров следует, что анализ этот должен двигаться в двух направлениях. Нам следует прежде исследовать подлинное понимание чужой человеческой деятельности *без коммуникативного намерения* (пример лесоруба) и потом — проанализировать понимание чужой *коммуникативной деятельности*, включающей в себя новое и еще недостаточно изученное измерение создания и толкования знаков с целью сообщения (пример: понимание слова говорящего на немецком языке).

Сначала мы обратимся к первой группе примеров; мы будем, следовательно, наблюдать за существующим в нашем непосредственном окружении человеком в ходе выполнения некоторого действия, например рубки леса, и сосредоточим свое внимание на потоке переживаний в сознании наблюдаемого. При этом мы сразу же исключаем возможность выспросить этого человека относительно переживаний его сознания; ведь

чтобы его выпросить, мы должны вступить с ним в определенные социальные отношения, а возможность таких отношений предполагает, в свою очередь, что мы понимаем определенные процессы сознания Другого с помощью определенных знаков, например языка, точно так же, как и он в состоянии понять некоторые исполняемые нами знаки как знаки процессов нашего сознания¹⁷². Однако эту ситуацию можно прояснить лишь в рамках анализа деятельности по обмену сообщениями, т.е. в пределах упомянутой второй группы примеров, которая будет исследована нами отдельно.

В качестве второй предпосылки мы будем считать, что не знаем о наблюдаемом ничего, кроме воспринимаемых нами процессов, которые мы уже проинтерпретировали в ходе самоистолкования как события внешнего мира. Поэтому в нашем примере мы знаем в силу уже прошедшего самоистолкования только то, что наблюдаемый — человек, находящийся в нашем непосредственном окружении, что его телодвижения означают некоторую деятельность, а именно, деятельность, опознаваемую нами как «лесоповал», а кроме этого мы не располагаем об этом человеке никаким «предварительным знанием».

Как же мы улавливаем протекание переживаний в сознании наблюдаемого? Мы восприняли и проинтерпретировали действие Другого как процесс внешнего мира. Исходя из этого действия, мы можем при участии воображения воспроизвести ряд переживаний сознания, в которых действие конституировалось для действующего, замыслив воспринятое и проинтерпретированное действие так, как если бы *нам* предстояло его реализовать, а затем воображая исполнение действия и интенционально фиксируя наши переживания сознания в ходе ориентированной на этот замысел деятельности. Таким образом, мы намечаем цель чужого действия словно цель собственного действия и силами фантазии представляем себе ход нашей деятельности, ориентированной на этот замысел. При этом мы наблюдаем, что замысел нашей деятельности *modo futuri exacti* полагает всю деятельность завершившейся, что воображаемое выполнение действия сопровождается удержаниями и воспроизведениями замысла (правда, лишь в модусе воображения), что воображаемое осуществление деятельности соотносится с прежде задуманным действием в модусе выполнения или невыполнения и т.д.

Вместо чистой фантазии собственной воспроизводящей деятельности, шаг за шагом ведущей к достижению цели чужо-

го действия, которое мы в воображении превратили в наш собственный замысел, можно воспользоваться воспроизведением свершившихся переживаний собственной деятельности, которая «в реальности» была ориентирована на задуманную до того цель действия, причем цель, идентичную той, на которую теперь ориентирует свою деятельность наблюдаемый. Отличие между этими двумя случаями заключается в том, что в первом случае мы интенционально фиксируем воображаемый ход наших переживаний согласно воображаемому замыслу цели некоторого действия, как если бы мы «на своем опыте» могли его испытать, если бы занялись действием с той же целью, тогда как во втором случае мы уже «на деле» осуществили «то же» действие, которым наблюдаемый как раз занят и которое мы наглядно представляем себе путем воспроизведения.

Таким образом, мы как бы занимаемся подменой личности, ставя себя на место действующего и отождествляя при этом свои переживания сознания при однотипной с наблюдаемой деятельностью с чужими переживаниями сознания. Может показаться, что мы впадаем при этом в то же заблуждение, что и известная «проективная» теория вчувствования. Ведь мы явно подставляем собственные процессы сознания на место процессов, происходящих в чужом сознании, оказываясь в некотором роде жертвой *quaternio terminorum*, поскольку нам при таком образе действия всегда открывается лишь наше собственное сознание, но не чужое. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что описанная нами ситуация определенно не имеет ничего общего с тем, что имеет в виду теория вчувствования, разве что общее положение о Ты как «чужом Я», гласящее, что всякое Ты как такой же человек, существующий в ближайшем окружении, осуществляет конституирование *своих* переживаний сознания таким же образом, как и я — конституирование моих собственных переживаний. Но и эта общность является на самом деле мнимой: ведь мы берем за исходную точку общее основоположение чужой длительности, тогда как проективная теория вчувствования достигает «слепой веры» в существование других наделенных психикой людей, лишь убедившись в факте вчувствования. То есть мы лишь доводим до эксплицитной ясности то, что имплицитно содержится в выносимом в ходе самоистолкования суждении: «Это такой же человек, как и я, существующий в моем окружении». Нам со всей очевидностью ясно, что переживания, испытываемые *alter ego* при его деятельности, принципи-

ально иные, нежели наши переживания нашей деятельности (воображаемой или воспроизведенной) с той же целью, поскольку именно подразумеваемый смысл деятельности, как было показано ранее, принципиально субъективен и доступен только соответствующему сознанию. Ошибки теории вчувствования заключаются, во-первых, в том, что она наивно пытается вывести из вчувствования конституирование alter ego в сознании Я, которое достижимо лишь трансцендентально-феноменологическим путем, поступая так, словно вчувствование представляет собой источник познания существования чужих Я¹⁷³; во-вторых, что она претендует на выявление гораздо большего, чем констатация структурного тождества процессов чужого сознания с моим собственным, а именно — частных особенностей того, как действует чужое сознание. В то же время все, что мы в состоянии высказать о смысле чужой деятельности без функции сообщения, уже содержится в основоположении чужого Ты.

Если мы попробуем резюмировать итоги проведенного ранее анализа, то окажется, что мы превращаем чужие цели действий, или, как еще можно сказать, чужие мотивы-для в собственные мотивы-для воображаемой деятельности и используем в нейтрализующих положениях как-бы-исполнение ориентированной на этот мотив-для собственной деятельности в качестве интерпретативной схемы для переживаний другого, действующего относительно его реальной деятельности. Однако во избежание недоразумений следует прямо оговорить, что все это представляет собой лишь рефлексивный анализ протекания чужого действия после того, как оно завершилось. Во время переживания текущих событий живая интенциональность движет/захватывает наблюдателя, так что ему нет надобности шаг за шагом обращать рефлексии к воображаемым или имевшим место в прошлом переживаниям. Перед ним происходит пофазовое разветвление чужой деятельности. Отождествление его с alter ego происходит в этом случае не в ходе ретроспекции, от заданной, общей в воображении цели действия к отдельным фазам деятельности. Скорее, речь идет о том, что его отождествляет себя, двигаясь поступательно вперед, фаза за фазой, с постигаемым во всей полноте потоком переживаний alter ego и сливаясь с ним в едином Мы. Об этом еще предстоит более подробно поговорить далее¹⁷⁴.

Все наши рассуждения были ограничены тем условием, что наблюдателю неизвестно о наблюдаемом ничего, кроме той последовательности событий, которая и представлена ему для интер-

претации как чужая деятельность. Достаточно ясно, что это ограничение изолирует наблюдаемое чужое действие, вырывая его из контекста, в котором оно связано с предшествующими и последующими событиями, из контекста, в котором оно находится как для наблюдателя, так и для alter ego как его поток переживаний. Мы как бы делаем моментальный снимок — или несколько моментальных снимков — некоторого предмета внешнего мира, называемого «движущееся чужое тело», однако это лишь малый фрагмент киноплёнки, предшествующая и последующая часть которой остается неизвестной наблюдателю. Наш опыт соответствующего Сейчас и Так наблюдаемого события, наша интерпретация фактов наблюдаемого процесса или наблюдаемого телодвижения в ходе самоистолкования действительно позволяет нам вообразить однотипную цель действия. Однако если нам доступны переживания наблюдаемого за пределами соответствующих Сейчас и Так, и, следовательно, нам известна высшая цель действия, в соотношении с которой «для-того-чтобы» наблюдаемой деятельности — лишь промежуточная цель, или нам по опыту известно о прошедших сериях переживаний наблюдаемого «в аналогичных ситуациях», то в этом случае подлежащая моделированию в воображении деятельность приобретает большую определенность. Если я знаю — возвращаясь к примеру Макса Вебера — что лесоруб занимается своим делом ради заработка, или же это для него только развлечение, то это знание позволяет мне включить его конкретную деятельность, рубку деревьев, в более широкий смысловой и мотивационный контекст. В этом случае мое воображение собственных замыслов сможет сконструировать адекватную модель чужих процессов сознания только тогда, когда я включаю деятельность, которую я должен вообразить предметом моего замысла, в смысловой и мотивационный контекст, который также выходит за пределы отмеченных и воспринимаемых в данных Сейчас и Так фактов деятельности. Иными словами: мы уже во время предыдущих рассуждений обнаруживали, что единство деятельности конституируется исключительно в диапазоне замысла. Если я как наблюдатель не знаю о наблюдаемом ничего, кроме внешних фактов его действия, каким я его просто вижу, то в постконституирующей реализации его воображаемых переживаний сознания я могу предполагать следующей предварительному замыслу только ту деятельность, которая привела к наблюдаемому мной действию. Если же я хочу избежать «неадекватности» моей деятельности, воображаемой на осно-

ве данного замысла как деятельности чужой, то я должен, ретроспективно фантазируя, «усвоить» все смысловые контексты, в которые эта деятельность входит, опираясь на мое предварительное знание о данном alter ego вообще. К этому понятию неадекватности мы еще будем неоднократно возвращаться и познакомимся с его значением для теории понимания Чужого.

§ 23. Выразительное движение и выразительное действие

Для только что проанализированных действий характерно, что действующий хотя и желает своей деятельностью влиять на внешний мир, т.е. мотивом-для его деятельности является физическое изменение внешнего мира, однако при этом он не стремится «выразить» этой деятельностью переживания своего сознания. Однако термин «выражать» неоднозначен и требует прояснения, если предполагается включить в анализ понимания Чужого сообщающие действия. Под деятельностью выражения может пониматься, с одной стороны, всякая деятельность, которой человек желает «спроецировать вовне» содержание своего сознания, либо чтобы сохранить его для себя (пример: дневниковые записи), либо чтобы сообщить его другим. В обоих случаях речь идет о подлинной деятельности, осуществляемой согласно замыслу, мотивом-для которой в социальном мире является восприятие сообщаемого alter ego, а в мире изолированного Я — фиксация выражаемого с целью позднейшего восприятия самим выражающим. От этого *выразительного действия* следует, с другой стороны, отличать *выразительное движение*, как его называют в психологии, которое происходит без коммуникативного намерения и у которого отсутствует интенция «сделать доступными некоторые «мысли», для других или для себя»¹⁷⁵. В данном случае речь не может идти о подлинной — согласно нашему определению — деятельности, это всего лишь поведение. В этом основанном на спонтанной активности поведении отсутствует замысел, отсутствует, следовательно, и мотив-для, отличающий всякую подлинную деятельность. «Выразительными движениями» в этом смысле являются, например, мимика и жестикуляция, которыми мы сопровождаем нашу речь, не соединяя с ними какого-либо явного намерения¹⁷⁶.

Наблюдатель, которому чужое оживленное тело задано как выразительное поле чужих процессов сознания, может каждое проявление выражения, исходящее от этого тела, понимать

как симптом переживания чужого Я, идет ли речь о выразительных движениях или выразительных действиях¹⁷⁷. Однако это утверждение также нуждается в дополнительных разъяснениях.

Когда я, как говорит Вебер, понимаю приступ ярости, выражающийся в мимике, междометиях, иррациональных движениях, то это тоже может пониматься по-разному. Толкуя все эти процессы в выразительном поле чужого движущегося тела как приступ ярости, я осуществляю всего лишь самоистолкование своего восприятия этого выразительного поля, называемого чужим телом, и делаю это так же, как я толковал телодвижения лесоруба, усматривая в них рубку леса. Лишь с помощью дальнейшего перемещения взгляда, которое, правда, в живой интенциональности непосредственного постижения Ты тесно переплетено и синхронно с первым проявлением внимания, я приписываю этому процессу, происходящему с движущимся телом, некоторое особое переживание Ты, а именно — аффект «ярость», осуществляя тем самым подлинное понимание Чужого. Это перемещение к подлинному пониманию Чужого оказывается для меня возможным только потому, что я, исходя из своего опыта, знаком с подобными аффектами — так как я сам переживал их, будь то в спонтанной активности моей души, будь то в воображении, либо познал на опыте их протекание в сознании других благодаря внешнему «проявлению»¹⁷⁸. Таким образом, наблюдатель не сомневается, что перед ним выразительное движение в некотором смысловом контексте, однако это только для *наблюдателя*, для которого это движение — симптом чужих переживаний. Зато наблюдатель не в состоянии сказать, находятся ли выразительные движения и для того, кого он наблюдает, в некотором смысловом контексте; ведь это имело бы место только в том случае, если бы alter ego направило взгляд на пофазовое конституирование своего выразительного движения, что невозможно, поскольку выразительное движение как в основном актуальное (лишь предфеноменальное) переживание остается недоступным для любой рефлексии.

Следовательно, выразительные движения обладают смыслом прежде всего для наблюдателя, но не для того, на ком они наблюдаются. Именно этим они отличаются от выразительных действий, которым и в потоке сознания наблюдаемого всегда присущ смысл. Выразительные действия всегда представляют собой подлинные сообщающие действия, т.е. осуществляемые с целью толкования, самим лицом, использующим знак, или кем-то другим.

Таким образом, фактические данные внешних процессов не дают интерпретатору опоры в решении вопроса о том, является ли наблюдаемое движение чужого тела выразительным движением или выразительным действием. Установление этого возможно только с опорой на другой опытный контекст. Мимика и жестикация, которые мы замечаем у окружающих нас в повседневной жизни людей, внешне может быть по фактическим данным своего протекания такой же, как мимика и жестикация актера. И все же в то время, как мы в соответствии с заданным нам опытным контекстом во втором случае рассматриваем жестикацию и мимику актера как знаки, употребляемые им для выражения переживаний, в повседневной жизни мы остаемся в сомнении относительно того, являются ли жесты данного человека знаками или же они представляют собой простые выразительные движения без функции сообщения. Если мы хотим разобраться в этом и задаемся вопросом, были ли эти выразительные движения специально использованными знаками, то нам предстоит выяснить, действовал ли наблюдаемый по заранее составленному плану или нет, входила ли в этот план интерпретация наблюдателем и не является ли весь этот комплекс смысловых контекстов одним из звеньев более широкого («субъективного») смыслового контекста, т.е. не является ли запланированное использование знака лишь промежуточной целью более масштабной намеренной деятельности, короче говоря, мы должны заняться мотивом, подвигнувшим наблюдаемого нами к использованию знака.

Для понимания выразительного действия принципиально безразлично, в чем заключается выразительное действие: в жесте, в комплексе звуков (слово) или в создании отдельного от тела артефакта. Всякая выразительная деятельность представляет собой использование знаков, независимо от того, как он подается: через артефакт или телодвижение. И теперь нам предстоит заняться сущностью знака.

§ 24. Знак и знаковая система

Прежде всего нам надо отделить понятие *знака* или *символа* от общего понятия *симптома*, или *признака*, как это уже сделал Гуссерль в I логическом исследовании. Под симптомом Гуссерль¹⁷⁹ понимает предмет или ситуацию, наличие которых указывает на наличие некоторых других предметов или ситу-

аций в том смысле, что уверенность в существовании одних переживается как непроницаемый мотив убежденности в существовании другого. В отношении рассматриваемой нами проблемы из этого определения следует, что связь между симптомом и тем, на что он указывает, конституируется исключительно в сознании того, кто интерпретирует симптом как указание на то, к чему отсылает симптом.

Само собой разумеется, что данная Гуссерлем характеристика симптома как мотива убежденности не имеет ничего общего со смысловым контекстом, именуемым нами «мотив некоторой деятельности». То, что Гуссерль называет мотивом, хотя и представляет собой также смысловой контекст, но в нашей терминологии это контекстуальная смысловая связь между, по крайней мере, двумя интерпретативными схемами, связь, установившаяся в актах предварительного опытного познания. Однако этот контекст при интерпретации симптома оказывается вне поля зрения, а потому и «мотив» оказывается «непроницаемым». Таким образом, связь между симптомом и тем, на что он указывает, является чисто формальной и потому общей, она не отсылает к бытию особого способа конституирования. Это явно соответствует позиции Гуссерля. Симптомами могут быть предметы как неодушевленного, так и одушевленного мира. Для геолога определенная формация земной поверхности является симптомом присутствия определенных минералов, для математика обстоятельство, что алгебраическое уравнение имеет нечетную степень, оказывается признаком того, что оно содержит, по крайней мере, один реальный корень. Во всех случаях речь идет о контекстуальных связях опытных переживаний этих предметов, конституированных в сознании интерпретатора симптомов. В этом смысле воспринимаемые процессы, происходящие с чужим одушевленным телом, представляют собой симптомы переживаний сознания *alter ego*.

От *симптомов* следует отличать «осмысленные знаки», или «выражения», часто называемые также *символами*.

Рассмотрим сначала конституирование знаковой функции в сознании того, кто толкует знаки. Между знаком и означаемым существует отношение репрезентации¹⁸⁰. Обращаясь к символу, всегда являющемуся предметом внешнего мира в самом широком смысле слова, мы смотрим на него не как на *предмет сам по себе*, а как на *репрезентацию* того, что он представляет. Таким образом, в подготовленном акте постижения мы обращаем взор не на знак, а на то, «знаком чего» он является. Характери-

зую это отношение, Гуссерль неоднократно указывает на то, что к сущности знаковости принадлежит то обстоятельство, что «знак и означаемое не имеют ничего общего»¹⁸¹. *Таким образом, знаковое отношение явно представляет собой особое отношение между интерпретативными схемами, прилагаемыми к предметам внешнего мира, называемым знаками.* В постигающем акте знакового понимания означающее интерпретируется не как сам предмет, т.е. не по тем интерпретативным схемам, которые были бы адекватны ему как самостоятельному предмету внешнего мира, а по другим интерпретативным схемам, адекватным не самому обозначающему предмету, а тому, что он обозначает. *Но адекватной для предмета опыта в этом случае интерпретативная схема будет называться тогда, когда ее конституирование происходит на основе политетически опытных переживаний именно этого предмета как самости.* Так, например, эти черные линии, образующие «А» на этой бумаге, могут быть адекватно интерпретированы как фигура данной особой формы, конституирующаяся в зрительных переживаниях, или же «неадекватно» как знак «гласного А» со своим особым содержанием; адекватная интерпретативная схема гласного А конституируется не на основе оптических, а на основе акустических переживаний.

Однако это обстоятельство оказывается затемненным из-за того, что приложимость адекватной обозначаемому интерпретативной схемы к означаемому, в свою очередь, также относится к прежнему опыту (прежнему знанию) и потому сама опять-таки подпадает под некоторую интерпретативную схему¹⁸².

Все это верно для толкования знака как в жизни изолированного Я, так и в социальной жизни. Все же при этом необходимо учесть следующее: привычное выражение, согласно которому знак всегда является «знаком чего-то», двусмысленно. С одной стороны, знак — «знак для» значения знака, а именно того, что он *означает* (денотативная функция знака), но знак, в то же время, и «знак для» того, что выражает, то есть переживания сознания того, кто знак употребляет. В мире природы знаков нет, есть только симптомы. Знак по сути своей — знак, поданный мной или Другим, и поданный, чтобы выразить переживание сознания; и поскольку знак всегда отсылает к действию подающего его разумного существа, то ему присуще свойство симптома переживаний сознания того, *кто его подает* (выразительная функция знака)¹⁸³.

Поэтому знак всегда является артефактом или конституированной предметностью действия. Граница между ними чрез-

вычайно неопределенна. Всякая предметность действия как знаковая предметность (например, палец, указывающий в определенном направлении) сводима к протеканию деятельности, приведшей к осуществлению этого действия. Однако в принципе все же безразлично, ведет ли эта деятельность к завершённой предметности действия (жесту) или к артефакту (знакам вроде «указателей»)¹⁸⁴.

Однако подлежащий толкованию знак вовсе не обязательно должен сводиться к его установлению alter ego. Интерпретатор вполне может удовлетвориться знанием синтетической смысловой контекстуальной связи, которая существует благодаря его опыту между интерпретативной схемой означающего и интерпретативной схемой означаемого, чтобы обратить свой взгляд в акте подготовленного восприятия непосредственно на само означаемое, т.е. не обращая внимания на означающее как самостоятельный предмет внешнего мира и не обращая внимания на то, что это означающее было подано мной самим или неким alter ego. В этом случае он удовлетворяется денотативной функцией знака.

Итак, мы можем дать следующее определение «знака»: *знаки — это предметности действия или артефакты, которые не толкуются по интерпретативным схемам, конституирующимся на основании переживаний их как самостоятельных предметностей внешнего мира или хранящихся в запасе в соответствующем опытном контексте для подобных переживаний предметностей физического мира (адекватные интерпретативные схемы), но которые в силу особых предшествующих опытных переживаний подводятся под иные (неадекватные) интерпретативные схемы, конституированные на основе политетических полаганий актов опытного познания других физических или идеальных предметностей.* Как уже отмечалось, применимость интерпретативных схем, адекватных означаемому, к самому обозначающему обусловлено предшествующим опытом, и опыт этот функционирует, в свою очередь, как интерпретативная схема. Мы назовем эту интерпретативную схему *знаковой системой*. *Под знаковой системой мы понимаем соединяющий интерпретативные схемы смысловой контекст, в котором соответствующий знак находится для того, кто его подает или интерпретирует.*

Но и выражение «контекст, в котором находится соответствующий знак», оказывается многозначным. Разумеется, никак нельзя утверждать, будто контекстуальные связи между знаками существуют *объективно*, т.е. независимо от всякой

интерпретации смысла или смыслополагания. Ведь связь между осмысленными явлениями сама представляет собой осмысленное явление, и поэтому либо употребляется, либо толкуется. Точнее говоря, смысловые контекстные связи существуют не между знаками как таковыми, а между значениями знаков, тем, «для чего знак является знаком», т.е. переживаниями его cogitans, подающего знаки, либо его cogitans, знаки толкующего. Однако поскольку эти «значения» постигаются лишь с помощью знаков и в знаках, то и между ними существует контекстная связь, которую мы и будем называть «знаковой системой».

Знаковая система предстает тому, кто обладает ей в виде предварительного знания, как смысловой контекст более высокого порядка, объединяющий прежде известные знаки. Для него немецкий язык предстает смысловым контекстом каждого из слов этого языка, знаковая система географической карты — смысловым контекстом для каждого знака этой карты, нотная грамота — смысловым контекстом для записываемых нот и т.д.

Опыт принадлежности знака знаковой системе независим от знания о том, *что* значит данный знак, как и того, выражением какого переживания сознания подающего его он является. Даже если я не владею стенографией, я все же в состоянии установить, что исписанный значками лист бумаги представляет собой стенографическую запись. Даже если я не знаю правил карточной игры, я могу опознать карты как знаки в пределах общей системы конституирующих данную игру правил, т.е. опознать их как *игральные* карты и т.д. Отнесение какого-либо знака к соответствующей знаковой системе происходит на основании общего контекста соответствующего опыта. При этом достаточно, если я обнаруживаю в своем опыте предварительное знание о существовании подобной знаковой системы и о критериях ее конституирования. Нет никакой нужды постигать значение отдельных знаков, чтобы «владеть» знаковой системой. Например, суждение: «Это китайские иероглифы» можно вынести независимо от «понимания» данных письменных знаков или китайской письменности вообще.

Будучи знаком *поданым*, любой знак осмыслен и потому принципиально поддается пониманию. Вообще говорить о бессмысленном или непонятном знаке абсурдно. Можно лишь сказать, что некий знак бессмыслен в отношении одной или нескольких заданных определенных знаковых систем, что, однако, всего лишь означает, что данный знак чужд заданным

знаковым системам и принадлежит какой-то другой. Никто и никогда не может установить бессмысленность определенного сочетания звуков или букв вообще, а только бессмысленность в пределах некоторого «языка» в самом широком смысле. Нагромождение буквенных символов, даже непроизносимых, может обладать «зашифрованным» значением и быть употребленным и заданным другим для толкования с прицелом на эту интерпретативную схему. Например, сочетание букв и звуков *bamalip* кажется в пределах знаковых систем европейских языков бессмысленным. То есть тот человек, в опыте которого имеются лишь знаковые системы европейских языков, не может подыскать для этого знака какой-либо смысл. Однако это утверждение о бессмысленности только кажется верным. Ведь тот, кому уже известно, что знак *bamalip* — схоластическое обозначение одной из фигур вывода формальной логики, а именно, так называемого первого модуса четвертой фигуры, сможет найти для него вполне подходящий и совершенно точный смысл и в пределах знаковой системы, скажем, немецкого языка.

Таким образом, знаковое значение в рамках определенной знаковой системы также должно относиться к уже имеющемуся опыту, и в таком случае спрашивается, что следует понимать под «имеющимся опытом» относительно знака. Если мы проанализируем, каким образом мы приобрели опыт, согласно которому звуковое и буквенное сочетание *bamalip* является знаком определенной фигуры логического вывода, то окажется, что мы узнали опытным путем значение этого звукового сочетания как обозначения в соответствующей ему знаковой системе или из учебника логики, или от некоего «учителя». «Узнали» опытным путем, то есть, воспроизводя, употребили для того, на что направлено наше внимание, в данном примере — идеальной предметности «силлогизм первого модуса четвертой фигуры», в качестве знака звуковое сочетание *bamalip*. Таким образом, понимание знака (вернее, возможность его интерпретации исходя из определенной системы) восходит к предшествующему акту полагания знака, который мы осуществили с помощью этого знака как выражения элемента содержания нашего сознания.

Следовательно, всякая знаковая система представляет собой схему нашего опыта, причем в двойном смысле. Во-первых, это *схема выражения*, т.е. знак уже по крайней мере однажды употреблялся мной для означаемого, будь то в ходе спонтанной активности, будь то в воспроизводящем воображении. Во-вторых, это *интерпретативная схема*, т.е. я прежде уже толковал соот-

ветствующий знак как знак данного означаемого. Это различие важно потому, что я, как уже показали приведенные ранее примеры, способен опознать знаковую систему как интерпретативную схему, хотя сам и не пользуюсь этой системой как схемой выражения и лишь знаю, что другие прибегают к ней как схеме выражения. В мире изолированного Я схема выражения знака с необходимостью совпадает с его интерпретативной схемой. Если я, например, веду записи только для себя некоторым шифром, то знаки этого шифра прежде всего — установленные мной знаки, поскольку я изобрел этот шифр и пользуюсь им для своих записей — но затем этот шифр является для меня и интерпретативной схемой. Однако он является для меня интерпретативной схемой, если я читаю записанное мной этими знаками или собираюсь сделать новые записи тем же шифром.

Владеть некоторой *знаковой системой*, например языком, значит постигать значение отдельного знака в рамках данной системы с эксплицитной ясностью. Это возможно, только если знаковая система и входящие в нее отдельные знаки имеются в наличии в модусе знания как схема выражения и как интерпретативная схема для усвоенных опытом актов. В обеих функциях, как в интерпретативной схеме, так и в схеме выражения, каждый знак отсылает к опыту, предшествовавшему его конституированию. Как схема выражения и интерпретативная схема знак может быть понят лишь исходя из тех конституирующих его переживаний, которые он обозначает; его смысл состоит в транспонируемости, т.е. в сводимости к известному иным образом. Это иное известное может, в свою очередь, быть либо само схемой опыта, под которую подведено означаемое, либо другой знаковой системой. Филолог Мейе¹⁸⁵ с замечательной ясностью излагает это применительно к языку: «Смысл неизвестного языка не поддается угадыванию. Чтобы понять текст на языке, традиция которого прервалась, требуется либо его точный перевод на уже известный язык, т.е. требуется надежная билингва, или же этот язык должен быть червчвычайно близок одному или нескольким хорошо известным нам языкам, иными словами: *он должен быть в принципе нам уже знаком*».

Это «знакомость» языка заключается в том, что значение знака представляет собой сохраняемое отложение предшествующих переживаний в соответствующие Сейчас и Так того, кто пользуется этим знаком. Владение некоторым языком, или, в более общем виде, некоторой знаковой системой, состоит тем самым как в определенных включениях в интерпретативную

схему (которыми говорящий на основе предыдущего опыта — пусть и со спутанными импликациями — еще в состоянии воспользоваться), так и в возможности в любое время перевести эти находящиеся в распоряжении говорящего опытные предметности в реконструирующую активность¹⁸⁶, т.е. в возможности применения знаковой системы, известной по опыту в качестве интерпретативной схемы, как схемы выражения.

Теперь мы можем приступить к ответу на вопрос, что же имеется в виду, когда говорят: «*соединять со знаком некоторый смысл*». Это выражение явно значит нечто иное, нежели термин «соединять смысл с некоторым поведением», который мы раскрыли в рассуждениях вводной части¹⁸⁷ как языковую метафору. Смысл соединяется с некоторым знаком постольку, поскольку его знаковое значение включено в заданную знаковую систему, как со стороны того, кто знак подает, так и со стороны того, кто его толкует. Необходимо уяснить себе, что содержится в предпосылке установленной принадлежности знака к определенной знаковой системе. Знак имеет в пределах знаковой системы, которой он принадлежит, некоторый «объективный смысл» постольку, поскольку он может быть однозначно соотносен с тем, что он означает, независимо от подающего знак и толкующего знак. Если мы тщательно проверим содержание этого положения, то окажется, что оно значит не что иное, как то, что всякий «владеющий» данной знаковой системой понимает под данным знаком в его денотативной функции означаемое, независимо от того, кем и в каком контексте он употребляется. Как раз обусловленная его сущностью сводимость знака к полученным прежним опытом элементам содержания сознания позволяет интерпретатору повторять конститутивный синтез, ведущий к данной интерпретативной схеме или схеме выражения. Поэтому в пределах знаковой системы знаку присуща идеальность повторения «вновь и вновь»¹⁸⁸.

Однако это не значит, что знак в пределах известной по прежнему опыту знаковой системы может быть понят лишь после осуществления обращения к опытным переживаниям, на основе которых конституировался опыт данного знака. Напротив: будучи подлинной интерпретативной схемой для переживаний предшествующего опыта, он инвариантен по отношению к переживаниям осуществляющего опытное познание Я, переживаниям, в которых он конституировался.

Этому объективному значению знака, постигаемому в процессе самоистолкования интерпретатора знака, противостоит

выразительная функция знака как симптома процессов сознания подающего знак, т.е. контекст, в котором сообщаемый знак находится для того, кто осуществляет сообщение. Поясним это обстоятельство на следующем примере.

Если я хочу понять значение слова неизвестного мне языка, то я пользуюсь словарем, т.е. перечнем, в котором я могу обнаружить знаки двух знаковых систем (языков), соотнесенные по их объективной смысловой предметности. Однако совокупность всех содержащихся в этом словаре слов определенно не является языком. Ведь словарь содержит только объективное значение выражений, доступное пониманию безотносительно лиц, эти выражения произносящих, и обстоятельств, в которых это происходит. Мы имеем при этом в виду не то, что Гуссерль называет «по сущности своей субъективными и окказиональными» выражениями, о которых уже говорилось ранее. Такие субъективные и окказиональные по своей сущности выражения, как «налево», «направо», «здесь», «там», «этот», «я», хотя и можно найти в словаре, они в принципе переводимы, однако они обладают объективным смыслом постольку, поскольку обозначают *определенное отношение к субъекту*, который их употребляет. Если я зафиксировал этот субъект в пространстве и времени, то могу и относительно субъективных и окказиональных выражений говорить, что означаемое ими является объективно осмысленным. *В противоположность этому все выражения, субъективные и окказиональные по своей сущности* в понимании Гуссерля или нет, обладают как для использующего их, так и для толкующего их, наряду с объективным значением, регулярно выходящим за его пределы субъективным и окказиональным смыслом. Рассмотрим сначала субъективные составляющие. Каждый индивид, использующий знак с целью дать знать нечто другому или узнать нечто от другого, соединяет с этим знаком некий особый смысл, ведущий свое начало от особого Как актов опыта, в которых этот знак конституировался для него в модусе предварительного знания. Этот дополнительный или побочный смысл окружает объективный смысл знака, представляющий собой его тождественное ядро¹⁸⁹. Это касается как языкового мира индивида, так и языкового мира целой языковой общности. Что значило для Гёте слово «демонический», — на центральное значение которого в картине мира Гёте указал Ясперс¹⁹⁰, — можно заключить только из всего литературного наследия поэта. Лишь исследование истории французского языка и французской культуры позво-

ляет обнаружить субъективный смысл слова *civilisation* в устах француза¹⁹¹. Фосслер формулирует эту мысль применительно к истории языка в целом следующим образом: «Мы изучаем развитие одного словечка, и духовная жизнь употреблявших его особым образом отложилась и кристаллизовалась в нем»¹⁹². Однако чтобы можно было «изучать» словечко, в нашем запасе памяти должно иметься предварительное знание о духовной структуре тех, кто его употреблял. Особое Как опытно-познавательных актов, в которых означаемое (а вместе с тем и знак) конституировалось для подающего знак, сообщает знаку тот субъективный смысл, который интерпретатору надлежит истолковать наряду с объективным значением, чтобы полностью понять того, кто подает знак.

В качестве второй составляющей дополнительного смысла к субъективному смыслу добавляется *окказиональное* значение, прирастающее к знаку из контекста, в котором он употребляется. Когда я понимаю говорящего, то я не только интерпретирую отдельное произнесенное им слово, но и всю артикулированную последовательность синтаксически связанных слов, называемую речью. В этой последовательности каждое слово получает особое значение от окружающих его слов и общего речевого контекста. Однако я понимаю, если быть точным, слово только после того, как закончил толкование всего отрезка речи как единства, поскольку я понимаю его лишь исходя из общего контекста своего опыта на момент толкования. В речи происходит конституирование синтеза, пофазово структурированного и позволяющего бросить взгляд на отдельные конституирующие акты толкования и полагания смысла. Поэтому он сам является смысловым контекстом. Для толкующего речь структура речи так же складывается из надстраивающихся один над другим актов, как и для того, кто говорит. Немецкий язык очень точно уловил этот тонкий момент и образует от слова *Wort* «слово» два множественных числа: *Wörter* «слова (отдельные)» и *Worte* «слова (связанные в текст, высказывание)». То есть мы можем сказать, что окказиональный смысл, который отдельные слова получают (*Wörter*) в речевом контексте, и превращает их в связную речь (*Worte*). Связное высказывание образует то осмысленное целое, в которое слова входят лишь благодаря тому, что к ним из общего контекста прирастает особый смысл.

Что же представляет собой этот синтез, этот смысловой контекст более высокого порядка, а тем самым и интерпретативная

схема более высокого порядка, исходя из которой можно постичь окказиональный смысл отдельного знака (слова)? Единство речи, с точки зрения говорящего, основано на единстве полагания знака как едином действии говорящего, а потому все, что мы говорили о единстве действия¹⁹³, справедливо и для единства речи. Оно конституируется в замысле полагающего смысл и остается принципиально недоступным толкующему смысл для адекватного постижения, пока оно не стало замыслом и не реализовалось. Интерпретатор лишь приближается к тому, что имел в виду говорящий, и эти приблизительные значения зависят от его предварительного знания на момент соответствующих Сейчас и Так, по крайней мере во время построения речи; ведь и «объективное» постижение речи возможно лишь после того, как она завершится. Чем является то, что мы называем здесь речью — отдельное предложение, книга, общее литературное наследие какого-либо автора или целого литературного направления, — всегда остается *quaestio facti*.

Наши рассуждения о субъективном и окказиональном смысле — не более чем ряд примеров, отсылающих к совершенно общей проблеме противопоставления объективного и субъективного смысла, с которой мы уже познакомились в самом приблизительном виде. Нам еще предстоит заняться этой проблемой более подробно.

§ 25. Полагание смысла и толкование смысла

В предыдущих параграфах мы познакомились с различными функциями знака. Знак может прежде всего восприниматься в его смысловой функции, конституирующей для интерпретатора в процессе самоистолкования, а именно — отнесения знака к одной из уже известных знаковых систем. Однако интерпретатор может задаться вопросом и о субъективном и окказиональном смысле знака, который приходит к нему как выразительная функция и как звено речевого контекста. Это верно применительно к интерпретации всякого использованного знака. Использованный мной самим знак, который я теперь должен истолковать, я могу интерпретировать согласно его субъективному смыслу, направляя из Сейчас и Так момента толкования односторонний взгляд на конституирующее полагание знака политетические акты моего собственного сознания. Поданный тобой знак я могу постичь в его субъективном значении, осуществ-

ляя монотетическое обращение к чужим переживаниям сознания, в которых происходит конституирование полагания знака. Толкование того, что имел в виду своим знаком кто-нибудь из находящихся в моем окружении, включает, таким образом, две составляющие: опытное познание значения знака вообще (т.е. в объективном смысле) и познание его субъективного и окказионального смысла, «смыслового ореола», или «дополнительного смысла», прирастающего к данному знаку в силу включенности в смысловой контекст переживания, подающего знак. Возьмем в качестве примера какой-нибудь разговор. В этом случае пофазово конституирующиеся процессы сознания подающего знак синхронно постигаются толкующим знаком. Интерпретатор получает заданный ему для толкования смысл отнюдь не как конституированное готовое единство, скорее он пофазово конституируется на его глазах в политетически структурированных актах полагания смысла, и в политетически структурированных актах пофазово конституируется и толкование смысла, выстраиваемое интерпретатором по мере получения актов полагания смысла. Говорящий и слушающий переживают во время речи свое осуществление политетически структурированных актов, к которым присоединяются удержания и заглядывания вперед, пересекающиеся с воспроизведением и предвосхищением, в разнообразных вариациях и переплетениях, и оба они могут по очереди озирать эти акты как монотетические единства. Смысл речи того, кто ко мне обращается, конституируется для него, *как и* для меня, в отдельных предложениях его речи, а смысл отдельных предложений конституируется в пофазово произносимых словах в синтаксически-временной последовательности. Поэтому и для говорящего, и для слушающего речь оказывается смысловым контекстом предложений, а предложение — смысловым контекстом слов.

Подлинное понимание Чужого как понимание актов сознания полагающего знак происходит синхронно или квазисинхронно ровно тем же образом, как и подлинное понимание Чужого в случае некоммуникативных действий (§ 22). Интерпретатор замышляет воспринимаемое полагание интерпретируемого смысла как действие, которое ему предстоит совершить и может силой воображения — как если бы он сам полагал знак — интенционально фиксировать свои переживания сознания во время деятельности, ориентированной на этот замысел. Таким образом, он толкует субъективный смысл знака, полагаемый Другим, словно это знак, полагаемый им самим. Правда, в это

толкование входит весь опыт интерпретатора относительно того, кто подает знак, присущих ему схем и привычек выражения; всякое обращение к субъективному смыслу отсылает к общему предварительному знанию о том, кто подает знак в данных Сейчас и Так опыта интерпретатора. Это предварительное знание постоянно расширяется за счет удержания опыта, прирастающего синхронно или квазисинхронно во время полагания знака.

То же относится и к полагающему знак. Он подает знаки, чтобы быть понятым интерпретатором. Причем подаваемые знаки должны быть поняты не только в их объективной смысловой функции, но и как выражение переживаний полагающего смысл. Его слушатель должен, следуя за его действиями, понять, что говорится в его речи. Говорящий предвосхищает в замысле своей речи *modo futuri exacti* тот смысловой контекст, который должен пофазово складываться у слушающего при толковании. При этом он интерпретирует подаваемые им знаки соответственно тем навыкам толкования, которыми он, полагающий смысл, обычно пользуется, толкуя заданные ему другими для интерпретации знаки. Правда, при этом он учитывает и все те интерпретативные схемы, которые ему добавлены его частным опытом относительно его слушателя.

Однако когда *полагающий* смысл бросает однолучевой взгляд на выстраивающиеся акты в сознании толкующего смысл, он делает это только в воображении, представляя себе толкование, и эти фантазии наделены характером ожидания, предвосхищения, более или менее пустых предположений (*Protentionen*). Реальное толкование смысла, осуществляемое интерпретатором, находится с полаганием смысла (вернее — с толкованием полагающего смысл) в отношении исполнения или неисполнения. Предвосхищение толкования полагающим смысл по необходимости имеет размытый характер. Ибо реальный акт толкования интерпретатором находится в будущем и еще только предстоит.

Иное положение *толкующего* смысл: ему полагание смысла *alter ego* дано как заверченный, сбывшийся акт. Ведь он осуществляет обращение к субъективной функции выражения лишь исходя из осуществленных и поданных, твердо конституированных знаков. Чтобы проникнуть в субъективный смысл, который знаки получают в силу их конститутивной структуры в сознании того, кто их подает, интерпретатор хотя и должен задаться ретроспективным вопросом о замысле подающего знак,

воспроизводя в фантазии полагание знаков, однако он вводит замысел в поле зрения, лишь исходя из осуществленных, заверженных и исполненных актов полагания смысла. Поэтому для толкующего смысл замысел полагающего смысл, который ему предстоит интерпретировать, отнюдь не находится с уже осуществленными актами полагания смысла в отношении исполнения или неисполнения. С точки зрения интерпретатора, замысел полагающего смысл предшествует актам полагания смысла, *исполняется* или *не исполняется* этими актами, однако он не *исполняет* их. Интерпретатор обращается от поданных знаков назад, *modo plusquamperfecti* к предшествовавшему им замыслу полагающего смысл.

Однако поскольку акты полагания смысла находятся к самому замыслу полагания смысла в отношении исполнения или неисполнения, то для интерпретатора все остается неопределенным, исполнили ли реально осуществленные акты полагания смысла замысел полагающего — быть адекватно понятым интерпретатором. Поэтому и полученный интерпретатором в результате конструктивной работы воображения замысел полагающего смысл остается смутным и неопределенным. Правда, неопределенность исчезла бы, если бы было реализовано условие, что полагающий смысл исполнил свой замысел своим действием (полаганием смысла). Однако само это условие, в свою очередь, с необходимостью пребывает в модусе неопределенности.

Попробуем представить эту ситуацию в иных формулировках, чтобы добиться полной ясности в данном вопросе. Полагающий смысл говорит себе: «Если тот, к кому я обращаюсь, понимает сказанное так же, как и я, тогда мне, чтобы ясно и недвусмысленно выразить свои мысли, нужно будет выбрать такие-то и такие-то слова». Толкующий смысл говорит себе: «Если полагающий смысл соединяет со своими словами тот же смысл, что и я, то должно быть, употребляя эти слова, он хотел сказать то-то и то-то». Эта ситуация объясняет уже упомянутую связь полагания и толкования смысла с чужими схемами интерпретации и выражения.

Интерпретативная схема, прилагаемая полагающим смысл к замышляемому использованию знака, зависит не только от собственных навыков толкования, но и соотносена с чужими навыками. Правда, сначала я обычно перечитываю написанное мной с целью дальнейшего сообщения предложение, интерпретируя его так, как я читаю чужие предложения на осно-

ве моих интерпретативных навыков. Однако цель моей записи состоит в том, чтобы читающий понял предложение, причем не только его объективный смысловой контекст, т.е. лексическое значение использованных мной слов и синтаксическую структуру самого предложения, но и его субъективный смысловой контекст: необходимо, чтобы читающий понял не только то, что значат отдельные слова в общем контексте написанного мной, но и чтобы он понял, в каком смысловом контексте данное предложение находится для меня и моего сознания, и, кроме того, необходимо, чтобы он с помощью этих знаков смог уловить выраженное в них, например, внутренне повторить процесс вынесения суждения, чтобы восстановить его содержание. Возможно, что, размышляя обо всем этом, я приду к выводу, что написанное мной предложение в том или ином отношении является неудовлетворительным, не подходящим для достижения намеченных мной целей (мотив-для записи). Скажем, я опасаясь, что читающий в силу своих особых интерпретативных навыков «превратно поймет» то или иное слово, или же мысль, которую мне надлежит выразить, будет для него из написанного предложения «не ясна», т.е. читающий окажется не в состоянии, толкуя знаки, воспроизвести процесс вынесения суждения и прийти к тому же выводу. Или я боюсь, что читающий будет производить толкование смыслового контекста, к которому предложение относится, в соответствии с замыслом по его объективному содержанию (по его знаковому значению) и по его субъективному смыслу как выражение моих выстраиваемых переживаний сознания, по схеме, не адекватной моему смыслополаганию, потому что выбор схемы из множества имеющихся в его опыте был обусловлен, например, «случайной» модификацией внимания при обращении к толкованию.

С другой стороны, читающий может усмотреть схему выражения автора, воображая, будто он сам написал это предложение, интенционально фиксируя последовательность своих переживаний сознания во время записи предложения и оглядываясь при этом на предшествующий этому построению актов замысел. Сравнивая в воображении выстраиваемую последовательность переживаний сознания и прочитываемый по ним замысел с конституированной предметностью заключенного в самом предложении суждения, он может установить, конгруэнтны они или нет. Он может сказать: «Я хотя и понимаю, что хотел сказать написавший это предложение, однако он не достиг своей цели,

сказав на самом деле другое. Я на его месте выбрал бы другое выражение». Если же читающий вследствие предшествующего опыта располагает точным знанием навыков выражения написавшего предложение, он может прийти к следующему заключению: «Когда пишущий использует это вот слово, я вполне понимаю, что он при этом имеет в виду, поскольку знаком с ходом его мысли по этому предмету. Однако я сомневаюсь, что кто-либо другой, прочитав это предложение, поймет его так же». В этом случае читающий предпринимает тройную реконструкцию выстраиваемого акта. Во-первых, исходя из собственных интерпретативных навыков, которые раскрывают ему эксплицитное понимание предложения. Эти интерпретативные навыки читающего имплицитно содержат, во-вторых, знакомые ему по прежнему опыту навыки выражения пишущего, так что он способен усматривать смысловой контекст, в котором выстраиваемые акты и замысел находились для пишущего, даже в том случае, если он, читающий, *в прочих случаях не стал бы пользоваться теми интерпретативными схемами, которые он предполагает у автора в качестве схем выражения.* В-третьих, он может исключить из своих интерпретативных схем свой опыт относительно навыков выражения автора и осуществить толкование так, будто его выполняет некто другой, ничего не знающий о свойственных автору схемах выражения. Но это значит, что он осуществляет в этом случае толкование в соответствии с опытом, которым он располагает относительно интерпретативных схем других людей, скажем, среднего или типичного читателя подобных предложений.

Разумеется, проведенный анализ приложим в самом общем виде к любому акту полагания и толкования знака. Из этого анализа следует, что постижение субъективного и окказионального смысла знака полагаящим смысл или толкующим смысл зависит от его предварительного знания о Ты, его навыках толкования или выражения, и от его знания о модификациях внимания, в которых это Ты обращается к знаку. При этом особое значение имеет степень анонимности, в которой партнер задан его. В нашем примере мы анализировали прежде всего полагание и толкование знака в значении, существующем в данном социальном окружении. Полагание и толкование знака происходит и в других сферах социальной жизни, например, в соотношении с более дальним окружением или с предшествующим временем, что означает, как мы увидим в дальнейшем, возрастающую анонимность партнера. Поэтому

теория полагания и толкования знака претерпевает различные модификации во всех тех областях социального мира, которые будут с детальной точностью определены в 4-й части нашего исследования. Однако уже во взятом здесь в качестве модели социальном контексте ближайшего окружения обнаруживается невыполнимость постулата постижения подразумеваемого смысла, о которой мы уже говорили в § 19. Улавливаемый интерпретатором субъективный смысл в лучшем случае – приближение к подразумеваемому смыслу полагającego смысл, но никогда не сам этот смысл, поскольку он зависит от перспектив представлений и с необходимостью всегда фрагментарно предварительного знания об интерпретативных схемах Ты. То же относится, разумеется, и к полагающему смысл, предвосхищающему в замысле интерпретацию, которую будет осуществлять Ты.

Все наши рассуждения позволили нам проанализировать лишь то, что сообщает сообщающий своими знаками, т.е. сообщаемое. Но кроме того, и само сообщение как процесс является осмысленной деятельностью, и поэтому может быть поставлен вопрос о его толковании со стороны alter ego.

§ 26. Смысловой контекст процесса сообщения. Резюме

Вопрос о том, что подразумевает сообщающий своим процессом сообщения (не сообщаемым), возможен только после интерпретации объективного значения и субъективной функции выражения сообщенного знака воспринимающим сообщением. Во всяком случае, выяснение того, что имеет в виду сообщающий тем, что он нечто сообщает, а именно, данное свое переживание сознания, прежде всего, нацелено на мотив-для сообщающего. Ведь сообщение всегда осмысливается сообщающим лишь в рамках некоторой замышляемой деятельности, цель действия которой лежит за пределами акта сообщения, так что сообщение мотивировано этой самой целью действия. Это обстоятельство существенно для всякой деятельности по передаче сообщения. Что бы я ни говорил тебе, говорю я это ради некоторого «для того, чтобы», или для того только, чтобы быть понятым тобой, или для того, чтобы вызвать некоторое твое особое поведение. Поэтому всякая передача сообщения мотивирована восприятием сообщения со стороны адресата, а именно, в модусе «для того, чтобы».

Если мы станем рассматривать это отношение со стороны адресата, т.е. интерпретатора смысла, то окажется, что адресат, задаваясь вопросом о том, что имеет в виду сообщающий самим актом полагания смысла (не возникшим в результате этого смыслом, толкование которого исчерпывается подведением знака под соответствующие схемы толкования и выражения), в действительности предполагает истолковать мотив-для сообщающего. Что бы ты ни говорил мне, ты говоришь это сейчас, здесь и так для того, чтобы побудить меня к определенному поведению, пусть даже только к тому, чтобы я тебя понял. Если я готов вообще заниматься выяснением твоих намерений, то я должен задаться вопросом о «плане», которому ты следуешь, обращаясь ко мне, т.е. о том, чего ради, о мотиве-для, лежащем в основе твоей деятельности в качестве замысла.

Однако вопрос о мотиве-для сообщения отнюдь не является привилегией адресата. Те же соображения могут принадлежать любому интерпретатору, даже если он не адресат сообщения. Например, я как наблюдатель ближайшего социального окружения, как «непричастный третий» могу включиться в интерпретацию разговора двух лиц, если я понимаю их язык. Я могу и даже должен выяснить мотив-для сообщения, если собираюсь понять цель действия, на достижение которой направлено сообщение. Само собой разумеется, что вопрос о мотиве-для может быть поднят и при интерпретации действий без коммуникативного намерения, как уже показал анализ, проведенный нами в § 22. Последовательность переживаний наблюдаемого действующего может быть постигнута, как мы убедились, лишь исходя из его мотива-для, точнее – обращением к замыслу этого действия и через воспроизведение в воображении конституирующих эту деятельность актов сознания. Правда, в случае деятельности без коммуникативного намерения завершенное действие толкуется как исполнение зафиксированного в замысле «для того, чтобы» данной деятельности. Однако если мне известно, что осуществленное действие – лишь промежуточная цель в рамках более обширного замысла, лишь средство для достижения цели действия более высокого порядка, то я осуществляю интерпретацию переживаний сознания alter ego исходя именно из этой цели более высокого порядка, ради которой и было совершено воспринимаемое как единство действие.

Выходя за пределы мотива-для, я могу в любом случае задаться вопросом об истинном мотиве потому-что, на осно-

ве которого происходило целеполагание и тем самым конституирование мотива-для действующего (совершающего сообщение). Правда, при этом предполагается, что это целеполагание мне уже известно; иными словами, вопрос о возможном мотиве уже предполагает, что толкование мотива-для или замысла уже совершилось. Если я спрашиваю о мотиве-потому-что, то мне уже задан субъективный смысловой контекст чужого мотива-для как полностью конституированная предметность, и исходя из этого я занимаюсь конституированием глубинных слоев, лежащих в основе этого субъективного смыслового контекста. Однако это не означает, что наблюдаемый действительно переживает эти глубинные слои, т.е. подлинные мотивы-потому-что как смысловой контекст, что он действительно охватывает политетически выстроенные акты, конституировавшие согласно моей интерпретации мотив-для, одним взглядом или хотя бы в состоянии это сделать. Напротив. Нет никаких свидетельств того, что в поле зрения действующего (полагающего смысл) вообще попадают мотивы-потому-что его деятельности (акта смыслополагания). Он хотя и живет в переживаниях и актах, которые я, истолковав конституированный смысл его мотивов-для, интерпретирую как мотив-потому-что его замысла, однако он не обращается к ним регулярно, он делает это отнюдь не *qua* действующий, а лишь в акте *suī generis*, и в этом случае независимо и отдельно от этой деятельности, как самоинтерпретатор и таким образом соответствующим толкованию смысла некоторым *alter ego* с той только разницей, что *ego* регулярно (хотя и не всегда) располагает несравнимо более богатым набором симптомов и знанием своей прошедшей длительности, чем *alter ego*.

Нам еще предстоит точное описание отношения мотивов-для к мотивам-потому-что в различных областях социального мира, и потому ограничимся здесь только тем, что еще раз уясним себе лишь то множество напластований, которые имплицитно содержатся в понятии понимания Чужого, на примере анализа смыслового контекста, в котором полагание знака находится для полагающего знак. Ведь утверждение, что знак находится для полагающего знак в некотором смысловом контексте, охватывает множество обстоятельств, которые следует разобрать по отдельности.

Во-первых, для меня, полагающего знак, в некоторый смысловой контекст заключены те переживания, знаком которых должен быть этот знак. Ведь и они конституируются в по-

фазовом построении и на них я бросаю взгляд как на нечто единое.

Во-вторых, знак уже является для меня, его полагающего, составляющей некоторой знаковой системы, т.е. также некоторого смыслового контекста, ибо полаганию знака должно предшествовать постижение знаковой системы, в которую он входит. Прежде чем возможно полагание знака, он должен быть истолкован. Эта предшествующая полаганию знака его интерпретация также является синтезом политетически структурированных переживаний в смысловом контексте особого рода, когда в опытном акте *suī generis* между смысловым контекстом опытных переживаний означаемого и смысловым контекстом переживаний знака как знаковой предметности осуществляется новый синтез, а именно — так называемая схема соотнесения знака.

В-третьих, акт полагания смысла знака как таковой является для меня, полагающего знак, особым смысловым контекстом постольку, поскольку всякое полагание знака является деятельностью, а именно, осуществлением выражения. Поскольку всякая деятельность в силу того, что отдельные пофазово конституирующиеся ряды переживаний деятельности охватываются одним взглядом как действие, образует некоторый смысловой контекст, то и всякая деятельность выражения представляет собой некоторый смысловой контекст. Это не значит, что любое полагание знака как таковое, т.е. чистое выражение некоторого содержательного элемента сознания, представляет собой сообщение. В жизни изолированной психики присутствуют знаки как выражение, но нет знаков как сообщений.

Правда, в-четвертых, смысловой контекст «полагание знака как действие» может служить основой смыслового контекста более высокого порядка «полагание знака как действие сообщения», причем поначалу без учета индивидуального адресата сообщения.

В-пятых, и адресат этого сообщения, т.е. воспринимающий сообщение, в рамках еще более широкого контекста может быть соотнесен с самим процессом сообщения. В этом случае сообщение осуществляется не ради восприятия, а затем, чтобы сообщаемым побудить адресата к определенной позиции, к определенному поведению.

В-шестых, то обстоятельство, что сообщение происходит в отношении данного адресата *сейчас, здесь и так*, может с помощью определенного мотива-для быть включено в более широкий смысловой контекст.

Все эти смысловые контексты принципиально открыты для интерпретатора и могут быть методологически обнажены им. К какому из этих субъективных смысловых контекстов обращен вопрос интерпретатора, зависит от направленности его интереса, т.е. от проблемы, ради которой он вообще занимается толкованием смысла использованного знака. Как мы уже видели¹⁹⁴, выбор проблемы осуществляется в ходе свободного спонтанного обращения, в конечном итоге сводимого лишь к *attention à la vie* в соответствующие Сейчас и Так обращения.

К сделанному нами прежде утверждению, что все эти смысловые контексты в принципе открыты для интерпретации, следует все же сделать некоторую оговорку. Как уже неоднократно упоминалось, структура социального мира ни в коем случае не является гомогенной. Человек из нашего ближайшего окружения и поданный им знак может быть задан нам различными способами. Мы приближаемся к знаку и чужому переживанию сознания, проявляющемуся в этом знаке, различными обходными путями. Более того, мы можем направить свой взгляд на чужое сознание, на чистое основание симптома, даже если нам не предложен никакой знак для толкования. Например, когда мы, интерпретируя, сводим некий артефакт к переживаниям сознания того, кто его породил.

§ 27. Субъективный и объективный смысл. Порождение и свидетельство

Мы рассмотрели, какие пути открыты для подлинного понимания чужого. Интерпретатор толкует в ходе самоистолкования свои переживания относительно чужого движущегося тела или артефактов, указывающих на то, что они были порождены alter ego. Таким образом, он осуществляет подлинное понимание чужого, занимаясь объективациями, в которых явления переживания чужого сознания, независимо от того, являются ли эти объективации конституированными предметностями действия (осуществленными движениями, жестами или результатами действий) или артефактами (знаками в более узком смысле или произведенными предметами внешнего мира, орудиями, памятниками и т.д.). Все эти объективации объединяет то, что все они *существуют* лишь в силу полагания некоторым разумным существом, будь то я сам или Ты. *Они являются порождениями некоторой деятельности и в качестве по-*

рождений они являются также свидетельствами сознания действующего, породившего их в своей деятельности. Не все свидетельства являются знаками, но все знаки являются свидетельствами. Чтобы свидетельство стало знаком, должна существовать возможность его включения в какую-либо знаковую систему как схему соотношения. Не все свидетельства удовлетворяют этому требованию. Некоторое орудие, например инструмент, хотя и не является знаком, но представляет собой порождение и потому свидетельство протекания сознания того, кто породил это орудие или превратил в орудие соответствующий предмет природы, воспользовавшись им. Однако свидетельства — не только вещи внешнего мира, не только вещественность¹⁹⁵, порождаемая в процессе изготовления, но и действие, порождаемое в ходе деятельности, суждение, порождаемое в процессе суждения, сообщение, порождаемое в процессе сообщения и т.д.

На свидетельства любого рода распространяется проблематика субъективного и объективного смысла. Дело в том, что порождение может интерпретироваться тем, кому оно задано, как порожденное, с одной стороны, как предметность реального или идеального рода, независимо от того, кто его породил; с другой стороны, как свидетельство процесса сознания того, кто породил эту предметность конституирующими положениями в своем сознании. Если порожденное интерпретируется просто как порождение, как предметность сама по себе, то это значит, что интерпретатор подводит в ходе самоистолкования свои акты опыта относительно данного предмета под имеющиеся у него интерпретативные схемы. Если же порождение воспринимается как свидетельство, то взгляд оказывается направленным также на конституирующие акты сознания порождающего (меня самого или некоего alter ego), в которых порожденное конституируется из порождающих актов.

Это соотношение объективного и субъективного смысла нам еще предстоит разобрать более подробно. *О субъективном смысле порожденного мы говорим тогда, когда в нашем поле зрения находится смысловой контекст, в котором находились переживания породившего, о которых свидетельствует порождение, т.е. когда мы в состоянии воспроизвести в синхронности или квазисинхронности нашей длительности политетические акты, в которых выстраивались эти переживания создавшего порожденное.*

Таким образом, мы охватываем взглядом чужие переживания, причем в их протекании, как соответствующее актуальное

Сейчас и Так чужой длительности, конституирующиеся в процессе их ступенчатого построения в сознании alter ego. Порожденное — для нас симптом засвидетельствованных в нем переживаний некоторого Ты. Эти переживания находятся для сознания порождающего в некотором смысловом контексте. Мы знаем это в силу доступных нам особых данных, и мы в состоянии проникнуть в процесс конституирования в чужом сознании через подлинное понимание Чужого.

Что же касается объективного смысла, то мы можем связать его исключительно с порождением как таковым, т.е. с полностью конституированным смысловым контекстом самого порожденного, процесс создания которого в политетически выстраиваемых актах чужого сознания остается за пределами нашего внимания. Таким образом, порождение оказывается порожденным в собственном смысле, т.е. завершенным, уже не находящимся в потоке порождения, а лишь отсылающим к нему как предшествовавшему процессу. Однако само порождение в этом смысле уже не процесс, а нечто пребывающее в бытии, образовавшееся из сбывшихся процессов порождения как их отложение. Правда, и толкование объективного смысла порождения происходит в нашем сознании ступенчатым построением политетических актов, однако интерпретация смысла исчерпывается включением опытных переживаний относительно порожденного в общий контекст опыта интерпретатора в соответствующие Сейчас и Так толкования. Интерпретатор вовсе и не замечает, что и порождение произошло в сознании Ты в политетически структурированных актах и что порожденное — свидетельство этих актов. Хотя интерпретатор и знает, вникая в сущность, что всякое порожденное отсылает к процессу порождения, хотя он и мог бы в любой момент бросить взгляд на сознание, о переживаниях которого свидетельствует порождение, однако именно этого он и не делает и оставляет процессы конституирования, ведущие к созданию порождения, без внимания. *Поэтому объективный смысл входит в некоторый смысловой контекст лишь для сознания интерпретатора, а субъективный смысл указывает в то же время и сверх того и на некоторый смысловой контекст и для сознания порождающего.*

Таким образом, субъективный смысловой контекст имеет место тогда, когда данное в объективном смысловом контексте порождается как смысловой контекст также и некоторым Ты. Однако указанием на один только субъективный смысл ни

коим образом еще ничего не говорится о виде смыслового контекста, в который Ты включает свои политетические переживания, так же как и о так-бытии самих этих переживаний.

Мы уже говорили, что интерпретатор постигает пофазово конституирующиеся процессы сознания создающего порождение синхронно или квазисинхронно. Подлинная синхронность оказывается при этом хотя и достаточно частым, но все же специальным случаем. Она привязана к социальному окружению и предполагает, что интерпретатор сопереживает процесс порождения, как, например, в разговоре, когда слушающий присутствует при ступенчатом построении актов говорящего, следя за их ходом и внутренне воспроизводя их. С квазисинхронностью мы имеем, например, дело при чтении книги, когда читающий воспроизводит полагающие акты автора, как если бы они осуществлялись на его глазах. Точно так же воображение позволяет квазисинхронно следовать за порождением любого артефакта, в том числе и какого-либо орудия. Однако утверждение, согласно которому мы можем синхронно или квазисинхронно созерцать пофазовое построение переживаний создающего порождение Ты, значит не более чем утверждение, что мы в состоянии постичь *тот факт*, что в Ты вообще происходит выстраивание переживаний. Но тем самым еще ничего не говорится о том, *как* происходит это построение. Окончательно прояснена эта проблематика может быть лишь позднее (при обсуждении вопросов непосредственного и более дальнего социального окружения, а также подлинных связей «мы»). Однако уже сейчас можно сказать, что всякое обращение к субъективному смыслу предполагает предварительное знание об особом Ты, создавшем порождение. Когда мы спрашиваем о субъективном смысле, т.е. переживаниях сознания, происходящих в alter ego, о которых свидетельствует порождение, то обращаем наш взгляд на особое политетически выстроенное переживание особого Ты. Тогда переживания, свидетельствами которых являются порождения, образуют для данного переживающего Ты некий смысловой контекст, и это Ты в своем так-бытии в каждый момент Сейчас своей длительности является особенным и опыт наш относительно него является опытом особенного Ты. Это Ты уникально, его нельзя заменить другим Ты, даже тем же самым Ты, но в другой момент своей длительности.

Объективный смысл заданного нам порождения, напротив, никоим образом не толкуется как свидетельство особого пере-

живания особого Ты, а рассматривается как уже конституированная и завершенная, отрешенная от любой длительности и любого смыслового контекста в пределах чужой длительности, а потому наделенная «универсальным значением» предметность. Разумеется, уже утверждение, что подлежащее толкованию является порождением, отсылает к некоторому Ты, породившему его, однако в постановке вопроса об объективном смысле в поле нашего зрения это alter ego cogitans с его переживаниями вообще не присутствует; вместе с протеканием своей длительности и его содержанием переживаний, вместе со всем, что составляет его Так-бытие, и с его особенностями оно остается без внимания, оно скрывается за безличным Некто. Это безличное «Некто» — всего лишь языковое обозначение наличного бытия (или бывшего наличного бытия) Ты, чье Так-бытие не попало в наше поле зрения. Его место могу занять я, как может занять и любое реальное alter ego, или идеальный тип, или любой, и при этом ничего в объективном смысле не изменится. Мы ничего не можем сказать о конститутивных процессах, которые привели через субъективное выражение к этому объективному значению, поскольку это безличное Некто лишено длительности, время, которое мы ему приписываем, — воображаемое, т.е. принципиально не поддающееся переживанию. Однако именно поэтому объективный смысл порождения остается для нас, интерпретаторов, инвариантным относительно любого смыслового контекста, исходя из которого можно воображать его установление. В этом смысле «значению» порождения присуща та же идеальность, что и «и так далее» или «я могу это снова», и потому оно независимо от того, кто и когда создал это порождение. Порожденное оторвано от всякой индивидуальной длительности, в которой конституировалось приведшее к нему порождение, как и от любой длительности вообще. Объективный смысл — не что иное, как включение опытных переживаний относительно порожденного в общий контекст опыта интерпретатора.

Из этого рассуждения следует, что всякая интерпретация субъективного смысла некоторого порождения указывает на особое Ты, относительно которого у интерпретатора имеется опыт и выстраивающиеся акты сознания которого он может воспроизводить синхронно или квазисинхронно, тогда как объективный смысл отрешен от любого Ты и независим. Следует подчеркнуть, что мы еще будем иметь возможность прояснить и точнее определить эту антитетическую формулировку как про-

тивопоставление двух противоположностей. Между постижением субъективного смысла и постижением чисто объективного смысла располагается целая шкала промежуточных ступеней, обусловленных в своеобразной структуре социального мира ближайшим окружением, более широким окружением, предшествующим миром или миром будущим. Анализу этих различных миров мы посвятим четвертую часть наших исследований и отдельно рассмотрим процесс анонимизации в каждой из данных сфер. Тогда полярная противоположность субъективного и объективного смысла раскроется как идеально-типическая формулировка эвристических принципов толкования смысла. Однако для этого требуются дополнительные исследования.

§ 28. Экскурс в некоторые приложения теории субъективного и объективного смысла в гуманитарных науках

Здесь следует указать на большое значение, которое имеет развитая нами в предшествующем параграфе теория двоякой возможности интерпретации порождения в гуманитарных науках, и не только в них. Обратимся сначала ко всем тем предметам, которые объединяются наименованием «объекты культуры», т.е. к идеальным предметам государства, искусства, языка и т.д. Все эти идеальные предметности, согласно нашей теории, являются порождениями; ведь они указывают на порожденность кем-то нам подобным, они являются свидетельствами процессов сознания, этих существ. Поэтому все объективации культуры могут интерпретироваться двояко. Одна интерпретация подходит к порождениям как окончательно конституированным предметностям, какими они предстают перед нами, интерпретаторами, сейчас, в настоящем — если мы их современники — или в истории, если обращаемся к ним какое-то время спустя. Эти предметности могут быть представлены в простом описании или в теоретической трактовке стать предметом постижения сущности подобных порождений, государства вообще, искусства вообще, языка вообще и т.д.

Однако все эти порождения могут толковаться и как свидетельства потока сознания того, кто их создал, и в этом случае чрезвычайно сложные объекты культуры допускают разную постановку вопроса. Государство может интерпретироваться как сумма действий тех, кто ориентируется на государственное

устройство, т.е. граждан государства; или же как результат последовательности действий в истории, т.е. как предмет истории; или же как конкретизация определенной идеи государственного устройства того или иного властителя и т.д. Искусство определенной эпохи может интерпретироваться как выражение определенной художественной воли этого времени или же как выражение определенного толкования мира, предшествующего любому художественному творчеству и определяющего его, т.е. определенной «манеры видеть». Однако оно может интерпретироваться и как историческое развитие, осуществляющееся как переименование предшествующих стилевых эпох в смене школ или в смене поколений. Все эти различные возможности — лишь примеры из множества других, и каждому из этих подходов соответствует своя интерпретативная схема и свое смыслополагание предмета интерпретации.

Мы уже отмечали, что инвариантность смыслового содержания порождения в соотнесении с актами его создания, свидетельством которых оно является, зависит от степени анонимности, с какой постигается поток сознания порождающего. Только идеальность чистого Некто позволяет постижение порожденного в идеальности «и так далее» и «я могу это снова». Раскроем это утверждение на примере экономики. Предметом положений теоретической национальной экономики, скажем, так называемые положения каталлактики, являются, безусловно, человеческие действия, однако действия как порождения, а не деятельность как процесс порождения. Смысловое содержание этих положений конституируется исключительно в подведении данных действий под интерпретативные схемы толкователя, т.е. теоретизирующего специалиста по национальной экономике. Безусловно, любое рассматриваемое экономическое действие отсылает к занятому экономической деятельностью человеку, но этот действующий абсолютно анонимен, это не Я или Ты, или некий предприниматель или homo oeconomicus вообще, ему соответствует лишь универсальный Некто¹⁹⁶. В этом причина того, что положения национальной экономики обладают той самой «универсальной значимостью», которая опять-таки придает им идеальность «и так далее» и «я могу это снова и снова». Однако и человека экономики как такового можно сделать предметом рассмотрения и заняться его потоком сознания; однако в этом случае мы будем заниматься не национальной экономией, а историей экономики или социо-

логией экономики, скажем, в том духе, как это сделал в первой книге «Экономики и общества» Вебер, продемонстрировав не превзойденный до сих пор образец методологии. Однако положения этих наук не обладают универсальной значимостью, поскольку они восходят либо к экономическим идеям определенных исторических индивидов, либо к типам экономической деятельности, свидетельством которых являются порожденные экономические действия.

Чтобы привести примеры значимости данной постановки вопроса из других областей, упомянем важность четкого различения субъективного и объективного смысла в собственно науках об интерпретации, а именно, в филологии и юриспруденции. Главной проблемой любого филологического исследования является вопрос, должна ли филологическая интерпретация исследовать объективный смысл слова в определенное время в определенной языковой общности, или же смысл субъективный, которым это слово наделено в употреблении определенного автора или определенного круга носителей языка, или же смысл окказиональный, приобретаемый словом в речевом контексте. Любому юристу хорошо известно различие между подходом к какому-либо положению закона как высказыванию в пределах правовой системы согласно филологическим и юридическим правилам интерпретации, с одной стороны, и вопросом о «воле законодателя» — с другой. Все эти противопоставления восходят к различию между объективным и субъективным смыслом порождений, как оно было рассмотрено нами ранее.

Более того. Стремление к обнаружению субъективного смысла всего поддающегося рассмотрению столь глубоко укоренено в человеческом духе, столь тесно смыкается смысловая интерпретация любого предмета с возможностью его возведения к смыслополанию каким-либо сознанием, что просто-таки все может рассматриваться как порождение и тем самым как свидетельство потока сознания того, кто его породил: мир как порождение Бога, о творческом акте которого он свидетельствует, и человек как творение Божье, чья жизнь — свидетельство Господнего бытия и сознания. Здесь мы можем только указать на эти вопросы — лежащие за пределами строгой науки. Во всяком случае проблематика субъективного и объективного смысла — врата всякой теологии и метафизики.

Четвертая часть

Структурный анализ социального мира. Ближайшее социальное окружение, более широкое социальное окружение, предшествующий социальный мир

А. Введение

§ 29. Предварительный обзор рассматриваемой проблематики

В третьей части мы занимались основами теории понимания Чужого и при этом исследовали в общих чертах основанное на переживаниях alter ego постижение переживаний чужого сознания. Принимая Ты в качестве данности, мы уже вторглись в социальную сферу, если понимать под этим термином населенный себе подобными мир индивидуального Я. Однако в ходе наших исследований мы неоднократно указывали, что социальный мир, в котором заключен живущий среди себе подобных человек, отнюдь не однороден, а структурирован разными способами, и что каждой из его сфер или областей присущ особый образ представления чужих переживаний сознания, а также особая техника понимания Чужого.

Нам предстоит исследовать, как вообще оказывается возможным подобное членение, из чего следует изначальное право предполагать существование единого и в то же время структурированного социального мира, и, далее, какое из этих структурированных членений оказывается более целесообразным в качестве основания анализа понимания Чужого. Лишь тогда мы окажемся способными описать столь разнообразные манеры понимания Чужого в выделенных таким образом социальных областях.

Одно это, однако, еще не обеспечит достижения цели, стоящей перед нашим исследованием. Как следует из наших подготовительных размышлений, решающий для любой социальной науки вопрос о специфически научном методе понимания Чужого может быть поднят лишь исходя из проблематики подразумеваемого смысла. Ведь переживания чужого сознания, как мы уже говорили, в наивном восприятии повседневной

жизни толкуется иначе, нежели в социальных науках. Мы поставили себе задачу отделить категории, в которых жизнь в социальном мире конституируется для живущего естественным мирозерцанием человека и которые, в свою очередь, заданы любой социальной науке как предстоящий обработке материал от тех категорий, под которые социальные науки и подводят этот предварительно оформленный материал.

Однако при этом круги пересекаются. Ведь и в повседневной жизни я оказываюсь в некотором роде «обществоведом», а именно, тогда, когда обращаюсь к подобным себе и их поведению не переживая, а лишь подвергая их рефлексии. Как человек среди людей я живу с ними. Я обнаруживаю своих ближних в ближайшем своем окружении, и мои переживания относительно их наличного бытия и Так-бытия являются принадлежностью Сейчас и Так моей длительности, как и мои переживания мира вообще, окружающего меня таким образом это Сейчас. Поскольку этот мир является пространственным, он включает и чужое тело с его движениями, причем не только как физико-физиологический, но и как психологический предмет, как поле выражения чужих переживаний. И согласно основоположению Ты я не только *переживаю* своего ближнего, *но и живу с ним, я старею с ним*, я могу устремить взгляд на протекание его длительности, как и на свою длительность, и также на его переживания. Живая интенциональность совместной жизни, совместного старения несет меня от любого Сейчас к следующему, и, поймав подходящий угол зрения на переживания сознания Ты, я «понимаю» своего ближнего, не вникая в акты понимания сами по себе, именно поскольку переживая Ты, живя вместе с ним и переживая с ним мир, который является не только моим, но и его миром, живу *непосредственно* в самих актах понимания Чужого. Далее, Ты и его переживания не только *доступны мне, т.е. открыты моей интерпретации, но и непосредственно даны в своем наличном бытии и Так-бытии*. И это в строгом смысле нашей дефиниции: ведь все глубинные слои, конституирующие понимание этих особых переживаний сознания этого особого Ты, все акты толкования смысла, восприятия сообщения, обращения к чужим мотивам и т. д., короче говоря — все те процессы, которые мы анализировали в предшествующих исследованиях, вовсе не замечаются мной, когда я переживаю подобного мне — живя бок о бок с ним. Они залегают на глубине, остающейся для меня непроблематизированной, поскольку моя *attention à la vie* — а

это выражение значит не что иное, как то, что я только что назвал «живой интенциональностью», — не внушает мне интереса к освещению самих этих глубин. Однако я в любой момент могу посчитать эти глубинные слои не безусловно данными, я могу проблематизировать их и обратить свой взгляд на сами отдельные акты понимания Чужого. Так, если я спрашиваю, например, себя: «Правильно ли я тебя понял?» — «Не имеешь ли ты в виду что-нибудь другое?» — «Что ты хочешь сказать тем или этим действием?». Все это вопросы, которые я неоднократно задаю — и вынужден задавать — себе в повседневной жизни среди подобных мне, формулируя их более или менее ясно и эксплицитно. Однако вместе с постановкой подобных вопросов я выпадаю из живой интенциональности, в которой я переживаю Ты в его особенности и его особые переживания в простой самоданности, моя *attention à la vie* меняется, мой интерес обращается к тем самым глубинным слоям, которые до того, будучи безусловно данными, оставались без внимания. Я уже не переживаю подобного себе, живя с ним вместе, а «размышляю о нем». И тогда я веду себя так, как ведет себя представитель социальных наук, который (как *представитель социальных наук*, а не как человек среди себе подобных, каковым он, разумеется, также является) подходит к переживаниям чужого сознания лишь как к предмету мышления, а не в простой самоданности. Тем самым проблема социальной науки начинается уже в той донаучной сфере, которую мы уже описали — пусть и не во всей подробности — как жизнь в социальном мире. Правда — и этот вопрос нам также еще предстоит подробно рассмотреть — социальная наука как научная трактовка этих проблем должна будет при прояснении всех импликаций использовать иные средства экспликации и потому вскрывать иные экспликаты, нежели просто живущий в социальном мире человек.

Однако если мы оставим вопрос о специфической методике социальной науки, поскольку этот вопрос можно четко очертить лишь в ходе дальнейших изысканий, и ограничимся феноменами жизни в социальном мире, то обнаружится, что анализ поведения Я среди своих ближних должен включать также и те моменты, которые мы только что выделили как *отправные точки* всякой социальной науки. И в сфере повседневной жизни мы не только переживаем своего ближнего вместе с его особыми переживаниями, но также и осмысляем его. При этом само мое размышление о моем ближнем и его переживаниях, этот вопрос, направленный на выявление консти-

тутивного построения чужого сознания, может быть конечной целью моей рефлексии, а может быть и частью более широкого смыслового контекста. Например, когда я пытаюсь ясно понять своего ближнего и его переживания, чтобы соответственно ориентировать свои будущие шаги, или когда я замышляю некую деятельность, которая должна побудить моего ближнего к определенному поведению или определенной деятельности, и взвешиваю пригодность предполагаемых мной в замысле *modo futuri exacti* средств для достижения данной цели — то есть когда я хочу *воздействовать* на своего ближнего, т.е. вызвать своей деятельностью особые переживания сознания у этого ближнего.

Однако это не означает, будто всякой деятельности, направленной на ближнего, или всякой деятельности, мотив-для которой — вызвать особое поведение ближнего, с необходимостью или хотя бы регулярно должно предшествовать обращение внимания к глубинным пластам чужих переживаний. Напротив: даже как направляющий свою деятельность на ближних, даже если моя деятельность осуществляется ради достижения определенного поведения другого, я продолжаю оставаться в потоке несущей меня живой интенциональности, пока живу среди подобных мне и постигаю их переживания в самоданности, и эта интенциональность перекрывает мне взгляд в глубинные слои безусловно данного.

Однако задачей наших исследований, как раз и направленных на обнажение этих процессов конституирования понимания Чужого в точном описании, в любом случае будет прояснение и характеристика этих глубинных слоев. Наши усилия будут направлены прежде всего на то, чтобы дать описание тех действий Я, в замысел которых включены Ты и его переживания. Поэтому мы начнем с разбора понятия *социальной деятельности*, выдвинутого Максом Вебером, а затем подвергнем испытанию его понятие *социального отношения*. В связи с этим у нас будет возможность подробно исследовать своеобразную обратную связь вовлеченных в замысел моей деятельности переживаний чужого сознания с моими переживаниями сознания. Однако вся эта аналитическая работа будет лишь подготовкой к дальнейшему разрешению проблематики жизни в социальном мире.

Чтобы приблизиться к решению этой задачи, следует учесть, что я обращен к моим ближним, с которыми и среди которых я живу, в различных, тонко дифференцированных модифика-

циях: я *воспринимаю* их в различной *перспективе*, я переживаю их переживания с *различной степенью интимности*. Эти модификации касаются не только предмета (Что), но и того, Как я улавливаю взгляд переживания чужого сознания *в самоданности живой интенциональности*. Все это относится уже к тем Другим, с которыми я живу, поскольку я разделяю с ними общее «окружение», поскольку окружающий меня мир моего Сейчас соответствует твоему миру твоего Сейчас, и ты сам и содержание твоего сознания является такой же принадлежностью моего мира и моего Сейчас, как я и содержание моего сознания — твоего мира и твоего Сейчас. Однако это ближайшее социальное *окружение*, как мы будем его называть, является лишь одним из множества социальных областей. Так же как мир, который я в каждом случае актуально воспринимаю и о котором у меня есть сознание благодаря направленным на него моим актам, представляет собой лишь малый фрагмент мира вообще, известного мне по опыту, а известный мне по опыту мир — лишь часть мира моего потенциального опыта, так же и социальный мир (являющийся частью «мира вообще») лишь частично представляет собой мое социальное окружение соответствующих Сейчас и Так моей жизни, и это окружение, в свою очередь, также членится согласно перспективам его восприятия. За пределами этого социального окружения, с которым меня объединяет общность пространства и времени, существуют и другие социальные сферы, такие, о которых я обладаю актуальным опытом, потому что они когда-либо были моим окружением и я всегда *могу* вновь (по крайней мере, в принципе) превратить их в свое окружение, а также и такие, которые никогда не были моим окружением, и потому я не обладаю относительно них никаким опытом, но которые представляют собой предмет моего потенциального опыта. Эту область мы будем называть *более широким социальным окружением*. Оно сосуществует со мной, оно синхронно моей длительности, хотя и не является моим непосредственным окружением, поскольку я хотя и *живу «вместе» с ним*, однако не *переживаю его непосредственно*. Если мы назовем *alter ego*, *находящееся в нашем окружении, нашим ближним*, а *alter ego более широкого окружения — себе подобным*, то можно сказать, что я, *живя с моими ближними, переживаю их и их переживания, живя же среди себе подобных, не улавливаю их переживания как самоданность*, хотя и способен угадывать их типичное течение переживаний, причем угадывать на достаточно веских основаниях. Тем не

менее, я могу направлять свои действия на подобных себе, могу также включать их поведение и переживания в свой замысел как «для того, чтобы» своей деятельности. Короче говоря, *я могу обращаться к более широкому окружению, так же как и к окружению непосредственному, действуя или созерцая*. Кроме того, мне известно о социальном мире, бывшем прежде, чем появился я, не сосуществующем и никогда не сосуществовавшем с моей длительностью, потому что он завершился, сбился, состоялся прежде, чем я мог устремить на него взгляд. Это сфера *предшествующего социального мира, истории, к которой я могу обратиться созерцая, но не действуя*. Наконец, я знаю, что населенный *alter egos* мир будет существовать и когда меня уже не будет, это *последующий социальный мир*¹⁹⁷, об особенностях этих *alter egos* мне ничего не известно и их особые переживания мне неведомы: у меня нет представления даже о типичном течении их переживаний, разве что если предположить, что усвоенное мной в качестве типичного относительно более широкого окружения и предшествующего мира останется типичным и в последующем мире. Мое постижение последующего мира оказывается смутным, и я не смогу обратиться к нему, переживая.

Когда мы говорим об окружении, более широком окружении, предшествующем и последующем мире, то это, разумеется, значит лишь то, что другие являются для меня моими ближними, подобными мне, предшественниками и последователями, что и сам я для других оказываюсь на тех же позициях, что я могу бросить взгляд на переживания сознания этих других, причем сделать это по-разному, точно так же, как и другие могут бросить взгляд на мои переживания, что я со своими переживаниями — пусть даже в каждой из областей в разной мере — могу быть целью чужой деятельности или уже являюсь целью, подобно тому как другие со своими переживаниями оказываются целью моей деятельности.

Все эти рассуждения должны лишь очертить всю гигантскую проблематику социального мира, а методическое раскрытие этой проблематики и составляет задачу социальных наук. Мы ограничиваемся в данной книге теорией понимания Чужого в самом широком смысле, теорией, включающей также полагание и толкование смысла знаков и порождений. Ход этого исследования ясно намечен. Нам предстоит выяснить в каждом из этих регионов, как наше знание о них черпает свое изначальное право из основоположения *alter ego*, т.е. из синхронности и квазисинхронности чужого сознания со своим соб-

ственным и каким образом можно обрести доступ к субъективному смыслу порождений каждого из этих миров, как в них осуществляются феномены смыслополагания и смыслотолкования и как возможно при этом постижение чужих мотивов. Нам предстоит в дальнейшем поставить вопрос, каким образом вообще все эти сферы, перетекая одна в другую, образуют социальный мир, какие сферы доступны одному только анализу социальных наук и какими методами должны пользоваться эти науки, чтобы адекватно подходить к своему предмету. Приступим же к этим детальным исследованиям.

В. Социальное поведение, социальная деятельность, социальное отношение

§ 30. Понятие «социальной деятельности» у Макса Вебера

В предварительных изысканиях первой части¹⁹⁸ мы уже рассматривали данное Вебером определение социальной деятельности: социальная деятельность — такая деятельность, «которая в соответствии со смыслом, придаваемым ей действующим лицом или лицами, соотносена с поведением *других* и соответственно ориентирована в своем протекании». Нам не следует упускать из виду, что Вебер, когда он говорит о социальной деятельности, имеет в виду не ту «деятельность», которую мы в ходе проведенного во второй части нашей книги анализа отделили от «поведения вообще», но что для него деятельностью является любое внутреннее или внешнее «поведение» (в еще не проясненном смысле этого термина) постольку, поскольку осуществляющий его «связывает» с ним вообще некоторый «смысл». Соответственно, под это понятие подпадают не только все интенциональные акты спонтанной активности, следующие некоторому замыслу, т.е. являющиеся деятельностью или нет, но и все пассивно всплывающие переживания сознания, если только они вообще интенционально соотносены с некоторым *alter ego*.

Чтобы сохранить принятую нами терминологию, мы будем вместо социальной деятельности или социального поведения исходить из *переживаний сознания, интенционально соотносенных с некоторым alter ego*. Однако под ними мы будем понимать только такие переживания сознания, которые соотносятся с *Другим*

именно как с alter ego, т.е. с его жизнью, длительностью и сознанием, а не акты, направленные лишь на *тело Другого* как физическую вещь внешнего мира (т.е. не на тело как поле выражения переживаний чужого сознания). Когда подобные интенционально соотносенные с *alter ego* переживания всплывают в сознании в форме спонтанной активности, мы будем говорить о *социальном поведении*, когда же они обусловлены предварительным замыслом — о *социальной деятельности*. Поэтому социальное поведение включает также все «выражающие отношение» специфические акты Я, интенционально направленные на Ты как обладающее сознанием и длительностью *alter ego*, как, например, чувства симпатии и антипатии, эротические склонности и прочие проявления эмоциональной активности. Все эти переживания сознания, несомненно, оказываются, согласно приведенным Вебером примерам, социальной деятельностью. С другой стороны, его определение ограничивает понятие социальной деятельности деятельностью, «*ориентированной*» на поведение Другого, *предварительно замышляемым* поведением. Ведь только предварительно замышляемое поведение может быть ориентированным на что-то, так как ориентироваться можно только согласно некоторому замыслу. Однако и в этом случае отнюдь не всякая предварительно замышляемая деятельность «в отношении Другого» оказывается социальной деятельностью. Если моя деятельность направлена лишь на чужое тело как вещественную предметность, безотносительно к процессам сознания *alter ego*, то мои переживания сознания данной моей деятельности никак не являются интенционально *соотносенными* — как того требует данное ранее определение — с *некоторым alter ego*, а моя деятельность поэтому — не *социальная* деятельность. Совершенно очевидно, что это совпадает с представлениями Макса Вебера. Согласно Веберу, столкновение двух велосипедистов — еще не социальная деятельность, тогда как следующая за этим перепалка — вполне относится к социальной деятельности. Врач, оперирующий находящегося в состоянии наркоза пациента, хотя и направляет свою деятельность «на его тело», однако и он не действует, согласно Веберу, социально. Марширующий в колонне солдат, ориентирующий движения своего тела на впереди идущего и шагающий с ним в ногу, также не действует социально, поскольку ориентирует свои действия (обычно) не на процессы сознания впереди идущего, а лишь на его тело как предмет внешнего мира, не на определенное Так-бытие этого тела как симптома переживаний чужого сознания.

Однако эта наша интерпретация переживаний сознания, интенционально ориентированных на некоторое alter ego, не исчерпывает фактического содержания данного Вебером определения социальной деятельности. Ведь согласно этой дефиниции, социальная деятельность должна быть осмысленно соотносена с *поведением* Другого, а не просто с его наличным бытием или Так-бытием. И здесь обнаруживаются новые сложности. Одна из них заключается в том, что понятие поведения у Макса Вебера, как уже упоминалось, остается совершенно не проясненным. Получается, что поведение у него может даже не быть осмысленным. Правда, можно было бы истолковать это в том духе, что *ориентированность на чужое поведение* означает не что иное, как то, что уже содержится в нашем основоположении alter ego, а именно — *что Ты обладает длительностью*, что оно обладает особыми переживаниями и сознанием этих переживаний. В таком случае требование, что социальная деятельность должна быть ориентирована на поведение Другого, как раз и означает, что собственная деятельность должна быть соотносена не с чужим телом как предметом внешнего мира, а с протеканием длительности alter ego и конституирующими в нем переживаниями чужого сознания. При этом совершенно безразлично, действительно ли осуществляет данное Ты поведение (по нашей терминологии), т.е. в самом ли деле оно производит переживания сознания на основе спонтанной активности или нет.

Фриц Зандер¹⁹⁹ подверг понятие социального поведения Макса Вебера остроумной и во многих отношениях справедливой критике. Он показал, что, согласно определению Вебера, уже любое восприятие чужого поведения оказывается социальной деятельностью, что, следовательно, это понятие непригодно для определения предмета социальной науки, поскольку оно оказывается слишком широким и к тому же неточным²⁰⁰. Приведенный при этом Зандером пример оказывается чрезвычайно поучительным. Несомненно, понимающее восприятие процессов чужого сознания также является осмысленно соотносением с поведением Другого, ориентированной на него деятельностью, т.е. социальной деятельностью, согласно определению Вебера. И в нашей терминологии это интенционально соотносением с некоторым alter ego переживание сознания, при условии, что имеет место подлинное понимание Чужого, т.е. что действительно происходит обращение к чужим процессам сознания. (Тогда как акты чистого самоистолкования соб-

ственных переживаний *относительно* alter ego не являются вообще актами, интенционально соотносением с alter ego.) Если соотносением с alter ego переживания сознания происходят на основе спонтанной активности, то и согласно нашему определению речь идет о социальном поведении, а если это поведение является предварительно замышляемым, то и социальной деятельности. Так происходит, например, если я обращаюсь к чужому сознанию, *чтобы* наблюдать за его протеканием. В таком случае мотив-для обращения восприятия к alter ego (и соответствующей модификации внимания) исчерпывается целью действия — пониманием переживаний сознания данного Другого. Таким образом, в этом случае постижение переживаний чужого сознания хотя и является мотивом-для моей деятельности, но далее этого она не идет, не стремясь, скажем, вызвать какие-либо переживания чужого сознания.

Мы воспользовались анализом восприятия Чужого как примером основных черт любых переживаний сознания, интенционально соотносением с некоторым alter ego, независимо от того, идет ли речь о поведении или деятельности. Все эти переживания отличает особая установка Я по отношению к чужой длительности, опирающаяся на основоположение Ты как обладающего переживаниями и сознанием. *Мы будем называть эту установку Я по отношению к протеканию чужой длительности установкой на Чужого*. Установка на Чужого осуществима лишь в социальной сфере, поскольку в основе ее — полагание не только трансцендентального, но и alter ego. Однако в основе ее — лишь полагание наличного бытия, а не Так-бытия. Предпосылкой ее является тот факт, что некое Ты вообще живет, обладает длительностью и тем самым переживаниями: каковы эти переживания и с какими импликациями связано их появление, не имеет значения. Далее, установка на Чужого в принципе *может быть односторонней*: ее сущность, правда, предполагает соотносением с некоторым alter ego, однако сама она и ее осуществление никак не зависит, осуществляет ли данное alter ego со своей стороны установку на Чужого. Поэтому установка на Чужого не привязана также к какому бы то ни было воздействию на внешний мир. Для нее не существенны действия сообщения или выражения, равно как и полагание или толкование знаков. Установка на Чужого принципиально охватывает все акты отношения Я, соотносением с Ты, включая, следовательно, проявления эмоций, такие как любовь или ненависть. Правда, вызывает сомне-

ние, целесообразно ли все акты установки на Чужого считать социальными актами.

И все же Вебер, говоря об *осмысленной соотнесенности* социальной деятельности с чужим поведением, явно имеет в виду описанные только что акты установки на Чужого в самом широком смысле. Он, очевидно, имеет в виду *особую* связь социальной деятельности с чужим поведением. Социальная деятельность для него имеет место, судя по всему, лишь в двух случаях, либо а) когда действующий намеревается этой своей деятельностью *вызвать особое* поведение Другого, т.е. когда целью его деятельности является оказание определенного воздействия на процессы сознания Другого; либо б) когда *сама эта называемая социальной деятельностью была вызвана чужим поведением*, т.е. когда восприятие и толкование чужого осуществленного поведенческого акта является подлинным мотивом-потому-что собственной деятельности. Обе ситуации покрываются понятием социальной деятельности, по Веберу. Ведь эта деятельность, по его словам, может «быть ориентирована на прошлое, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других». Здесь вновь обнаруживается двойное переплетение понятий, на которое уже указывалось: Вебер не различает ориентации на чужую будущую и чужую совершенную деятельность, не различает подлинный мотив-потому-что и мотив-для и поэтому подводит совершенно гетерогенные ситуации под одно общее понятие. Здесь нам и предстоит начать анализ.

Акты, интенционально соотнесенные с alter ego, могут, будучи действиями, т.е. спонтанным поведением согласно предшествующему замыслу, подчиняться мотиву-для, направленному на вызывание определенных переживаний сознания других, на *воздействие* на других. Подобное социальное поведение мы будем обозначать термином «*воздействие на Чужого*». Всякое воздействие на Чужого осуществляется в рамках некоторой установки на Чужого, причем как социальная деятельность, однако не всякая установка на Чужого и не всякая социальная деятельность является воздействием на Чужого. Нетрудно понять, что *воздействие на Чужого* ограничивается замышляемыми социальными актами на основе *спонтанной активности*, т.е. *социальной деятельностью*, согласно нашей приведенной выше дефиниции. Чтобы воздействовать на процессы сознания некоторого alter ego в ходе социальной деятельности, я должен обратить взгляд на протекание чужой длительности и в модусе предвосхищения вообразить консти-

туирующиеся в ней переживания сознания в замысле моего действия modo futuri exacti, либо как конечную цель моей деятельности, либо как средство в более широком контексте. Конечной целью замышляемого мной воздействия на Чужого, переживание сознания alter ego является, например, тогда, когда мотив-для моей деятельности исчерпывается пониманием со стороны alter ego; средством или промежуточной целью — когда я в замысел моей деятельности, фантазируя, включаю, помимо стремления быть понятым Ты, также и определенное поведение этого Ты. Что же касается социального *поведения* в собственном смысле, то оно не нуждается в этом плановом характере и уже поэтому не является воздействием на Чужого. Знаменитые слова Гёте: «И если я тебя люблю, тебе какое дело!?» — пример активности эмоций в установке на Чужого, радикально отказывающейся от воздействия на Чужого.

Совершенно ясно, что именно *воздействие на Чужого*, или, как мы это будем называть в дальнейшем, *социальное воздействие*, послужило Веберу в качестве модели для выработанного им понятия социальной деятельности. Если принять эту предпосылку, то его определение нетрудно адекватно перевести в нашу терминологию. Тогда утверждение, что социальная деятельность осмысленно соотносится с поведением Других, следует понимать так, что оказывающий социальное воздействие, поскольку он осуществляет его в рамках установки на Чужого, должен обратиться к переживаниям сознания alter ego в структуре их конституирования; а то, что осуществляющий социальную деятельность осмысленно ориентирует свою деятельность на поведение других в его протекании, следует понимать так, что это обращение происходит в определенном мотивационном контексте, причем переживания чужого сознания должны предвосхищаться в замысле оказывающего воздействие modo futuri exacti.

Однако эта интерпретация охватывает лишь ожидание *будущих* переживаний чужого сознания, которыми собственная деятельность мотивирована в модусе «для того, чтобы». Однако поскольку Вебер настойчиво подчеркивает, что социальная деятельность может ориентироваться также на прошлое чужое поведение, то, согласно его позиции, социальная деятельность имеет место и тогда, когда обращение к переживаниям чужого сознания действует в качестве подлинного мотива-потому-что данной деятельности²⁰¹. А наше исследование подлинного мотива-потому-что показало, что смысловой контекст мотивации «потому-что» может конституироваться лишь на

основе уже совершившегося мотивированного переживания сознания, хотя и возможно, что соотнесение некоторой деятельности с подлинным мотивом—потому-что окажется запасенным в опыте в качестве «максимы», руководства к действию. Это верно в самом общем смысле и независимо от того, было ли мотивирующее переживание соотнесено с alter ego или нет. Во всяком случае, вопрос о подлинном мотиве—потому-что некоторой деятельности может быть осмысленно задан лишь после осуществления этой деятельности, по крайней мере — после завершения работы над ее замыслом. Если я хочу отомстить за совершенное на меня нападение (воспользуемся примером, заимствованным у Вебера), то мое намерение уже сформировалось, прежде чем вообще имеет смысл говорить о том, что оно было «мотивировано» нападением и потому представляет собой месть за совершенное. Ведь возможны и колебания, стоит ли мне «оставить без внимания» случившееся или «предпринять ответное действие». Я мог бы даже просто принять его как должное, не прибегая к подобному выбору путем перебора в воображении предлагаемых фантазией замыслов. Но для социального характера моей реакции явно не является решающим, была ли она, в случае осуществления, вызвана чужим поведением или другим обстоятельством. Моя «реакция» становится социальным поведением не потому, что я реагирую на чужое поведение, а не на явление природы, а исключительно потому, что интенциональным предметом данной моей реакции является ожидаемое чужое поведение.

По этой причине «обусловленная Чужим деятельность», как мы будем называть деятельность, мотивированную обращениями к прошедшим переживаниям чужого сознания в модусе подлинного «потому что», не может быть равнозначной или координированной с воздействием на Чужого. Впрочем, это не означает, что понятие обусловленной Чужим деятельности не предполагает установки на Чужого. Скорее, речь идет о том, что я, обращаясь при установлении синтетической связи—потому-что к переживаниям чужого сознания, безусловно, осуществляю акты, интенционально соотнесенные с alter ego, и сама связь—потому-что зависит от модификаций внимания, подключающихся к моим опытным переживаниям относительно alter ego, на которые я смотрю modo plusquamperfecti, за счет реализованных ранее установок на Чужого. Если же я спрашиваю о мотиве—потому-что, то это значит, что моя деятельность уже была спланирована, прежде чем я осуществил

акт установки на Чужого. Однако именно поэтому сама эта деятельность не представляет собой интенционально соотнесенный с alter ego акт, а потому и не является социальным поведением. Одно дело — спланированная деятельность, другое — то специфическое обращение к конституированному замыслу или осуществленное действие, в котором конституируется смысловой контекст мотивации—потому-что: в случае обусловленной Чужим деятельности смысловой контекст мотивации—потому-что хотя и реализуется в условиях установки на Чужого, однако это не относится к самой деятельности. Это обстоятельство нам еще предстоит рассмотреть более подробно, когда мы займемся социальным отношением.

При подведении итогов нашей критики предложенного Вебером фундаментального понятия социальной деятельности обнаруживается, что нам удалось выстроить последовательную линию понятий, от понятия интенционально соотнесенных с alter ego переживаний сознания через социальное поведение и социальную деятельность к социальному воздействию. Мы не без основания противопоставили воздействие на Чужого всем прочим звеньям этого ряда, обозначенным нами как установка на Чужого, и уясним себе значение этого различия, бросив ретроспективный взгляд на процессы полагания и толкования смысла в социальном мире.

В последних параграфах третьей части мы говорили о субъективном смысле, который мы признаем за каждым произведением, интерпретируемым нами как свидетельство процессов чужого сознания. Теперь мы видим, что всякое рассмотрение субъективного смысла возможно только в пределах установки на Чужого и что оно обретает свое исконное право лишь благодаря этой установке. Всякое порождение и implicite всякий знак обладают, при рассмотрении вне установки на Чужого, субъективным смыслом для меня в структуре моего мира опыта. Однако я могу взглянуть на любое произведение и в акте установки на Чужого, интерпретируя его и как свидетельство переживаний сознания Другого. Мы намеренно говорим: в акте установки на Чужого, а не в акте воздействия на Чужого; ведь читая книгу, следя за ходом чьей-то мысли, выясняя происхождение какого-либо орудия, я хотя и обращаюсь в установке на Чужого к тому, кто произвел данные порождения, однако не имею при этом возможности на него воздействовать.

Иначе обстоит дело, если я сам произвожу порождения, например, подаю осмысленные знаки. Разумеется, такое по-

рождение и смыслополагание происходит совершенно не обязательно в общественной сфере. В разобранным нами примере с шифром, который я придумал только для себя самого, мы имели дело со смыслополаганием в сфере изолированного Я, то же касается и орудий, которые я создаю только для себя самого, записей, которые я делаю только для себя самого, и т.д. Но если я произвожу порождения в социальной сфере, т.е. ради некоторого alter ego, тогда я осуществляю акт установки на Чужого, и причем особую его разновидность, а именно — всегда и по сути своей акт воздействия на Чужого. Полагание смысла с использованием знаков в ситуации установки на Чужого — это совершение процесса сообщения, и «для того, чтобы» этого действия — вызвать у адресата особые процессы сознания, а именно — понимание со стороны адресата. *Мы можем поэтому утверждать, что всякое сообщение представляет собой социальное воздействие, тогда как всякое восприятие сообщения осуществляется в установке на Чужого. Но сказанное нами только что относительно полагания и толкования знаков имеет силу, хотя и с различными вариациями, и для полагания и толкования всех порождений в социальной сфере, даже если их порождение происходит без коммуникативного замысла. Если я изготавливаю орудие, чтобы им воспользовались другие, то переживания сознания этих других, вызванные употреблением этого орудия (например, чтобы эти другие поняли, что этот предмет представляет собой «орудие для...»), предвосхищаются в замысле modo futuri exacti в качестве конечной цели моей деятельности.*

В дальнейшем предстоит показать, что в пределах каждой из выделенных в предшествующих параграфах социальных сфер конститутивная структура установки на Чужого и воздействия на Чужого претерпевает специфические модификации. Наиболее очевидны они проявляются в *степени анонимности alter ego*, с которым в каждой из этих сфер соотносится установка на Чужого и воздействие на Чужого. Согласно Веберу, остается совершенно неопределенным, «являются ли Другие», с которыми соотносится социальная деятельность, «отдельными и знакомыми персонами, или же неопределенным числом совершенно незнакомых лиц»²⁰². Вебер также не указывает, каким образом «ориентация» на Другого, на которого направлена моя социальная деятельность, модифицируется в зависимости от степени знакомства с ним. Для нас же одной из главных задач будет подробнейшее изучение дифференциации прояв-

ления установки на Чужого и воздействия на Чужого в непосредственном и более широком окружении. Однако все эти модификации могут быть суммарно подведены под данные нами ранее общие определения.

§ 31. Понятие социального отношения у Вебера.

Отношение установки и отношение воздействия

Приведенные в § 30 определения ничего не говорят о том, каковы переживания сознания alter ego, на которые я интенционально нацелен в установке на Чужого или которые я замышляю вызвать путем воздействия на Чужого. Мы утверждали, что установка на Чужого опирается на наличное бытие Ты. Но никак не на его особое Так-бытие. В частности, все акты установки на Чужого, а также воздействие на Чужого по сути могут быть односторонними. Из понятий воздействия на Чужого и установки на Чужого (а также из понятия социальной деятельности по Веберу) никоим образом не следует, что alter ego, на которое устремлен взгляд или действие, в свою очередь, должно принимать установку на Чужого. Однако уже из основоположения alter ego следует, что и ты при соответствующем угле зрения *можешь* рассматривать фазы построения моих переживаний сознания точно так же, как я твой, поскольку я для тебя, моего ближнего, тоже являюсь ближним. Более того, ты даже *можешь* обратиться к тем из моих переживаний сознания, которые интенционально соотнесены с тобой и в которых поэтому конституируются мои акты опытного познания переживаний твоего сознания, точно так же, как и я могу обратиться к твоим переживаниям сознания, интенционально соотнесенным со мной, переживаниям, в которых конституируются твои акты опытного познания моих переживаний сознания. И я, и ты знаем обо всех этих возможных обращениях, и мы оба можем принять в расчет это знание, «ориентируясь» на это в своем социальном поведении, своей социальной деятельности и своем социальном воздействии.

Тот факт, что несколько лиц в своей деятельности соотносятся друг с другом, Вебер обозначает термином «*социальное отношение*». Под отношениями такого рода он понимает «поведение нескольких лиц, по своему смысловому содержанию связанное взаимной установкой и получающее тем самым ориентацию», это определение поясняется следующим образом:

«Итак, социальное отношение полностью и исключительно ограничивается шансом, что в некотором (осмысленно указуемом) роде деятельность будет носить социальный характер, и поначалу безразлично, на чем основан этот шанс»²⁰³.

Когда Вебер усматривает суть социального отношения исключительно в том, что в некотором осмысленно указуемом роде деятельность носит социальный характер, то в этом проявляется отмеченная уже во вводных изысканиях неясность, пронизывающая определения почти всех фундаментальных понятий социологии Вебера. Она коренится в недостаточной дифференциации субъективно ориентированного постижения переживаний чужого сознания в повседневной жизни в социальном мире и объективной интерпретации этого заданного социального мира социальными науками. Если существует шанс, что деятельность будет носить социальный характер, то для кого этот шанс — *для действующего в социальном мире*, или *для нас, наблюдателей*, представителей социальных наук? С одной стороны, Вебер утверждает, что поведение двух социально действующих лиц находится во взаимном отношении, «также и постольку, поскольку действующий *предполагает* (возможно полностью или отчасти ошибочно), что его партнер занимает определенную позицию по отношению к нему (действующему), и ориентирует свою собственную деятельность на эти ожидания, что может сказаться и чаще всего сказывается на ходе деятельности и складывающихся между ними отношениях»²⁰⁴. В данном случае речь идет о так называемом *субъективном шансе*, а именно, о переживании сознания действующего, ориентирующего свою деятельность на ожидания обоюдных взаимных установок. С другой стороны, на той же странице говорится следующее: «*Лишь* наличие этого шанса — т.е. более или менее высокой *вероятности*, что соответствующая по смыслу деятельность состоится, и *ничего* более — определяет “состав” социального отношения... Следовательно, тот факт, что некая “дружба” или “государство” существовали или существуют, означает только одно: *мы (наблюдатели)* считаем, что существует или существовал *шанс* того, что на основе определенной установки определенных людей *осуществляется* деятельность вида, который *может быть* указан в соответствии со средним подразумеваемым смыслом, и более ничего.» Это понятие шанса, разумеется, соотносится не со смысловыми контекстными связями в сознании одного или обоих объединяемых социальным отношением партнеров (субъективный

шанс), а с содержанием суждения постороннего наблюдателя, представителя социальной науки (объективный шанс). Таким образом, мы обнаруживаем у Вебера двойственное понятие социального отношения. С одной стороны, обоюдная установка присутствует уже тогда, когда осуществляющий социальную деятельность принимает как необходимое условие, предполагает, берет в расчет, что партнер его также будет ориентировать свою деятельность или поведение на его — действующего — процессы сознания, так же как и сам он, действующий, ориентирует свою деятельность на процессы сознания партнера; с другой же стороны, такая установка возникает только тогда, когда наблюдатель констатирует, что подобная обоюдная ориентация двоих или большего числа действующих имеет место или имела место ранее.

Эти две трактовки отнюдь не совпадают. Ведь совершенно не обязательно, чтобы *действующий* в тех или иных социальных отношениях был готов принять существование социального отношения, если *наблюдателю* представляется, что такое действительно имеет место. И наоборот, социальное отношение, в котором действующий живет или полагает, будто живет, вообще не обязательно очевидно для наблюдателя. Следовательно, нам необходимо выяснить критерии, на основании которых, с одной стороны, наблюдатель, с другой стороны — живущий в некотором социальном отношении, в состоянии констатировать существование данного отношения.

Начнем с того доступного постороннему наблюдателю обстоятельства, которое мы вслед за Вебером назвали *объективным шансом* существования социального отношения. Посторонний наблюдатель располагает различными симптомами переживаний сознания наблюдаемого. Тело наблюдаемого представляет для него поле выражения этих переживаний сознания, последовательность чужих телодвижений — симптомы чужих переживаний на основе спонтанной активности, чужие порождения — знаки конституирующих их процессов сознания порождающего. Что означает в таком случае высказывание: *переживания сознания* двух или более наблюдаемых лиц *соотносятся друг с другом?* Этим явно сказано не более того, что *заданные наблюдателю симптомы* наблюдаемых процессов сознания *связаны корреспондирующими отношениями*. Наблюдатель видит, скажем, что наблюдаемые соединяются для совместной работы, для совместной активности во внешнем мире, либо он замечает, что за последовательностью действий

А следует последовательность действий В. Однако для наблюдателя эти внешние последовательности действий — лишь симптомы процессов сознания действующих, и после проведенной в ходе самоистолкования интерпретации внешних событий он постигает в результате толкующего понимания смысловой контекст, в котором данные переживания сознания могут находиться для наблюдаемых, их мотивы-для и мотивы-потому-что, цели их деятельности и смысловые контексты более высокого порядка, в составе которых эти цели оказываются лишь промежуточными целями и т.д. Следуя в своем воображении за конститутивным построением этих контекстов, он приходит к интерпретативным результатам, соотносимым с общим контекстом его опыта прежде всего социального мира вообще, а затем особого Так-бытия наблюдаемых соответствующего Сейчас наблюдаемой ситуации. Это верно в любом случае, идет ли речь о наблюдении индивидуальных процессов сознания одного или нескольких определенных alter ego, или о среднестатистических и типичных процессах сознания, независимо от того, принадлежат ли наблюдаемые к ближайшему окружению, более широкому окружению или предшествующему миру наблюдаемого. Во всех этих случаях наблюдатель обращен к наблюдаемому в установке на Чужого, которая и является предварительным условием постижения субъективного смысла.

Таким образом, наблюдатель идет от симптомов назад, к переживаниям сознания наблюдаемых, отраженным в этих симптомах, а от их корреспондирующего отношения он делает еще шаг назад, в поисках некоторого социального отношения. Однако *корреспондирующие отношения симптомов* для него — не более чем *объективный шанс* того, что процессы сознания наблюдаемых действительно каким-то образом соотносятся, что каждый из наблюдаемых действительно осуществляет акты установки на Чужого и что эти акты установки на Чужого действительно взаимны и обоюдны. Уже в понятии *корреспондирующих отношений симптомов* заложена возможность ее обнаружения только между *завершившимися* событиями. Лишь по реакции можно установить, что она соотносится с предшествующей акцией. Поэтому утверждение о наличии корреспондирующих отношений по сути своей является высказыванием о прежде прошедших процессах modo plusquamperfecti. Правда, этим не исключается возможность установления корреспондирующих отношений в синхронности. Дело в том, что существование подобных отношений возможно в качестве повторя-

емого правила, входящего в опыт в качестве полностью конституированной интерпретативной схемы в сознании наблюдателя и потому всегда находящейся у него «под рукой»²⁰⁵.

Однако этот объективный шанс существования социального отношения, который может быть установлен наблюдателем, обнаруживает различные степени прозрачности, обусловленные тем, что соотносимость симптомов с переживаниями сознания, симптомами которых они являются (а тем самым *implicite* и корреспондирующие отношения между ними), предполагает разные ступени предварительной осведомленности относительно особого Так-бытия соответствующего чужого сознания, или, как еще можно сказать, оказывается *в различной степени толкуемым*. Если я наблюдаю своих ближних в ситуации совместной занятости делом, то существование социального отношения в последовательности действия и реакции, в соответствии мотивов-потому-что одного и мотивов-для другого оказывается для меня совершенно очевидным. То же самое, если коммуникативные действия, т.е. полагания знака, интерпретативная схема которых доступна мне, даже если я не адресат сообщения, заданы мне в качестве симптома корреспондирующих отношений. В более общем виде можно сказать, *что всякое социальное отношение, в пределах которого происходит воздействие на Чужого — мы будем называть подобное социальное отношение отношением воздействием*, — обнаруживает более высокую степень толкуемости, чем *социальное отношение, в котором осуществляются только акты установки на Чужого и которые мы в дальнейшем будем называть отношением установки*. Находятся ли два наблюдаемых мной лица в отношениях симпатии или антипатии (или для этого имеется объективный шанс) — подобное отношение установимо с неизмеримо меньшей уверенностью, чем наличие между ними отношения воздействия. Ведь всякая подобная констатация зависит от степени интимности установки на Чужого, с которой наблюдатель обращен к наблюдаемым. В промежутке располагается неисчислимо множество *промежуточных ступеней толкуемости*. Если, например, некоторое социальное отношение основано не на актах взаимного воздействия на Чужого, а на однотипной социальной деятельности, скажем, на ориентированности этой деятельности на общую интерпретативную схему (будь то общий язык, правопорядок, взгляд на искусство, общая мода, общий уклад жизни), то установление объективного шанса существования данного социального отношения на основании

корреспондирующих отношений симптомов связано с предварительным знанием наблюдателя, во-первых, относительно самой интерпретативной схемы и, во-вторых, относительно вовлеченности этой схемы в замысел наблюдаемых участников социальной деятельности.

Как же такая догадка о существовании социального отношения может быть переведена — а об этом явно говорит понятие объективного шанса — в уверенное суждение? Тот факт, что действие и ответная реакция состоялись «согласно ожиданию», поскольку, например, спрошенный В ответил спрашивавшему А, хотя и делает предполагавшееся ранее наличие социального отношения вероятным, однако все еще не определенным. Действительно ли имеет место взаимное понимание Чужого, могут свидетельствовать лишь состоящие в социальном отношении, когда и А, и В подтверждают, что каждый из них действовал, находясь в установке на Чужого по отношению к своему партнеру. Лишь опрос наблюдаемых мог бы дать наблюдателю уверенность в наличии социального отношения. Однако начиная опрос, он уже перестает быть наблюдателем, вступая в некоторое социальное отношение с опрашиваемым. Однако и суждение наблюдателя о существовании социального отношения, сделанное в модусе вероятности, возможности, догадки, ведет свое исконное право от возможности опроса состоящего в социальном отношении. Позднее еще предстоит разъяснить, что эта возможность опроса представляет собой специфический признак наблюдения в непосредственном окружении.

Обсудив таким образом критерии, по которым наблюдатель устанавливает существование социального отношения, мы должны теперь провести такое же исследование и относительно тех, кто в этом отношении состоит.

Социальное отношение имеет место для меня, живущего в социальном мире, в том случае, если я, обратившись в акте установки на Чужого к своему партнеру, обнаруживаю у него специфические переживания сознания, а именно — установку на Чужого в отношении меня, обращающего на него свой взгляд. Таким образом, я уже должен совершить акт установки на Чужого, прежде чем я могу констатировать соответствующую установку на Чужого у моего партнера.

Эта установка на Чужого у моего партнера может проявляться для меня разными способами: либо мой партнер изменяет по отношению ко мне воздействие на Чужого и я замечаю это; либо я обращаюсь к своему партнеру и констатирую,

что у него была установка на меня еще до того, как я сам осуществил применительно к нему акт установки на Чужого. В обоих случаях социальное отношение конституируется только через мое собственное обращение к партнеру. И наоборот, я могу намереваться осуществить воздействие на партнера, однако этот замысел может исполниться лишь после того, как партнер обратится ко мне в установке на Чужого. Однако все это представляет собой не столько характеристику особых *образов данности* социального отношения для состоящего в нем, сколько описание самого *установления* социального отношения, или, пользуясь удачным выражением Визе, *контактной деятельности и контактной ситуации*.

Живущий в социальном мире может двояким образом удостовериться в том, что его интенционально соотносенным с другим актам сознания соответствуют направленные на него акты установки на Чужого, осуществленные Другим. Он может либо жить *в пределах* этих взаимно соотносенных переживаний сознания, либо, выйдя за пределы социального отношения, взглянуть *на* него со стороны. Первый случай имеет место, когда я, обратившись к своему партнеру в установке на Чужого, постигаю его установку по отношению ко мне, а одновременно и вместе с тем и его отраженное в этой установке знание относительно моих интенционально соотносенных с ним актов. В таком случае я живу, ты живешь, *мы* живем в самом данном социальном отношении, и это происходит в силу интенциональности живых соотносенных с партнером актов, несущих меня и тебя, несущих *нас* от Сейчас к новому Сейчас в особой модификации внимания в состоянии взаимной установки. *Социальное отношение, в котором мы живем, конституируется, таким образом, в силу модификации внимания, которую претерпевает моя установка на Чужого благодаря непосредственной самоданности Другого как обращенного ко мне в установке на Чужого.*

Живое социальное отношение, как мы будем называть только что описанные акты, может выступать в различных модификациях. *В своем чистом и полном виде оно, как еще предстоит показать с соответствующей точностью, неразрывно связано с телесной заданностью находящегося в непосредственном окружении Ты. В этом своем качестве оно представляет собой живое отношение непосредственного окружения, или мы-отношение.* От него производят свое исконное право все не принадлежащие сфере ближайшего социального окружения

акты установки на Чужого, все способы толкования субъективного смысла, все возможности обращения внимания к более широкому окружению и на предшествующий мир. Одна из основных задач исследований данной части – вывести социальное отношение к более широкому окружению и предшествующему миру из чистого мы-отношения, а также методологически обнажить самообоснованность самого этого отношения.

Однако я, живя в социальном мире, могу также, выйдя за пределы этого мира, обратиться к нему, наблюдая и размышляя. *Тогда я взираю modo plusquamperfecti на свои осуществленные в состоянии установки на Чужого акты и на то, что этими актами постигалось, т.е. на установку на Чужого, осуществленную alter ego по отношению ко мне, и могу в соответствующем суждении установить объективный шанс наличия взаимной установки как своего рода наблюдатель за самим собой.* Если, скажем, с моей стороны имело место воздействие на Чужого, то лишь успех или неудача моей деятельности, направленной на то, чтобы вызвать переживания чужого сознания, может решить вопрос, осуществил ли вообще Другой по отношению ко мне установку на Чужого. Правда, мой замысел социального воздействия сопровождался предположениями, что Другой *совершит* подобный акт. Однако лишь когда эти предположения *сбылись*, я как наблюдатель своих собственных действий «имею основания предполагать», что социальное отношение действительно существует. Таким образом, в данном случае моя позиция такая же, как у внешнего наблюдателя. Точно так же наличие соотнесенной со мной установки моего партнера на Чужого, т.е. наличие определенного социального отношения, представляет для меня лишь объективный шанс, а само отношение оказывается поэтому в различной степени прозрачным и поддающимся интерпретации. Правда, в этом отношении между моим самонаблюдением и наблюдением со стороны внешнего третьего лица имеется очень существенное различие. Дело в том, что когда я бросаю ретроспективный взгляд на свой замысел, то мотивы-для моей деятельности заданы мне совершенно надежно, и я могу в любой момент прояснить смысловой контекст мотивации в ходе повторного воспроизведения, даже если для ретроспективного взгляда он представляется размытым или спутанным; я могу установить, был ли выполнен замысел в ходе деятельности; я могу выделить то, что было уловлено пустыми ожиданиями замысла в ходе осу-

ществления деятельности; кроме того, я в любой момент могу обозреть более широкий контекст, в рамках которого данная моя деятельность, направленная на другого, была лишь промежуточной целью; наконец, я могу под особым углом зрения обратиться к модификациям внимания, которые претерпели мои акты, направленные на другого в состоянии установки на Чужого. Во всем этом комплексе процессов самонаблюдения действуют те же принципы интерпретируемости, что и при наблюдении со стороны третьего лица. Конституирование социального отношения воздействия оказывается для меня несравненно прозрачнее, чем конституирование простого отношения установки, и между этими крайними точками располагается целая шкала разных степеней прозрачности.

Мы исследовали критерии социального отношения для живущего в социальном мире. Однако этим явно не исчерпывается то второе обстоятельство, которое Вебер включает в свое понятие социального отношения, *а именно, момент субъективного шанса существования социального отношения, на которое «действующий» в нем ориентирует свое «поведение».* Было бы ошибкой полагать, будто всякое поведение в рамках некоторого социального отношения ориентировано на его наличие, поэтому нам следует тщательно отделить те интенционально направленные на партнера по отношениям акты, для которых установка партнера на Чужого является *существенной предпосылкой*, от всех прочих актов, осуществляемых в пределах социального отношения в состоянии установки на чужого. Лишь в результате этого мы сможем прояснить, какой смысл следует признать за утверждением, согласно которому действующий предполагает определенную установку партнера по отношению к самому себе и ориентируется на это в своем поведении.

Для данного анализа проведенное ранее различие отношения установки и отношения воздействия имеет важное значение. Рассмотрим в качестве примера отношения установки любовные отношения, не проявляющиеся в обоюдном воздействии. В данном случае следует отчетливо различать принадлежащую любящему или наблюдателю констатацию, что на подобное отношение установки вообще есть некоторый шанс, от дальнейшего высказывания, что осуществляемые в этом отношении установки акты ориентированы на знание о нем. Знание, что мой партнер каким-то образом ко мне относится (если речь вообще может идти о некотором отношении), само по себе во-

обще не является основанием для моей установки по отношению к нему, которую можно было бы считать влюбленностью. Все, что мне известно об установке моего партнера, является всего лишь *побочным знанием*. Ведь то, что другой вообще каким-то образом ко мне относится, меня вообще замечает, отвергает мое влюбленное к нему обращение или отвечает на него взаимностью, — все это может быть при каких-то условиях желательным, а при каких-то нежелательным или же безразличным. Как показывает этот пример, для актов *отношения установки* не является существенной ориентированность на знание о существовании или несуществовании взаимной установки. Это, разумеется, не означает, что достижение подобной установки Другого не является для меня целью моей деятельности, что я не могу стремиться вызвать подобную установку и не могу ориентироваться на успех или неудачу этого моего воздействия. Однако в этом случае чистое отношение установки уже превращается в отношение воздействия, в основе которой лежат уже совершенно иные параметры. Отношение воздействия имеет место тогда, когда действующий совершает акт воздействия на Чужого в ожидании того, что Другой — на которого это воздействие и направлено — каким-то образом на это прореагирует или, по крайней мере, обратит внимание. Таким образом, предпосылкой отношения воздействия является не взаимодействие, т.е. осуществляемое партнером, нацеленное на меня социальное воздействие, или хотя бы осуществляемую им деятельность, а лишь то, что партнер осуществляет в отношении меня, действующего, акт установки на Чужого, обращает на меня взор, фиксирует меня взглядом, интерпретирует полагаемое мной порождение как свидетельство моих переживаний сознания и т. д. Таким образом, Другой не должен обращаться ко мне, действующему, как действующее лицо, он всего лишь вообще должен ко мне обратиться. Следовательно, предпосылкой является особое проявление внимания партнера, которое, правда, модифицирует все его переживания сознания.

Всякое *отношение воздействия* является в связи с этим в сущности своей опирающимся на *социальное воздействие*, замысел которого направлен на то, чтобы вызвать переживания чужого сознания, а предпосылкой его является наличие у партнера установки на Чужого. Однако не всякий акт *воздействия на Чужого* осуществляется в *отношении* воздействия или вообще в некотором социальном *отношении*, не всякий акт

воздействия на Чужого ориентирован на то, что Другой обращен ко мне в *установке на Чужого*. Воздействие на чужого скорее может быть ориентировано как раз на то, что подобная установка со стороны партнера отсутствует, и потому я как зачинщик этого воздействия останусь вообще незамеченным. Однако эти случаи служат примерами *лишь производной формы чистого воздействия на Чужого*, а именно такой, *при которой я, действующий, желаю оставаться анонимным*, не представлять перед своим ближним в том же качестве, а собираюсь лишь совершить действие, вызывающее в качестве порождения переживания чужого сознания, безразлично, когда, при каких условиях и кто будет это действие осуществлять.

Однако *как только* воздействие на Чужого оказывается ориентированным на то, чтобы Другой переживал эффект этого воздействия как вызванный *мною*²⁰⁶, всегда *имеет место отношение воздействия*. Поскольку особая установка внимания моего партнера по отношению ко мне уже вошла в мой замысел воздействия на Чужого в качестве мотива-для, она представляет собой как раз то, «чего ради» осуществляется мое воздействие на Чужого, его конечную и промежуточную цель. Так, каждый акт полагания смысла совершается в ожидании толкования смысла партнером, и это ожидание толкования смысла входит и в расширенный целевой контекст, в пределах которого происходит полагание смысла. Социальное отношение воздействия представляет собой, таким образом, мотивационный контекст, а именно — интересубъектный мотивационный контекст. Необходимой составляющей конституирования отношения воздействия является то, что установка на Чужого, реализуемая Другим, представляет собой мотив собственного воздействия на Чужого. Своеобразной структурой данного мотивационного контекста мы теперь и займемся.

§ 32. Мотивационный контекст отношения воздействия

Если я, замышляя нечто, воображаю, что моя деятельность, как только ты поймешь ее, подвигнет тебя на определенное поведение, то фантазия предполагает, что осуществленная тобой интерпретация моей деятельности станет для тебя мотивом (причем мотивом-потому-что) определенного поведения. Если, скажем, я обращаю к тебе вопрос, то мотивом-для моего вопроса является желание не только быть понятым тобой,

но и получить от тебя ответ. Твой ответ – то, чего ради появляется мой вопрос В замысле, предшествовавшем моему вопросу, я воображая предполагал, что вопрос мной уже задан, что ты понял заданный мной вопрос и что понимание моего вопроса подвигло тебя на то, чтобы на него ответить. Воображение и замысел предполагают, что ты *ответишь, что именно ты ответишь* – остается в рамках данного смыслового контекста (вопрос и ожидаемый ответ) неопределенной и пустой позицией. Совершенно несомненно – и об этом свидетельствует использованный ранее термин «ожидание» – что всякая подобная фантазия сопровождается желанием, т.е. эмоциональной активностью, чтобы ожидаемый ход событий был адекватен составленному ранее замыслу. Однако совершенно определено, что осуществленное в воображении суждение: моя деятельность (т.е. заданный вопрос) подвигнет тебя на определенную реакцию, – может быть отделено от желания, основанием которого оно и является, и подвергнуто отдельному рассмотрению. Поэтому мы оставим указанную эмоциональную активность в стороне и займемся анализом исключительно того, что скрывается за положением, согласно которому осуществленная мной в рамках некоторого социального отношения (в данном случае – отношения воздействия) деятельность побудит адресата этой деятельности к определенному поведению.

Продолжим рассмотрение примера с вопросом и ответом. Задающий вопрос воображает, составляя замысел *modo futuri exacti* что адресат ответит ему. Он представляет себе далее, что его вопрос станет для адресата подлинным мотивом-потому-что для ответа, и соответственно этому осуществляет постановку вопроса. Не вступает ли это утверждение в противоречие с результатом нашего предшествующего анализа²⁰⁷, согласно которому мотив-потому-что может быть постигнут лишь *modo plusquamperfecti*, в ретроспективном взгляде с позиций завершенного мотивированного действия? На это возражение можно ответить, что задающий вопрос как раз в своем замысле воображает *modo futuri exacti*, что ответ (содержание которого, правда, остается пустым и неопределенным) уже получен, так что для него воображаемое уже совершившимся получение ответа от адресата с его мотивом-потому-что представляется *modo plusquamperfecti* уже совершившимся ранее. Однако точный анализ не может удовлетвориться подобным результатом. Что дает вопрошающему право предполагать, что «задаваемый им вопрос будет находиться с ожидаемым ответом в отноше-

нии подлинного мотива-потому-что»? Это ожидание вопрошающего, несомненно, представляет собой предпосылку любого произносимого вопроса вообще. Ведь суждение, согласно которому существует «шанс», что ответ адресата будет мотивирован понятным вопросом, мотивирует, в свою очередь, деятельность задающего вопрос (собственно то, что он вопрос задает) в модусе «для того, чтобы». Задающий вопрос «знает» о существовании этого «шанса» тем же образом, каким он извлекает из хранилища своего опыта и другое знание. Он знает, что данные *им* – действующим в данный момент как вопрошающий – в свое время ответы были мотивированы вопросами других в модусе подлинного «потому что». Сам он отвечал, *потому что* его спрашивали. И не только он, но и другие, о ком ему известно, отвечали, потому что им был задан вопрос. Таким образом, речь идет об универсальном правиле, согласно которому вопрос представляет собой подлинный мотив-потому-что для ответа, и это правило задано вопрошающему в его общем контексте опыта.

Правда, у задающего вопрос нет никакого свидетельства того, что предполагаемая им в воображении подлинная мотивация-потому-что действительно будет иметься в виду адресатом при ответе (если таковой вообще последует, т.е. если замысел побудит другого к ответу будет исполнен). Не получает он такого свидетельства и после того, как спрошенный дал ответ. Хотя в наступлении ожидаемой последовательности событий и заключается исполнение замысла задающего вопрос и связанных с этим пустых ожиданий и предвосхищений. Однако остается неопределенным, действительно ли спрошенный рассматривал вопрос в качестве подлинного мотива-потому-что своего ответа, происходило ли высказывание спрошенного, которое задающий вопрос истолковывает как ответ, «по причине» или независимо от него (т.е. вне смысловых контекстных связей с ним), подразумевалось ли это высказывание вообще как «ответ». Более того: если спрошенный дает ответ на вопрос, то он делает это после осуществления толкования того, что имел в виду спрашивающий своим вопросом, чтобы ему нечто сообщить. Замысел совершения коммуникативного действия по отношению к задающему вопрос совершается на основе *свободной спонтанной активности* в чистом контексте «для того, чтобы». Разумеется, этому замыслу предшествовало понимание вопроса, т.е. установка на Чужого по отношению к спрашивающему, разумеется, и сообщение ориентируется на

то, что задающий вопрос будет исходить из наличия смысловой связи между содержанием сообщения и своим вопросом, ориентируется тем же образом, каким задающий вопрос ориентирует свое действие на предвосхищаемые в воображении переживания сознания спрашиваемого. Однако смысловая контекстная связь подлинного мотива-потому-что между вопросом и ответом конституируется в сознании отвечающего *только в силу особого обращения* к уже осуществленному замыслу ответа на вопрос и предшествующему ему акту толкования вопроса, обращение, которое он, конечно же, может осуществить, *если может вообще*, не *qua* действующий, а лишь в новом процессе самоистолкования своего собственного поведения. Это обнаруживается совершенно ясно, если мы привлечем при этом исключенные ранее побочные эмоциональные моменты. Тогда мы обнаружим со стороны задающего вопрос желание получить ответ, а со стороны отвечающего — расположенность ответ дать. Однако спрашиваемый вовсе и не замечает этой своей расположенности, когда дает ответ, хотя он и дает его «исходя из этой расположенности». Его готовность отвечать предстает перед ним как мотив-потому-что его ответа лишь исходя из совершенного замысла ответа или исходя из данного ответа, а уловленное в вопросе желание Другого получить ответ — как подлинный мотив-потому-что включения такой расположенности.

Однако и здесь требуется величайшая осторожность. Ведь понятие ответа предполагает предшествующий вопрос. Кроме того, оно предполагает, что осуществляемое после заданного вопроса поведение спрошенного интерпретируется спрашивающим как ответ на его вопрос. Таким образом, противопоставление вопрос-ответ представляет собой всего лишь аббревиатуру чрезвычайно сложных процессов полагания и толкования смысла, которые мы уже более точно проанализировали на более простых примерах. И все же совершенно ясно, каким образом можно говорить о том, что вопрос представляет собой мотив-потому-что для ответа, а ответ — мотив-для для вопроса. Существенно то, что действующий в отношении воздействия на некое Ты предвосхищает мотивы-для своей собственной деятельности как подлинные мотивы-потому-что ожидаемого поведения партнера, и наоборот, способен взглянуть на мотивы-для своего партнера как на подлинные мотивы-потому-что своего собственного поведения. Понимание этого чрезвычайно важно, ибо оно указывает на метод, кото-

рым пользуется как техника жизни, так и — правда, с утонченными понятиями — понимающая социология для изучения мотивов чужого Я.

Таким образом, всякое воздействие в социальном отношении предполагает соотносенную с действующим установку партнера на Чужого, при этом собственные мотивы-для рассматриваются как подлинные мотивы-потому-что партнера. Это не означает, что данная связь дана действующему в более или менее эксплицитном виде; и все же он в состоянии в любой момент при подходящем обращении осуществить ее экспликацию. Однако подобная экспликация происходит не в рамках социального отношения, а за его пределами. Действующий должен выйти из отношения и интерпретировать свою деятельность в рамках данного отношения в модусе самоистолкования. И в этом случае, как и в других, верно, что конституирующий чужую деятельность в отношении воздействия мотивационный контекст может храниться в запасах контекста опыта, будь то в виде опыта особой манеры поведения особого Ты, которого и касается действие, будь то в виде знания о типичных реакциях на типичное воздействие на Чужого. Действующий владеет запасенными в его опыте руководствами к действию. Они даны ему безусловно, и поскольку они им не проблематизируются, ему нет необходимости обращаться к генезису конституирования их смысла. Запас опыта относительно Ты варьируется в зависимости от социальной области. Соответственно изменяется и поле действия, на котором существует субъективный шанс ожидаемой реакции. Мотивационный контекст отношения воздействия также черпает свое исконное право из социальных отношений ближайшего окружения, а все прочие отношения воздействия оказываются всего лишь их вариациями. В живой интенциональности отношения воздействия в ближайшем окружении, в которой живем я и ты, живем мы, в подлинной синхронности и воплощенности заданности Ты, сознание которого вовлечено в замысел моих дел, в этой живой интенциональности на деле происходит слияние собственного мотива-для и чужого мотива-потому-что, дополняющих и корректирующих друг друга, в предмет взаимно соотносенных установок на Чужого.

В результате этих исследований мы проложили путь к структурному анализу социального мира. Начнем со сферы ближайшего социального окружения и конститутивного для нее мы-отношения.

С. Ближайшее социальное окружение

§ 33. Ближайшее социальное окружение и мы-отношение

Я утверждаю относительно некоторого Ты, что оно принадлежит моему ближайшему социальному окружению, если оно сосуществует со мной в пространстве и времени. Сосуществование в пространстве означает, что оно дано мне в своей «телесности», причем как оно само, как данное особое Ты, а его тело — как поле выражения во всей полноте своих симптомов. Сосуществование во времени означает, что я в состоянии наблюдать процессы его сознания в подлинной синхронности²⁰⁸, что его длительность одновременно моей, что мы стареем вместе. Таким образом, ситуация ближайшего окружения основана на подлинной синхронности чужого протекания длительности со своей собственной, как эта синхронность была разобрана в нашем основоположении alter ego в § 20 третьей части. К синхронности добавляется пространственная непосредственность alter ego, в силу чего его тело дано мне во всей полноте симптомов как поле выражения.

Пространственная и временная непосредственность существенны для ситуации ближайшего окружения. Все акты установки на Чужого и воздействия на Чужого, а тем самым и все отношения установки и воздействия, осуществляемые в ситуации ближайшего окружения, обретают в силу этого основополагающего факта временной и пространственной непосредственности существующего в ситуации ближайшего окружения Ты свой специфический характер.

Рассмотрим сначала, каким образом конституируется ситуация ближайшего окружения для живущего в ней. То, что он ее замечает, уже предполагает переживание сознания, интенционально нацеленное на принадлежащее ближайшему окружению Ты, установку на Чужого в ближайшем окружении, или, как мы еще будем говорить, установку на Ты. Ее сущность и следует прежде всего описать.

Установка на Ты может быть охарактеризована как чистая форма проявления некоторого особого Ты, данного мне в своей телесности. Она конституируется уже одним тем, что я опознаю нечто находящееся в моем окружении как своего ближнего (как Ты) и приписываю ему тем самым в качестве предиката жизнь, а именно, сознание. Однако эта формулировка не впол-

не отражает ситуацию. Дело ведь не в том, что я путем суждения приписываю некоторый предикат, речь идет о допредикативном опыте, в котором Ты переживается как самость. Таким образом, мы можем определить установку на Ты ближайшего окружения как особую интенциональность актов, в которых Я, пока оно живет в них, обладает опытом наличного бытия Ты в модусе изначальной²⁰⁹ самости. Однако всякий внешний опыт в модусе изначальной самости предполагает телесную заданность познанию на опыте во временной и пространственной непосредственности.

Необходимо подчеркнуть, что установка на Ты ближайшего окружения соотносится с наличным бытием некоторого alter ego, но совсем не обязательно с его Так-бытием. Дело в том, что понятие установки на Ты само по себе еще не предполагает включение в поле зрения особых переживаний сознания данного alter ego. Как «чистая» установка на Чужого она конституируется уже в интенциональном отношении к чистому наличному бытию наделенного жизнью и психикой Ты, при том, что его Так-бытие остается за пределами внимания или, по крайней мере, может оставаться за его пределами. Правда, понятие «чистой» установки на Ты — понятие формальное, продукт идеализации, или, если воспользоваться термином Гуссерля²¹⁰ — «идеальная граница». Ведь в ближайшем окружении мы всегда переживаем Ты как особое Ты в его особом Так-бытии, и наша переживаемая установка на Чужого в ближайшем окружении — совсем не «чистая» установка на Чужого, а ее коррелят на соответствующей ступени актуализации и конкретизации.

При этом мои акты, направленные на тебя как моего ближнего, характеризуются тем, что я сам являюсь для тебя ближним, если ты вообще обращаешь на меня внимание. Замечаешь ли ты меня, зависит, в свою очередь, от основной диспозиции внимания, в которой ты обращен к своему ближайшему окружению. Так, установка на Ты в окружении может быть *односторонней* или *обоюдной*. Она является *односторонней*, если при том, что я обращаю взор на тебя, ты не замечаешь моего существования; она является *обоюдной*, если ты обращен ко мне в чистой установке на Ты, так же как и я — к тебе. Так на основе установки на Ты конституируется *социальное отношение ближайшего окружения*, критерии которого для вовлеченного в него уже были обсуждены в § 31. *Социальное отношение ближайшего окружения, в котором каждый из ориентированных друг на друга переживает своего партнера, будет именоваться чистым мы-отношением*. Понятие «чистое мы-отношение»

тоже всего лишь понятие предела. Переживаемое социальное отношение ближайшего окружения — всегда особая ступень актуализации и конкретизации мы-отношения, оно всегда оказывается «содержательно наполненным» мы-отношением. Уясним себе данное обстоятельство на следующем примере.

Если я и ты созерцаем летящую птицу, то изначально конституированная в моем сознании предметность «полет птицы» имеет для меня постигнутый в самоистолковании смысл, то же самое и ты можешь сказать относительно своего конституированного переживания сознания «полет птицы». Однако ни я, ни ты, ни кто-либо другой не могли бы сказать, тождественно ли *мое* переживание летящей птицы *твоему* переживанию летящей птицы, более того, и я, и ты должны были бы рассматривать такую попытку как совершенно бесперспективную, поскольку собственный и чужой смысл никогда не совпадают²¹¹.

Тем не менее, мы оба, я и ты, старились, пока летела птица, твоя длительность была для меня синхронна с моей, так же, как моя для тебя — с твоей. И возможно, что я, обратившись к летящей птице, по симптомам твоего тела улавливаю, что и ты обратился к летящей птице. В таком случае я могу утверждать, что *мы* видели летящую птицу. Ведь в течение полета птицы я соотносил протекание твоих фаз сознания со своими, предполагая при этом, однако, не более того, что в моем сознании *вообще* происходят переживания, «соотносящиеся» с воспринимаемым мной полетом птицы. *Содержание* фаз твоего сознания, *особое свойство их построения* я совершенно не затрагиваю. Я удовлетворяюсь знанием того, что ты мой ближний, переживающий свое старение, и что ты обратил внимание на воспринятое мной. То же самое и ты, если глянешь в мою сторону, можешь сказать обо мне, что я для тебя — ближний, чьи фазы сознания ты соотнес с ходом своих переживаний относительно полета птицы. Одного этого достаточно, чтобы дать мне и тебе право утверждать, что *мы* видели летящую птицу.

Базовое отношение Мы задано мне моим рождением в ближайшем социальном окружении, и из него черпает свое исконное право весь мой опыт, заключенный в Мы, Ты и *моего ближайшего окружения* как части *нашего более широкого окружения*. В этом смысле следует согласиться с Шелером, когда тот утверждает, что опыт Мы (в ближайшем окружении) лежит в основе опыта Я относительно мира вообще²¹². Правда, как это Мы конституируется исходя из трансцендентального субъекта, как далее психофизическое Ты указывает обратно на психофизическое

Я, — все это сложные феноменологические вопросы, рассмотреть которые в рамках данного исследования не представляется возможным²¹³. Однако и не углубляясь в вопрос о трансцендентальном конституировании alter ego, мы можем, исходя из предпосылки существования в данном мире Ты, дескриптивно очертить конституирование опыта этого Ты исходя из чистого Мы.

В качестве следующего примера мы рассмотрим *отношение воздействия* в ближайшем социальном окружении, а именно, полагание и толкование знаков с коммуникативным намерением, чтобы показать на этой базовой ситуации, каким образом опыт Ты коренится в Мы. Уже при рассмотрении субъективного и объективного смыслового контекста мы могли наблюдать, что взгляд за пределы воспринимаемого мной в рамках объективного контекста, на конституирующие акты субъективного контекста в твоем сознании возможен только в случае, если я постигаю твои полагающие акты построения синхронно. Так как и поскольку мы переживаем эту синхронность *старясь вместе*, так как и поскольку мы живем в ней либо в принципе могли бы жить в ней, то и жизнь «в» субъективном контексте оказывается возможной. Однако само мы-отношение не следует путать с субъективным смысловым контекстом. Рассуждение о субъективном смысле приложимо лишь к интерпретации порождения, которое мы толкуем как свидетельство полагающих актов некоторого alter ego. Лишь относительно этих конституирующих полагающих актов мы утверждаем, что они находятся в некотором субъективном смысловом контексте, а именно — в смысловом контексте и для сознания смыслополагающего. Интерпретируя знак как свидетельство твоих полагающих и выстраивающих смысл переживаний сознания, я могу обратить свой взгляд и на них. Однако исконное *право* этого постижения субъективного смыслового контекста выводимо *лишь из реального или потенциального мы-отношения*. Ведь только в нем Ты может быть переживаемо в особый момент своей длительности как самость. Понимание этого можно сформулировать и в следующем положении: *жизнь в субъективных контекстах-Ты возможна лишь как жизнь в содержательно наполненном Мы-отношении ближайшего окружения*.

Это верно для всех пластов понимания Чужого, в которых и в связи с которыми возможно обращение к субъективному смыслу. Ведь все мои переживания относительно (прежде всего — относящегося к ближайшему окружению) Ты принадлежат во всем своем согласии или дисгармонии, опять-таки, к сфе-

ре Мы, и взгляд на эту сферу расширяет, в свою очередь, мой объективный опытный контекст, который необходимо добывать путем самоистолкования, относительно Ты вообще, а также относительно особого Ты, к которому я обращен в данный момент. Таким образом, неразделимый поток Мы постоянно наполнен многообразными содержательными элементами становящегося и преходящего. В этом он совпадает с моей длительностью в ее последовательном протекании. Но это лишь сравнение, поскольку Мы осуществляется не только в длительности, но и в пространстве, и чужое тело входит в состав Мы точно так же, как и чужая длительность: чужое тело — это носитель симптомов переживаний чужого сознания, это поле выражения. Тем не менее, я могу сказать, что среди всех трансцендентных длительности переживаний «Мы» ближе всего моей длительности.

И пока я живу в «Мы», я живу, собственно говоря, в *нашей* длительности. И так же как я, чтобы заняться рефлексией относительно своих переживаний в длительности, Ты должен некоторым образом выйти за ее пределы, стать в стороне, установить постоянный поток, так же следует поступить и нам с тобой: мы должны, чтобы фиксировать внимание на переживании «сферы Мы», выйти за пределы ближайшего социального окружения, в которой модификации нашего внимания деформируют содержание всех наших переживаний вследствие притяжения Мы. Мы должны отвлечь наше внимание, непосредственно направленное в мы-отношении на *Ты*, и обратить его особым образом на само *Мы*, чтобы оно стало предметом рассмотрения. В социальных отношениях ближайшего окружения, *но только в них*, мы живем в Мы, — в рефлексии относительно Мы нам необходимо выйти за его пределы. И здесь на более высоком уровне действует все то, что было уже высказано при анализе изолированного Я относительно феноменального времени. Обращение к Мы также возможно только постольку, поскольку фазы переживания Мы уже завершились и Мы как таковое уже конституировано. Модус такого обращения включает всю шкалу от полной смутности до эксплицитного вида, оно может принимать все степени осознанности, так же, как и обращение к любому собственному переживанию. Однако чем *больше* мое внимание обращено к *Мы*, тем *меньше* живу я в нем, и тем меньше я переживаю также и *Ты* в его простой данности. Ведь лишь живя в Мы, я обращен к Ты как живому существу. Рефлектируя относительно Мы, я постигаю Ты лишь как общий контекст опытных предметностей.

Уяснив подобным образом понятие мы-отношения, мы в дальнейшем более подробно опишем специфические свойства, отличающие мы-отношение ближайшего окружения от прочих социальных отношений.

§ 34. Анализ социальных отношений ближайшего окружения

В изысканиях предшествующего параграфа мы рассматривали специфические формы, которые принимают установка на Чужого и социальное отношение в пределах ближайшего социального окружения в силу пространственной и временной непосредственности alter ego, отделив при этом установку на Ты и мы-отношение от установки на Чужого и социального отношения вообще. Тем самым мы обрели исходную точку анализа установки на Чужого в ближайшем окружении и социального отношения ближайшего окружения, однако сам анализ еще не был проведен.

Если бы *чистое* мы-отношение было лишь модификацией социального отношения вообще, то его можно было бы отождествить как с отношением установки, так и с отношением воздействия в ближайшем окружении. Однако, строго говоря, чистое мы-отношение *предшествует* отношению установки и отношению воздействия ближайшего окружения как *заданное*. Что конституирует *чистое* мы-отношение, так это взаимная чистая установка на Ты, в котором alter ego ближайшего окружения интенционально воспринимается как самость. Однако эта чистая установка на Ты по сущности своей нацелена лишь на *наличное бытие* Ты вообще, а не на его специфическое *Так-бытие*. Уже то, что мы изначально опытно познаем друг друга как обладающие наличным бытием, причем обращенные друг к другу, конституирует чистое мы-отношение. Однако понятие *социального* отношения требует, *кроме того*, постигаемого в установке на Чужого *особого* знания об *особом* Так-бытии направленной на меня установки партнера на Чужого. Однако особое качество направленной на меня установки Ты на Чужого я постигаю, находясь в ближайшем социальном окружении, в силу живой интенциональности наших взаимно соотносенных переживаний сознания, в которой мы, я и ты, живем.

Только что обрисованная фундаментальная контекстная связь между чистым мы-отношением и социальным отношением ближайшего окружения раскрывается только *тому*, кто,

покинув *мы-отношение*, обращает на него *рефлексивный* взор, но никогда тому, кто, живя в нем и в его *живой интенциональности*, переживает *мы-отношение* не в его *чистом* виде, как *пустое придаточное* *Что*, но именно *живет* в нем, и живет в *гущи соответствующего* *Так* его *особой актуализации и конкретизации*. Иными словами: «*чистое мы-отношение*» представляет собой *простое понятие предела* того, кто пытается *дескриптивно* или теоретически осмыслить ситуацию ближайшего окружения, однако этому отношению не соответствуют никакие *специфические* переживания со стороны того, кто сам состоит в *мы-отношении*. Ведь он постигает *Мы* одним нераздельным актом как нечто уникальное и неповторимое в полноте его конкретизаций.

Однако эти открытые переживанию и пережитые *конкретизации* актуального *мы-отношения* обладают отнюдь не одинаковой непосредственностью переживания: они с различной *интенсивностью* модифицируют нашу *attention à la vie*, они варьируются в своей *степени интимности*, они предоставляют нашей *перспективе восприятия* большее или меньшее открытое пространство. Соответственно, направленный в них на *Ты* интенциональный акт может быть нацелен прямо в *центр* чужого переживания или же более или менее *периферийно*, на внешние проявления данного чужого переживания.

Все эти различия существуют совершенно независимо от того, идет ли речь об отношении установки или воздействия. Во всех вариациях ступеней конкретизации и актуализации я живу и переживаю тебя в *Мы* и через посредство *Мы* — как самость, и причем как направленную на меня самость, правда, *в совершенно различной близости переживания*. Уясним себе это обстоятельство на примере двух ступеней конкретизации социального отношения в ближайшем окружении, а именно — самоданности *Ты* в половом акте и беседе. Дело не только в том, что я переживаю *Мы* в обоих случаях в разных глубинных пластах *моего* сознания, и не только в том, что моя самость становится центром этих переживаний в сферах различной интимности, но и в том, что я и *тебя* переживаю в обоих случаях как чужую самость в различных глубинных пластах этой *твоей* самости. Употребленный прежде термин «близость переживания» относится как к моему переживанию взаимной обращенности друг на друга, так и к твоему переживанию, к которому я *обращен*. Поэтому *степени различной близости переживания являются предикатами самого мы-отношения*, или же

отношения установки и воздействия в ближайшем окружении, в которых *мы-отношение* всегда конкретизируется.

То же касается и *способов актуализации* на соответствующих ступенях конкретизации. Я могу вести беседу с тобой «заинтересованно» или «безучастно», «напряженно» или «расслабленно», «внимательно» или «рассеянно», в этой беседе мы можем «скользить по поверхности» или «выражать самое сокровенное».

Обрисованная проблема близости переживания будет иметь большое значение при переходе отношения из ближайшего окружения в более широкое окружение, которое нам предстоит изучить позднее²¹⁴. Прежде же необходимо охарактеризовать присущие каждому *социальному отношению ближайшего окружения* *сущностные признаки* в их описательной универсальности. Будем исходить из того, что в социальном отношении ближайшего окружения *alter ego* задано *его* в телесном воплощении, т.е. в максимальной *полноте симптомов*. *Ego* задан, например, не только знак, поданный *alter ego*, в его денотативном и выразительном значении и производных значениях, но и множество других симптомов, таких как интонация, мимика, «манера выражения» и др. Поскольку каждому мгновению *его* длительности соответствует мгновение длительности *alter ego*, на которое он может бросить свой взгляд, *Я* в несоизмеримо большем объеме получает возможность доступа к переживаниям сознания *Ты*, чем к своим собственным. *Я* «знает» все свое прошлое, поскольку оно вообще может быть феноменально уловлено четко очерченными переживаниями. Но ему никогда не «дано» оно само в телесной явленности и интенсивности *Сейчас* и *Так*, и это потому, что оно телесно *живет в* интенсивности своих *Сейчас* и *Так* и может обратиться лишь к своим завершившимся переживаниям, ретроспективно. Зато *Ты* ближайшего окружения телесно явлено *Я* в интенсивности своих *Сейчас* и *Так*, даже если ему ничего не известно о прошлом *Ты*.

Теперь *Я* прибавляет к этому принадлежащему ближайшему окружению опыту *Ты* *все свои предварительные знания относительно Ты вообще*, а также относительно данного *особого Ты*, с которым оно имеет дело. Эти запасенные в опыте данные о *Ты* включают также опыт его интерпретативных схем и интерпретативных навыков, знаковых систем, которыми оно пользуется, безусловно данных ему мотивов-для и мотивов-потому-что как *подобного мне вообще* и как *данного особого моего ближнего*, с которым я имею дело сейчас, здесь и так. В социальном отношении ближайшего окружения *Я обогащается*

за счет интенсивности знания о Сейчас и Так данного Ты с той же интенсивностью в каждое Сейчас *новыми интерпретативными схемами Ты*: его запас опыта относительно Ты *прирастает* в каждое мгновение Мы, а также *меняется* в ходе постоянной корректировки. Ведь в социальном отношении ближайшего окружения не существует единичного интенционально соотношенного с Ты акта в изолированном виде, скорее, подобное отношение конституируется лишь *в последовательном ряду таких актов*, причем отношение установки — в ряду актов установки на Чужого, а отношение воздействия — в ряду актов полагания и толкования смысла. Все эти акты опытного познания Ты находятся для Я в некоторых смысловых контекстах, причем одновременно в различных. Во-первых, в смысловом контексте опыта относительно *Ты вообще*, затем в смысловом контексте опыта относительно данного *особого Ты*, и, наконец, в смысловом контексте опыта относительно *данного Ты сейчас, здесь и так*. Данные смысловые контексты являются «субъективными» постольку, поскольку я бросаю монотетический взгляд не только на выстраиваемые фазы *моих* переживаний, но и на выстраиваемые фазы *твоих переживаний сознания*. Кроме того, у меня есть очевидное свидетельство того, что ты обращаешь свой взгляд на мои процессы сознания точно так же, как и я на твои, что, следовательно, все, что я говорю, делаю, замышляю, причем замышляю с прицелом на тебя, оказывается *для тебя* не только в некотором объективном смысловом контексте, но также и *в субъективном смысловом контексте*, как сказанное *мною*, сделанное *мною*, замышляемое *мною*. А в свою очередь, это знание о том, что ты соотносишь свои переживания относительно меня с моими переживаниями относительно тебя, является составляющей частью смыслового контекста моего опыта относительно тебя сейчас, здесь и так. Однако поскольку это знание входит в мой опыт относительно тебя, оно определяет мои замыслы и мою деятельность, как и смысловой контекст, в котором то и другое находится для меня. Но я знаю также, что тебе известно об этих изменениях моего смыслового контекста, что и для тебя эти изменения образуют смысловые контексты, и также учитываю это в своей ориентации и т.д. Это сцепление взаимно поддерживающих друг друга взглядов на сознание Ты, словно взгляд в покрытое тысячами граней зеркало, возвращающее мне образ моего Я, и представляет собой первое условие конституирования социального отношения в ближайшем окружении. А поскольку чистое мы-отношение, на

которое опирается всякий опыт Ты в ближайшем окружении, в социальных отношениях ближайшего окружения не *подвергается рефлексии*, а *просто* переживается, то все эти множественные отражения воспринимаются не по отдельности, а как единство. *В таком единстве Я в состоянии одновременно взирать на пофазовое построение переживаний своего собственного сознания и на пофазовые процессы в сознании Ты и переживать обе последовательности событий как одну, как общее Мы*.

Это обстоятельство обладает особым значением для ситуации ближайшего окружения. В «сопереживании» чужого замысла и чужих реализаций актов деятельности Я, находясь в социальном отношении в ближайшем окружении, оказывается также в состоянии *приобщиться к опыту всех успехов и неудач осуществления чужого замысла в ходе чужой деятельности*. Когда я *выхожу за пределы мы-отношения*, я получаю возможность *оценить путем вынесения суждения объективные шансы осуществления чужого замысла*, но когда я *живу в социальных отношениях ближайшего окружения*, я могу *сопереживать* реализацию этого шанса в чужой деятельности.

Существенным для социального отношения ближайшего окружения является также то обстоятельство, что среда Я и среда Ты одна и та же. Я изначально приписывает Ты ту же среду²¹⁵, что и среда, в которой оно само находится²¹⁶. В этом случае, в социальных отношениях ближайшего окружения, однако только в этом случае, это допущение оказывается верным постольку, поскольку в ближайшем окружении я с несравнимо более высокой уверенностью могу предположить, что видимый мной стол тождествен столу, который видишь ты (причем тождествен во всех модификационных вариациях), чем это возможно применительно к некоторому Ты более широкого окружения или тем более мира предшественников. Поэтому я могу, находясь в социальном отношении ближайшего окружения, *указать* на принадлежащую общей среде вещь как на «это вот», «этот вот стол» и *проконтролировать адекватность моей интерпретативной схемы твоей схеме выражения на этой идентификации переживаний входящего в общую среду объекта*. Для практической социальной жизни чрезвычайно важное значение имеет именно то, что я считаю себя в праве приравнять самоистолкование моего переживания к соответствующему самоистолкованию твоего переживания, по крайней мере, если предметом этого переживания является *один и тот же объект ближайшего окружения*.

Среда Я и среда Ты, т.е. наша среда, является единой и общей. Мир Мы — это не твой или мой частный мир, это наш мир, общий нам интересубъективный мир, заданный нам изначально. Лишь исходя из этого, из социального отношения ближайшего окружения, из общего переживания мира в Мы, может быть конституирован интересубъективный мир, именно отсюда происходит его исконное и неотъемлемое право²¹⁷.

Следствием заключенной в мы-отношении общности среды является то, что я постоянно способен *верифицировать результаты моей интерпретации чужих переживаний сознания. В социальном отношении ближайшего окружения, но только в нем, существует принципиальная возможность задать Ты вопрос.* Однако вопрос этот может касаться не только интерпретативных схем, которые он прилагает к общему окружению, но и самоистолкования его переживаний, а тем самым корректировать контекст моего опыта относительно Ты, постоянно расширяя и обогащая его. Ведь мой опыт, говорящий о том, что мое толкование твоих переживаний согласуется с твоим самоистолкованием или расходится с ним, на более высоком уровне вновь входит в сферу Мы и опять-таки расширяет мои объективные опытные контексты относительно Ты вообще и относительно данного особого Ты.

Констатируя, что я и ты находимся в социальном отношении ближайшего окружения, я высказываюсь также и об *особых модификациях внимания*, в которых я и ты обращены к Сейчас и Так собственного сознания. Тем самым я утверждаю, что и для меня, и для тебя *наша attention à la vie модифицируется взаимным соотношением.* Ведь социальное отношение имеет место только в том случае, если Ты ближайшего окружения каким бы то ни было образом обращает на меня свой взгляд. Однако в таком случае все мои и все твои обращения к собственным переживаниям и собственному опыту претерпевают под воздействием ситуации ближайшего окружения определенные модификации внимания. Эта специфическая модификация внимания, в которой каждый из участников социального отношения в ближайшем окружении обращен к другому, приобретает особую значимость для *отношения воздействия в ближайшем окружении. Во всяком отношении воздействия действующий молчаливо предполагает наличие у партнера некоторого количества подлинных мотивов-потому-что или же мотивов-для в качестве данной константы*, и происходит это на основании его опыта относительно поведения данного особого

Ты, на которое направлено его воздействие, а также поведения некоторого Ты вообще. На эти предполагаемые в качестве безусловно данных постоянные мотивы он и ориентирует в первую очередь свое поведение, независимо от того, действительно ли эти предполагаемые мотивы образуют мотивирующие смысловые контексты в процессах сознания партнера. И вот с этого момента проявляется своеобразие отношения воздействия в ближайшем окружении. Оно заключается не столько в специфической структуре самого обоюдного мотивационного контекста, сколько в специфической *раскрытости* чужих мотивов. В отношении воздействия ближайшего окружения вовлеченное в замысел собственной деятельности поведение alter ego также существует только в воображении. Это всего лишь *ожидаемая* чужая деятельность, сопровождаемая пустыми и неисполненными ожиданиями, а действительное поведение Другого соотносится с ожидаемым мной в модусе осуществления или неосуществления. Однако в силу особых модификаций внимания, которые мои обращения к партнеру претерпевают в мы-отношении так же, как и его обращения ко мне, я *переживаю* в социальном отношении ближайшего окружения *конституирование контекстной связи мотива в чужом сознании и в состоянии держать его в своем поле зрения.* Я включаю твои переживания сознания, на которые устремлен в соответствующую Сейчас и Так мой взгляд, в контекст-для, определяемый твоими будущими (ожидаемыми в модусе неопределенного предвосхищения) переживаниями, либо в подлинный контекст-потому-что, включающий твои прошедшие (относящиеся к прежнему опыту) переживания. На эти твои мотивационные контексты я и «ориентирую» свою деятельность, так же как и ты «ориентируешь» свою деятельность на мои мотивационные контексты; однако это «*ориентирование*» происходит в ближайшем окружении в специфическом модусе «*со-переживания*». Находясь в отношении воздействия ближайшего окружения, я *переживаю вместе с тобой*, как ты реагируешь на мое поведение, как ты толкуешь полагаемый мной смысл, как мои мотивы-для вызывают соответствующие мотивы-потому-что твоего поведения. Между моим проектом чужого поведения в будущем и действительным поведением Другого, в результате которого порожденный моим воображением проект оказывается реализованным или не реализованным, происходит мое старение, я накапливаю новые переживания и новый опыт относительно alter ego, мой взгляд с необходимостью направлен-

ный на фактически происшедшее, делает это в иных модификациях внимания, нежели направленный только на воображаемое. Однако в социальном отношении ближайшего окружения старение относилось не только ко мне, мы старели вместе, и я бросаю взгляд не только на свою воображаемую картину твоей ожидаемой деятельности, но и на конституирование данной твоей деятельности в твоём замысле, а также и на саму твою деятельность, как она протекает «перед моим взором», и на твою задуманную деятельность, т.е. на действие, которым и мое воображение, и твой замысел будут исполнены или не исполнены. В течение всего этого процесса я так же, как и ты, взираю на твою и мою длительность в синхронном протекании: я живу вместе с тобой в содержательно-наполненном Мы, не испытывая необходимости подвергать это рефлексии. В едином нераздельном потоке моя длительность включает замысел твоей деятельности и его реальное выполнение в ходе твоего действия как нечто единое. Этот отрезок моей длительности последовательно наполнен переживаниями относительно тебя, которые я отмечаю в модусе Мы, и то же самое ты можешь сказать о себе и своей длительности в отношении меня, и это обстоятельство также находится в поле моего зрения и известно мне.

§ 35. Наблюдение в ближайшем окружении

До сих пор мы исследовали социальное отношение ближайшего окружения, чтобы изучить существенные свойства ситуации ближайшего окружения на примере ее самой чистой формы. Этот анализ нуждается в дополнении, поскольку он ничего не дает для понимания той своеобразной установки его в отношении alter ego в условиях ближайшего окружения, когда ego хотя и обращено к alter ego в установке на Чужого, однако с уверенностью, что эта установка на Чужого является односторонней. Из всех возможных установок на Чужого подобного рода нас в данном случае интересует в первую очередь прежде всего установка наблюдателя чужого поведения в ближайшем окружении. Лишь ее разбор позволит нам в ходе дальнейшего продвижения исследования получить необходимые разъяснения относительно особого способа, которым социальная наука получает опытное знание социального мира. Как происходит интерпретация чужого поведения вообще, мы уже в принци-

пе рассмотрели в третьей части нашего исследования. В данном же случае речь идет о том, чтобы изучить ту особую установку на Ты, которая характеризует отношение наблюдателя к наблюдаемому в ближайшем окружении, либо выявить отклонения, которые обнаруживают его интерпретативные схемы в сравнении с теми, которые используются в социальных отношениях ближайшего окружения.

В социальном *отношении* ближайшего окружения установка на Ты является *обоюдной*, при *наблюдении* чужого поведения в ближайшем окружении эта установка оказывается всего лишь *односторонней*. Если исходить из того, что «поведение» наблюдателя в ближайшем, непосредственном окружении «ориентировано» на поведение наблюдаемого, то наблюдаемый ничего не «знает» о том, что за ним наблюдают, либо «это его не заботит». Тогда спрашивается, каким образом наблюдатель оказывается в состоянии постичь переживания сознания наблюдаемого в их пофазовом построении. Для наблюдателя тело наблюдаемого также является непосредственным полем выражения. Глядя на него, он может толковать подмеченное как симптомы процессов сознания наблюдаемого. И тогда он направляет взгляд на замеченные им явления (телодвижения наблюдаемого, производимые им порождения, например знаки, и т.д.) как на свидетельства переживаний сознания наблюдаемого. Он обращает внимание не на объективный, а на субъективный контекст уловленных им симптомов. Находящийся в непосредственном окружении наблюдатель способен одним-единственным, нерасчлененным взглядом охватить и создание порождений, и конституирование чужих переживаний сознания, свидетельством которых эти порождения являются, поскольку переживания чужого сознания выстраиваются перед ним в чужой длительности, протекающей синхронно с его собственной, в которой конституируются объективные смысловые контексты порожденного.

Подобно состоящему в социальном отношении, наблюдателю в ближайшем окружении alter ego задано в телесном воплощении, т.е. во всей полноте симптоматики. Всякое опытное познание alter ego в любой момент его длительности обогащает состав его знания о Ты. Среда наблюдающего ego конгруэнтна среде наблюдаемого Ты, и существует определенный шанс, что переживания наблюдаемого относительно его среды совпадают с переживаниями наблюдателя относительно той же самой среды. *Однако этот шанс* — в отличие от того, что име-

ет место в социальном отношении ближайшего окружения, — *принципиально не трансформируем в несомненность*. Тогда как в социальном отношении ближайшего окружения я в любое время могу непосредственным указанием на предмет общего внешнего мира проверить идентичность моих переживаний с чужими, в осуществляемом в условиях ближайшего окружения наблюдении как таковом — вне социальных отношений — *верификация моей интерпретации чужих переживаний соотносением с самоистолкованием наблюдаемого не осуществима*, разве что я сменю свою роль наблюдателя на роль партнера, находящегося в некотором отношении с наблюдаемым. *Для наблюдателя — как наблюдателя — Ты принципиально не может быть выпрошено*. С другой стороны, наблюдение в ближайшем окружении, в отличие от наблюдения за более широким окружением или за миром предшественников, может быть регулярно и непосредственно переведено в отношение ближайшего окружения, в рамках которого уже можно обратиться к Ты с вопросом, благодаря чему результат интерпретации чужого переживания становится верифицируемым.

Поскольку установка на Ты, в которой наблюдатель обращен к наблюдаемому, является односторонней, то *субъективному смысловому контексту, в котором переживания наблюдаемого находятся для наблюдателя, не соответствует никакой субъективный смысловой контекст со стороны наблюдаемого, в котором для него находились бы переживания наблюдателя*. Поэтому в данном случае не возникает многократной рефлексии и многократных отражений, в которых в условиях социального отношения ближайшего окружения собственные содержательные элементы сознания интерпретируются как содержательные элементы сознания партнера. Поведение наблюдаемого никак не ориентировано на поведение наблюдателя, оно совершенно независимо от него. Состоящий в социальном отношении ближайшего окружения ощущает вероятность или уверенность, что поведение партнера ориентировано на его поведение, что существуют специфические модификации внимания, которые сказываются на переживаниях сознания партнера. Он может сравнивать эти модификации с собственными модификациями внимания, в которых он, действуя в условиях социального отношения ближайшего окружения, обращен к своему партнеру. *У наблюдателя нет доступа к модификациям внимания чужого сознания*, по крайней мере он не может получить о них никакого представления, обращая взгляд на собственное сознание. *Он также не способен «ока-*

зывать влияние», воздействуя на поведение наблюдаемого, не может он и в своем воображении проектировать собственные мотивы-для как мотивы-потому-что Другого. Наблюдатель не в состоянии сделать из действительного поведения Другого какой-либо вывод об отношении исполнения или неисполнения, в котором деятельность Другого находится к его замыслу. Более того, в пограничных случаях (например, при наблюдении «жеста») он даже может оказаться в сомнении относительно того, существовал ли со стороны Другого вообще какой-либо замысел, т.е. идет ли речь о деятельности Другого или же просто о его поведении. Наблюдатель, собирающийся интерпретировать мотивы наблюдаемого, получает к ним лишь опосредованный доступ.

1. Он может найти в собственном опыте путем воспроизведения однотипной наблюдаемой, ранее выполнявшейся им деятельности надежное практическое правило касательно отношения мотивов-для и мотивов-потому-что подобной деятельности: в таком случае он принимает как данность, что это правило его опыта также является правилом опыта Ты, и интерпретирует чужую деятельность так, как он интерпретировал бы собственную однотипную деятельность, если бы он принялся за выполнение данного действия сейчас, здесь и так. Эта подстановка собственных гипотетических мотивов на место реальных мотивов Другого может осуществляться разом или путем пошаговой реконструкции²¹⁸.

2. Если наблюдатель не находит в своем опыте подходящего правила для деятельности такого типа, а потому не может приписать свои гипотетические мотивы наблюдаемому в качестве реальных мотивов, то он все же может иногда вывести мотивы-для и мотивы-потому-что наблюдаемого из своего прежнего опыта относительно особого Ты данного Другого. Скажем, некий «марсианин», побывав в аудитории, зале судебных заседаний и церкви, обнаружил бы во всех трех помещениях внешне примерно одну и ту же ситуацию. Если бы он попытался истолковать деятельность наблюдаемых, он не смог бы ничего сказать об их мотивах-для и мотивах-потому-что. Если же наблюдатель из предшествующего опыта относительно наблюдаемого Ты знает, что в одном случае занимается своим делом преподаватель, в другом — судья, а в третьем — священник, то он может вывести их мотивы из прежнего опыта относительно наблюдаемого.

3. Если же наблюдатель не располагает никаким или располагает лишь недостаточным опытом относительно наблюдае-

мого Ты, то для выявления его мотивов-для остается только логический вывод: заключение о мотиве-для данной деятельности исходя из реального эффекта действия²¹⁹. В некотором роде ему придется истолковать всю последовательность событий словно метафору «effectum pro efficiente».

Только что развернутым типам мотивационного понимания присуща совершенно различная степень вероятности. Чем дальше интерпретация вынуждена отходить от живой связи Мы, тем больше сомнений возникает относительно того, действительно ли безусловно предполагаемое в действительности имеет место. Так, например, знания того, что наблюдаемый – священник, еще недостаточно для того, чтобы полагать, будто в любом случае, когда он обращается к собравшимся с возвышенного места, он читает проповедь. Еще более сомнительным является заключение относительно содержащегося в замысле некоторой деятельности мотива-для исходя из реально совершенного действия, поскольку совершенное действие может соотноситься с замыслом в модусе неосуществленности.

Иначе обстоит дело с подлинным мотивом-потому-что. Он и в социальном отношении ближайшего окружения постижим лишь в том случае, если исходя из завершеного мотивированного действия modo plusquamperfecti бросается ретроспективный взгляд на происходившие до того мотивирующие переживания Другого. Этот способ интерпретации не меняется при переходе от социального отношения в ближайшем окружении к наблюдению в ближайшем окружении, разве что переживания наблюдаемого даны наблюдателю не в той же полноте симптоматики, как партнеру по социальному отношению.

Более сложно, однако в принципе тем же образом проходит наблюдение социального отношения в ближайшем окружении. И в этом случае все решает опыт наблюдателя относительно социальных отношений вообще, затем относительно данного частного, здесь, именно сейчас и так наблюдаемого социального отношения, а также относительно партнеров данного социального отношения. Однако интерпретативные схемы наблюдателя социального отношения никоим образом не совпадают с интерпретативными схемами одного из партнеров, состоящих в отношении, уже хотя бы потому, что модификации внимания наблюдателя принципиально иные, чем у партнеров социального отношения. Кроме того, наблюдателю доступны процессы сознания обоих партнеров по социальному отношению одновременно, в их Сейчас и Так, тогда как состоящему в со-

циальном отношении подобным образом даны лишь процессы сознания его партнера. В случае благоприятного стечения обстоятельств, т.е. если наблюдатель знаком с одним из участников социального отношения лучше, чем его партнер, наблюдатель может быть более осведомлен о его интерпретативных схемах, чем состоящий с ним в социальном отношении. Так, например, не участвующий в дискуссии слушатель в состоянии понять, что ее участники говорят словно на разных языках, чего сами участники могут и не замечать. Зато наблюдатель и в этом случае лишен возможности преобразовать мотивы-для одного из участников социального отношения в подлинные мотивы-потому-что другого участника, если только эти мотивы-для не представлены в эксплицитном виде.

Все только что сказанное относительно наблюдения социальных отношений верно при условии, что схема выражения состоящих в социальном отношении доступна наблюдателю как интерпретативная схема. Если это не так, то наблюдатель может восполнить недостающие элементы своей интерпретативной схемы за счет своего опыта способом, аналогичным выявлению чужих мотивов-для и потому не требующим подробного рассмотрения.

D. Более широкое социальное окружение и идеальный тип

§ 36. Переход к проблеме более широкого социального окружения. Непрерывные социальные отношения

Мы обсудили различные ступени конкретизации мы-отношения в условиях ближайшего социального окружения и отметили при этом, что самоданность Ты в ближайшем социальном окружении может быть различной по интимности, интенсивности и близости переживания. Мы говорили о том, что близость переживания является непосредственным предикатом самого мы-отношения; ведь я не только переживаю замеченное в самоданности ближайшей ситуации Ты в разных периферийных или центральных пластах *моей* самости, но и, переживая находящееся в ближайшем окружении alter ego, постигаю различные глубинные пласты *чужой* самости. Каждая переживаемая ситуация ближайшего окружения сущностно связана с определенной ступенью конкретизации и актуализации, какой бы

периферийной она ни была и какой бы слабой ни оказывалась степень близости в ходе переживания. Я обращен в свойственной ближайшему окружению установке на Ты и к моему соседу в трамвае, и к «господину за соседним столом». В то же время «чистая» установка на Ты и «чистое» мы-отношение — не более чем предельные понятия простой заданности телесного alter ego в пространственной и временной непосредности, не включающих никаких дальнейших содержательных параметров соответствующей ступени актуализации и конкретизации. Они *по сути своей* не могут быть пережиты и остаются чистым продуктом абстракции в ходе теоретического созерцания. *Однако они могут быть истолкованы, с другой стороны, и как идеальные пограничные случаи наиболее дальнего в смысле переживания, самого периферийного восприятия появляющейся в ближайшем окружении чужой самости.*

Обнаруженное *в пределах ближайшего окружения* напластование установок более или менее *периферийных* в смысле близости переживания в некотором роде находит продолжение за пределами ближайшего окружения, *по ту сторону телесности и пространственной непосредности*, в ситуации более широкого окружения. Примыкающие к ближайшему окружению промежуточные ступени характеризуются *ослаблением интенсивности симптоматики*, а также *сужением перспектив восприятия*, в которых мне дано Ты. Глядя друг другу в глаза и пожимая друг другу руку, мы прощаемся с другом. И он удаляется. Вот его еще можно расслышать, и он что-то кричит мне. И хотя он все более удаляется, я еще вижу, как он машет мне рукой. Но вот он совсем исчез. Невозможно точно указать, на какой фазе ситуация ближайшего окружения переходит в ситуацию более широкого окружения. Еще один пример. Если мы предположим замену разговора с глазу на глаз разговором по телефону, письменной корреспонденцией, записками, передаваемыми третьим лицом, и т.д., то и в этом случае можно проследить постепенный, шаг за шагом переход от чистой ситуации ближайшего окружения к ситуации более широкого окружения. В обоих случаях интенсивность симптоматики, в которой Ты ближайшего окружения раскрывается перспективам моего восприятия, последовательно ослабевает, при этом лишь отдельные группы симптомов сохраняют свою телесность. Мы можем говорить о многообразных вариациях и трансформациях ситуации ближайшего окружения, одной из которых является более широкое окружение, из чего следует, что ближайшее окруже-

ние и более широкое окружение представляют собой не взаимоисключающие противоположности, а лишь различные полюса.

Задачей морфологии социального мира является изучение переходных модификаций ближайшего социального окружения на предмет их специфического смыслового содержания. Исследование контактных ситуаций, в особенности таких, через которые более широкое окружение смыкается с ближайшим, а также «схождений и расхождений» в человеческом поведении, короче говоря, вся обрисованная Визе «теория отношений», приобретает в рамках данной проблематики свое особое место как морфология социального мира; значительная заслуга Визе и позднее Зандерса²²⁰ состоит в том, что они выявили эту проблему и внесли ценный вклад в ее разрешение.

Настоящие изыскания не предполагают своей целью раскрытие проблем подобной морфологии социального мира во всей их широте, тем более речь не идет об их разрешении. Однако нам все же придется, прежде чем мы перейдем к описанию ситуации более широкого окружения, до некоторой степени уяснить себе, каким образом она конституируется исходя из ситуации ближайшего окружения.

В практике повседневной жизни проблематика перехода ситуации ближайшего окружения в ситуацию более широкого окружения, как правило, остается для нас незаметной, поскольку наше собственное поведение и поведение других включено для нас в большие, трансцендирующие Сейчас и Так смысловые контексты, и поэтому вопрос, относится ли переживаемое или наблюдаемое социальное отношение к ближайшему или более широкому окружению, обычно перед нами не встает. Более глубокие причины этого заключаются в том, что ситуация ближайшего окружения, даже если она ушла в прошлое и может переживаться лишь по памяти, сохраняет, тем не менее, все свои конститутивные признаки, только с прибавлением характера прошлого времени. Обычно мы совсем не сознаем, что некое Ты, данное нам в прошлом в телесном воплощении, чье Так-бытие мы воспринимали в самоданности и к которому мы были обращены с любовью, ненавистью или размышлением, теперь, когда оно уже не предстоит нам телесно, открывается нам уже в другой перспективе восприятия. Ведь совсем не так просто понять, больше того, это кажется чрезвычайно абсурдным, что то самое Ты, которое мы любили, когда оно находилось в нашем ближайшем окружении, и которое мы все еще любим, хотя его уже нет в нашем ближай-

шем окружении, стало «другим», или же что наша установка по отношению к этому Ты или наш опыт относительно него изменились, хотя бы в том, что закончившиеся переживания находящегося в ближайшем окружении Ты, к которым мы обращаемся ретроспективно, теперь уже наделены временным характером прошлого. Тем не менее, следует строго различать *воспроизведение ситуации ближайшего окружения*, все еще сохраняющей все признаки и существенные свойства принадлежности к *ближайшему окружению*, даже если она уже отошла в прошлое, и *акты сознания, интенционально направленные на alter ego более широкого окружения*. Когда я состоял с Ты в мы-отношении ближайшего окружения и в живой интенциональности отражений рефлексии переживал это самое Ты в его Так-бытии, когда я мог синхронно взирать на конституирующееся построение его переживаний, тогда оно было дано мне в своей телесности и непосредственности, полнота его *симптомов* была открыта для моих толкований и мой опыт данного Ты изменялся в ходе постоянных корректировок и пополнений. В силу особых модификаций моего внимания, обращенного к нему, в силу моей жизни в чистом Мы возникала та непрерывность мы-отношения, на ступенях конкретизации и актуализации которой я и обитал. Поток Мы представлял собой непрерывный процесс с многообразными постоянно изменяющимися содержательными характеристиками. Он был равен моей и твоей длительности, он был нашей длительности, по отношению к которой моя длительность является всего лишь частью. Однако все это было лишь до тех пор, пока я жил *в его пределах*, пока alter ego было задано мне в *ближайшем окружении*. Теперь же ты, *мой ближний*, стал *мне подобным*. Я более «обладаю» не твоим сиюминутным Так, а лишь тем, которое только что было; ты хотя и синхронен со мной в своих Сейчас и Так, *однако я более ничего не знаю о твоём новом Так*. С того момента, как ты покинул чистое Мы моего ближайшего окружения, ты постарел, прошел через новые переживания с новыми модификациями внимания, стал другим с каждым новым прибавлением опыта, с каждой новой синтетической операцией, с каждым изменением направленности интереса. Однако в практике повседневной жизни я оставляю все это без внимания. Твой знакомый мне образ остается все тем же. Опыт, полученный мной относительно тебя, моего ближнего, в ситуации ближайшего окружения, остается для меня неизменным, пока не появятся какие-либо особые новые опытные данные

относительно тебя, мне подобного, которые войдут с имеющимся опытом в противоречие и не сделают проблематичным то, что предполагалось как нечто само собой разумеющееся. Когда же это происходит, я смотрю на тебя как на мне подобного в более широком социальном окружении, правда, на такого мне подобного, относительно которого я располагаю — в силу предшествовавшего мы-отношения в ближайшем окружении, в котором мы переживали друг друга как самость, — специфическим и особым опытом, более богатым и интенсивным опытом, нежели относительно других персонажей более широкого окружения.

Примером этого могут служить те виды социальных отношений, при которых, согласно Веберу²²¹, «существует шанс непрерывного возвращения к адекватному смыслу (т.е. считающегося таковым и потому ожидаемого) поведения». Мы обычно понимаем брак или дружбу как социальное отношение ближайшего окружения, причем отношение, отличающееся особой близостью переживаний. Это связано с тем, что мы и в этом случае обычно произвольно вырываем фактическое протекание действия или ряда действий из общего потока и считаем единством, несмотря на то, действительно ли это единство соответствует своему подразумеваемому смыслу, т.е. в замыслах действующих воспринималось монотетически.

А ведь брак или дружба складываются из многообразных, разбросанных во времени ситуаций, которые в соответствии с предложенным нами ранее строгим разделением понятий частью относятся к социальным отношениям ближайшего окружения, частью — к социальным отношениям более широкого окружения. Обозначение подобных социальных отношений как «непрерывных» является, таким образом, в высшей степени неуместным, ибо как раз их прерывистость и повторяемость следует считать критерием подобных «возобновляемых» отношений. Однако если мы рассмотрим, что имеют в виду участники подобного социального отношения, например два друга, когда говорят о своей дружбе, то обнаружим, что следует различать следующие обстоятельства.

1. А, говорящий о своей дружбе с В, обращает свою мысль ретроспективно к серии социальных контактов, пережитых им с В в мы-отношении. Мы говорим о серии социальных контактов, поскольку А при этом обнаруживает в промежутках между отдельными переживаниями ситуаций, общих с В, в ближайшем окружении, отрезки потока своей длительности, в

которых он жил «одиоко», т.е. либо вообще вне мы-отношения, либо в мы-отношении с другими ближними, с С, D, или N.

2. Когда А говорит о своей дружбе с В, он также имеет в виду, что его поведение вообще или его особое поведение и за пределами ситуаций ближайшего окружения ориентируется на простое существование В, на его наличное бытие или Так-бытие, или же на ожидаемое особое поведение В. В таком случае он связан с В установкой на Чужого, характерной для более широкого окружения, или даже социальным отношением, характерным для более широкого окружения, — отношением, которое может быть и отношением установки, и отношением воздействия²²². Например, А может осуществить некоторое действие ради В, ожидая, что В одобрит это действие и обнаружит по отношению к А определенное поведение, как только об этом узнает. Эти социальные отношения более широкого окружения, вклинивающиеся в прерывистые отношения ближайшего окружения, отличаются тем, что действующий не со-переживает, как это происходит в чистых социальных отношениях ближайшего окружения, акты-реакции партнера в ходе их выстраивания, а лишь ожидает, что Другой займет по отношению к нему соответствующую установку. Действующие участники социального отношения *в ближайшем окружении*, как мы будем именовать это терминологически, *настроены* друг на друга. В то же время, действующий в условиях социального отношения *более широкого окружения* ожидает простой *соотнесенности* деятельности обеих сторон. Однако это ожидание является изначально всего лишь односторонним, это работа воображения относительно чужой деятельности, и исполнение или неисполнение воображаемого отмечается задним числом в особом акте действующего. Таким образом, при социальной деятельности, проходящей в условиях более широкого окружения, взаимная соотнесенность существует лишь в воображении действующих лиц, тогда как взаимная настроенность при социальном отношении в ближайшем окружении самочинно познается на опыте каждым из обоих партнеров как раз в силу того, что он живет в мы-отношении. Разумеется, и в этом случае имеется масса переходных состояний. Когда я «думаю о» моем друге и веду с ним «внутренний диалог», когда я, собираясь предпринять нечто, спрашиваю себя, «что бы сказал на это мой друг», когда я делаю что-либо «ради него» или «для него», то эти три случая обозначают лишь три разные степени социального отношения более широкого окружения, именуемого: «моя дружба с В».

3. Когда А говорит о своей дружбе с В, то он имеет при этом также в виду, что восстановление социального отношения в ближайшем окружении может произойти (технические препятствия мы оставляем при этом в стороне) в любое время, при этом он рассчитывает, что его друг будет также в любое время готов к возобновлению переживаний, проведенных прежде в условиях общего Мы. При этом осуществляется процесс, схожий с тем, какой нам уже известен по совершенно другой сфере, сфере вынесения суждения. Анализируя «знание», мы показали, что оно складывается из суммы конституированных предметностей суждения, запас которых в любой момент может быть путем свободного воспроизведения переведен в область репродуцирующей активности. Когда А говорит о своей дружбе с В, он также извлекает из своих запасов некоторые переживания как прошедшие и завершившиеся. Однако он рассчитывает на то, что эти завершившиеся переживания Мы, данные ему в модусе воспоминания, могут быть переведены во взаимное воспроизводящее Мы ближайшего окружения. Разумеется, дело при этом не в частных переживаниях, испытанных нами в нашем общем Мы, а в переживании самого Мы ближайшего окружения, которое в этом своем качестве поддается воспроизведению (скажем, при следующей встрече).

Предыдущие рассуждения были посвящены переходу ситуации ближайшего окружения в ситуацию более широкого окружения. Однако мы тем самым очертили лишь пограничную область, находящуюся в совместном владении ближайшего и более широкого окружения. Чем больше мы будем приближаться к области собственно более широкого окружения, тем больше будет нарастать дистанцированность переживания Ты и степень его анонимности. Эта область более широкого социального окружения обнаруживает множество градаций: мое бывшее ближайшее окружение, ставшее теперь моим более широким окружением и могущее снова стать моим ближайшим окружением (мой друг А, с которым я на время расстался); бывшее ближайшее окружение моего ближайшего окружения, т.е. твое бывшее ближайшее окружение, которое может стать для меня (и для тебя *вновь*) ближайшим окружением (твой друг N, с которым я не знаком); мое более широкое окружение, которое в ближайшее время должно стать моим ближайшим окружением и относительно которого у меня уже есть опыт, входящий в область более широкого окружения (профессор X, книги которого мне известны и с которым я теперь должен

познакомиться лично); мое более широкое окружение, о существовании которого мне известно, однако, лишь как координате типичных функциональных действий (почтовые служащие, которым предстоит доставить отправленное мной письмо); социальные коллективы моего более широкого окружения, о функциях и возможной организации которых мне кое-что известно, однако при этом отдельные индивиды, составляющие эти коллективы, все же остаются анонимными, хотя я и мог бы в принципе получить также некоторый опыт ближайшего окружения относительно них (немецкий Рейхстаг); по сути своей анонимные социальные коллективы, относительно которых я в принципе не могу получить никакого опыта ближайшего окружения (государство, нация); объективные смысловые контексты как смыслополагающие акты моего более широкого окружения, по сути своей протекающие анонимно («нормы торгового права», «грамматика французского языка»); наконец, артефакты, т.е. орудия в самом широком смысле, отсылающие в качестве свидетельств к субъективному смысловому контексту некоего неизвестного, их породившего, — все это примеры нарастающей анонимности более широкого окружения и постепенно происходящего перехода от близости переживания к абсолютной чуждости переживания.

Теперь нам предстоит исследовать своеобразный способ постижения более широкого окружения и особое конституирование переживаний подобного нам, находящегося в нашем более широком окружении.

§ 37. Alter ego в более широком окружении как идеальный тип.

Я-отношение

Сущность ситуации более широкого окружения заключается в том, что некое alter ego хотя и не дано мне в его телесности, т.е. в пространственной и временной непосредственности, однако я все же знаю о том, что оно сосуществует со мной, что его течение переживаний сознания синхронно моему течению. Это знание всегда опосредовано, alter ego никогда не бывает дано мне в более широком окружении как самость. Поэтому оно и не является для меня Ты в том собственном смысле, каким этот термин обладает в ситуации ближайшего окружения, т.е. оно не является моим ближним, а всего лишь мне подобным, с которым меня не связывает чистое мы-отношение. Разуме-

ется, это не исключает того, что мне подобный когда-то был моим ближним или может стать им в дальнейшем, что я находился с ним в подлинном мы-отношении или, возможно, буду находиться в будущем. Но и то, что я считаюсь с возможностью вступить в дальнейшем с мне подобным в отношения ближайшего окружения, что я силами воображения в замысле предвосхищаю эту ситуацию ближайшего окружения, ничего не меняет в том обстоятельстве, что в соответствующих Сейчас и Так данного моего замысла этот Другой, на которого направлены мои интенциональные переживания сознания, является alter ego все лишь более широкого, но никак не ближайшего окружения.

Зададимся же вопросом о том, каким образом конституируется более широкое окружение, и разберем модификации, претерпеваемые понятиями «установка на Чужого» и «социальное окружение» в более широком окружении в силу того, что ему подобный дан Я лишь опосредованно и вследствие этого его переживания сознания доступны лишь путем типизации.

Данное обстоятельство обнаруживается со всей ясностью, если сопоставить ситуацию ближнего и более широкого окружения. В ближайшем окружении Я постигает Ты как самость в особом Так его особого Сейчас. Пока Я живет в интенциональных актах Мы, Ты остается доступным ему во всей полноте симптоматики. Во всех вариациях соответствующих ступеней конкретизации и актуализации, переживаемых Мы, Ты остается самостью и самим собой, в этом своем качестве оно и постижимо. Живя в длительности Мы, старясь одновременно с Ты, Я опытным путем познает все преобразования Ты и все обогащающие его переживания сознания, поскольку они вообще проявляются на какой-либо из актуальных ступеней конкретизации мы-отношения, непосредственно и в самоданности.

Совершенно иначе складывается ситуация более широкого окружения. Ты ему подобного никогда не бывает дано Я телесно, непосредственно, как постигаемая в допредикативном опытным познании самость. Даже его наличное бытие не бывает постижимо в самоданности, как особое и индивидуальное сосуществование синхронно протекающей длительности. Если понимание в ближайшем окружении основано на праопыте относительно наличного бытия индивидуального Ты, при том что Так-бытие этого Ты постигается на ступени конкретизации мы-отношения, то мы-отношение более широкого окружения, напротив, опирается исключительно на опосредованное полага-

ние определенного Так-бытия *alter ego*, а именно, на выявление приписываемых ему функций путем *умозаключения*.

Чтобы прояснить это понятие *опосредованности*, нам следует исследовать, каким образом мы приобретаем опыт относительно существования Ты в более широком окружении. *Один* из способов конституирования, а именно, выведение из предшествующей, лично пережитой ситуации ближайшего окружения, мы уже подробно описали. Мы пришли к выводу, что совокупность всего опыта, полученного в ближайшем окружении относительно некоторого ближнего, т.е. все почерпнутое из мы-отношения знание о его Так-бытии, переносится в более широком окружении на себе подобного, в которого обратилось по мере ослабления мы-отношения некогда постигнутое в телесности Ты. Таким образом, относительно этого мне подобного более широкого окружения я располагаю лишь *опосредованным* опытом²²³. Ведь я умозаключаю о его процессах сознания, и делаю это, противопоставляя его познанное в ближайшем окружении на опыте Так-бытие как инвариант²²⁴ всем модификациям, в том числе и тем, которые это Так должно было претерпеть уже потому, что Ты с того момента постарело и обогатилось новыми переживаниями. Однако как раз относительно этих новых переживаний Ты я либо не располагаю никакими данными, либо данными опосредованными, происходящими из другого источника.

Другой образ данности более широкого окружения, а именно *более широкое окружение как прошлое ближайшее окружение некоторого Ты, с которым я нахожусь в отношениях ближайшего окружения* (пример: мой друг рассказывает мне о своем брате, которого я не знаю), при более внимательном рассмотрении оказывается всего лишь вариацией только что описанного первого способа конституирования. И в этом случае я постигаю *alter ego* более широкого окружения в некотором типе его Так-бытия, и делаю это, следуя за воспроизведением установления *чужих* инвариантов завершеного опытного познания ближайшего окружения. Однако если в случае конституирования более широкого окружения на основе воспроизведения моего *собственного* прошлого ближайшего окружения я в состоянии восстановить в поле зрения Так-бытие Ты во всей полноте пережитой вместе с ним ступени конкретизации Мы, то при конституировании более широкого окружения на основе *чужого* прошлого ближайшего окружения я оказываюсь зависимым от актов сообщения того (моего друга), чье прошлое ближайшее

окружение (его брат) в момент сообщения оказывается не только его, но и моим более широким окружением. Если в первом случае я полагаю инвариантным особое Так-бытие некоего Ты моего собственного прошлого ближайшего мира, чьи переживания он познал на собственном опыте в *самоданности*, то во втором случае конституирование моего более широкого мира происходит посредством следования за *alter ego ближайшего окружения* (моим другом), *полагающим инвариантность* переживаний сознания его Ты, *некогда* принадлежавшего *его* ближайшему окружению, а *ныне* ставшего *нашим* Ты более широкого окружения (брат моего друга).

Описанные прежде способы конституирования соотносятся со всем, что мы знаем о более широком окружении благодаря нашему прошлому опыту ближайшего и более широкого окружения, а также со всем, что нам становится известно благодаря высказываниям Других об их прошлом ближайшем окружении, т.е. со всем, что мы узнали о более широком окружении от друзей, учителей, а также из книг и анонимных сообщений. Достаточно ясно, что конституированный таким образом опыт относительно более широкого окружения выводит свое исконное право из изначального постижения Ты ближайшего окружения. Однако приведенные случаи не исчерпывают всех возможностей моего знания о более широком окружении. Ведь и весь мой опыт вещей и происшествий вещного мира, опыт порождений разного рода, реальных и идеальных предметностей, орудий, объектов культуры, учреждений, протекания действий и т.д. указывают на мое более широкое окружение²²⁵, поскольку я могу интерпретировать все эти порождения как свидетельства процессов сознания тех, кто их произвел. Но и это *умозаключение*, согласно которому порождение свидетельствует о чужих процессах сознания, представляет собой опосредованный вывод, опирающийся на предшествующий и изначально обретенный в ближайшем окружении опыт — по крайней мере относительно некоторого *alter ego вообще*. Ведь представленное мне порождение — готовый результат. В то время как в мы-отношении, существующем в ближайшем окружении, я присутствую при самом процессе порождения, сопереживаю его в чистом Мы и моему взгляду доступны политетические процессы конституирования в сознании порождающего, то в более широком окружении мне доступен лишь продукт этих политетических актов. Если бы я не располагал полученным в ближайшем окружении опытом синхронно осуществимого пости-

жения процесса построения чужих актов сознания вообще, если бы я не располагал опытом разложения полностью конституированного явления на пофазовый процесс его конституирования, то я никогда не смог бы интерпретировать вещь или процесс внешнего мира как порождение более широкого окружения. Они были бы для меня природной вещью или природным процессом, подобно другим окружающим меня вещам и процессам, без какой-либо отсылки к некоему Ты. Дело в том, что названное нами ранее основоположением alter ego, т.е. наличие у Ты длительности, причем синхронной с моей, изначально переживается и познается на опыте лишь в Мы-отношении. Таким образом, я и в этом случае располагаю лишь опосредованным опытом относительно alter ego более широкого окружения, опирающимся на прежние акты опыта относительно некоего Ты вообще, либо некоего особого Ты. Я на опыте познал Ты в ближайшем окружении как самость, и это произошло в изначально глубинном пласте допредикативного опыта. *Ты более широкого окружения никогда не познается на опыте как самость и не может относиться к допредикативному опытному познанию. Опыт более широкого окружения является именно предикативным, осуществляемым в ходе выработки суждений при экспликации запаса моего опыта относительно социального мира вообще* (хотя при этом достигаются совершенно различные ступени ясности и степени неопределенности).

Однако и опосредованно выработанная установка на alter ego являясь установкой на Чужого и может быть установкой на Чужого любого рода: простой установкой на Чужого, социальным поведением, социальной деятельностью и социальным воздействием. *Мы будем обозначать акты, интенционально соотносённые с alter ego в более широком окружении* (соблюдая некоторую симметрию относительно установки на Ты в ближайшем окружении), *термином установка на Вы* и попытаемся охарактеризовать ее сущность.

Уже сам термин *установка на Вы* указывает на важнейшее свойство данных актов, интенционально направленных на процессы сознания в более широком окружении. Постигаемые в установке на Ты чужие переживания сознания сущностно принадлежат *одной и той же* длительности, а именно — длительности ближнего, с которым Я состоит в мы-отношении. Их объединяет единый субъективный смысловой контекст. Они являются особыми переживаниями особого Ты уже в силу их

принадлежности к длительности данного Ты. В противоположность этому, переживания alter ego в более широком окружении предстают передо мной в принципе как процессы большей или меньшей *анонимности*²²⁶. Сущность моего опыта более широкого социального окружения никоим образом не включает в себя необходимости соотнесения актов моего опытного познания с чужими переживаниями сознания, конституирующимися в одной-единственной реальной длительности. Ведь предметом установки в *более широком окружении* является *не наличное бытие* конкретного, индивидуального Ты, т.е. *не реально переживаемая* чужая длительность и *конституирующиеся* в ней содержательные элементы сознания, *не субъективный* смысловой контекст, в котором чужие переживания сознания могут конституироваться в реальном протекании длительности, а *мой* опыт относительно социального мира *вообще*, чужих переживаний сознания *вообще*, *совершенно безразлично, безотносительно к тому, принадлежат ли они одной-единственной чужой длительности или нет*. Поэтому то, что я узнаю о более широком окружении путем суждений и умозаключений, оказывается для меня *первично*²²⁷ заключенным в *объективном* смысловом контексте, и только в нем. Я принципиально оставляю без внимания вопрос, в чьем сознании и при каком особом Как конституируются переживания, относительно которых я располагаю опытом более широкого окружения. *Однако поскольку они рассматриваются в отрыве от субъективного смыслового контекста, в котором они конституируются, они обнаруживают идеальность «снова и снова»*. Они *отмечаются как типичные чужие переживания сознания, и как таковые оказываются принципиально гомогенными и воспроизводимыми*. *Единство alter ego более широкого окружения тем самым изначально конституируется не в его длительности* (ибо действительно ли alter ego более широкого окружения обладает длительностью — вопрос чрезвычайно сложный и нам еще предстоит подробно его изучить), *а исключительно в синтезе моих интерпретативных актов alter ego в единстве моего протекания длительности*. *Этот синтез является синтезом рекогниции*, в которой я монотетически охватываю взором мои собственные переживания сознания, интенционально направленные на чужое переживание, независимо от того, являются ли эти чужие переживания переживаниями одного или нескольких индивидуально определенных или анонимных alter ego. В этом синтезе рекогниции я конституирую свой опыт alter ego более широкого окружения, доводя его до *идеальной типизации*.

Необходимо уяснить себе, что одновременно с заменой субъективного смыслового контекста рядом переплетающихся и в высшей степени сложно структурированных объективных смысловых контекстов происходит прогрессирующая анонимизация партнера по более широкому окружению. *Поскольку синтез рекогниции, благодаря которому мой опыт чужих переживаний сознания — независимо от того, принадлежат ли они одной или нескольким длительностям, — только и конституируется как идеальный тип, не постигает особое Так-бытие одного-единственного Ты в пределах его живой длительности, а устанавливает, при всех вариациях и преобразованиях соответствующего чужого Сейчас, его Так в качестве однотипного инварианта, персональный тип никогда не оказывается тождественным одному конкретному alter ego или множеству конкретных alter ego, причастных персональному типу, с которыми я мог бы находиться в телесных Ты-отношениях.*

Именно это составляет «идеальность» персонального типа и оправдывает предложенный Вебером термин «идеальный тип».

Эти тезисы, смысл которых полностью раскроется лишь в последующих параграфах, следует проиллюстрировать несколькими примерами. Когда я отдаю на почту письмо и ориентируюсь в своем поведении на то, что участники моего более широкого окружения (почтовые служащие) обойдутся с ним совершенно определенным образом, что они правильно истолкуют мое выраженное в написанном мной адресе пожелание, чтобы письмо было доставлено некоему третьему лицу, и поступят соответственно этому пожеланию²²⁸, то я вовсе не держу в поле моего зрения соответствующих мне подобных как индивидов, я с ними не знаком и вряд ли когда-либо с ними познакомлюсь. Когда Макс Вебер указывает, что признание денег в качестве платежного средства основано на субъективном шансе, что другие участники более широкого окружения, в свою очередь, также будут готовы принять эти металлические пластинки, именуемые деньгами, в качестве платежного средства, то этим обозначается лишь определенная установка на Вы, связанная с типичным поведением в более широком окружении. Когда я, если воспользоваться другим примером Вебера²²⁹, решаюсь или не решаюсь на определенное поведение, чтобы за мной не пришли люди в фуражках и не заперли меня в одиночной камере, т.е. когда я ориентирую свое поведение на правовые нормы и гарантирующий эти нормы государственный аппарат принуждения, я нахожусь в оп-

ределенном социальном отношении со своим (идеально-типически персонифицированным) более широким окружением.

В приведенных примерах я как действующий постоянно считаю с определенным шансом на то, что поведение Другого будет таким, а не иным: поведение почтовых служащих, принимающих деньги, жандармов. То есть я, во всяком случае в замысле моей деятельности, бросаю на них силой воображения взгляд, я занимаю по отношению к ним определенную установку, настраиваюсь на них — действуя или воздействуя, если состою с ними в отношении, соответственно, установки или воздействия. Однако мои партнеры по социальному отношению выступают не в их индивидуальном Так, а именно, в качестве «почтовых служащих», «принимающих деньги», «жандармов». Я приписываю им специфическое поведение, специфическую функцию: лишь поскольку они являются носителями данной функции, они оказываются релевантными для меня в отношении установки более широкого окружения, т.е. как типы, и причем как идеальные типы. Как они переживают свое поведение, в каких модификациях внимания они к нему обращены — все это я просто оставляю без внимания. Я исхожу из того, что в соответствии с моим предшествующим опытом существуют «люди», *которые* ведут себя «типичным» образом. Это поведение (отрешенное от процесса конституирования в чужом сознании) — «быть-почтовым-служащим», «быть-принимающим-деньги» и т.д. — находится для меня изначально и по своим основам лишь в объективном смысловом контексте. Таким образом, в установке на Вы по отношению к более широкому социальному окружению я встречаю в качестве партнеров не индивидов в их телесной самости, а «людей *вроде вас*», «людей, *подобных вам*», короче — *типы*.

Однако не следует впадать в ошибку, отождествляя типизирующее постижение чужого человеческого поведения с социальным опытом более широкого окружения вообще. Хотя всякий опыт более широкого окружения и представляет собой типизирующее постижение чужого поведения, однако прием типизации отнюдь не ограничивается только более широким окружением. Интерпретация *мира предшественников* также происходит путем типизирующего синтеза рекогниции, а поскольку опыт относительно типов человеческого поведения и чужих персональных идеальных типов представляет собой интерпретативные схемы опыта социального мира вообще, то он входит и в тот багаж опыта, с которым обращенное в установ-

ке на Ты к своему ближнему Я вступает в живое Мы *ближайшего социального окружения*. Соответственно, уже вошедшие в опыт идеальные типы являются также и интерпретативными схемами ближайшего окружения: правда, в подлинной установке на Ты они увлекаются и модифицируются живой интенциональностью Мы. Идеально-типичные интерпретативные схемы представляют собой своего рода пустые формы, которые Я прикладывает к Ты ближайшего окружения и которые одновременно и наполняются содержанием соответственно определенной ступени конкретизации и актуализации мы-отношения, и лишаются своей *типичной* сущности. Ведь на место типичного Так-бытия заступает конкретная актуализация мы-отношения в его целостности как неповторимая самость. Это обстоятельство следует пояснить на примере.

В ситуации ближайшего окружения Я порой также имеет дело с несколькими alter ego, чьи переживания сознания он может охватить одним взглядом. Однако это Вы ближайшего окружения принципиально разложимо на несколько Ты, причем я могу находиться с каждым из этих Ты в мы-отношении. Если, например, я наблюдаю в ближайшем окружении трех своих ближних, состоящих друг с другом в некотором социальном отношении, скажем, играющих в карты, то я могу направить свой взгляд на процессы сознания каждого из игроков. В таком случае я обращаю к каждому из них как к Ты, причем Ты особому. В установке на Ты я познаю на опыте не только, что наблюдаемый мной занят игрой в карты (что было бы не более чем самоистолкованием моих собственных переживаний), но и особую манеру его игры, модификации его внимания, расширенные смысловые контекстные связи, в которые включено это его занятие, и т.д. Эти характеристики субъективно-смыслового контекста у каждого из игроков свои.

Однако я могу, выйдя за пределы мы-отношения, так сказать, *переместить этих трех игроков из моего ближайшего окружения в более широкое окружение*. Тогда я могу произносить относительно них типичные высказывания, примерно в такой форме: вы играете в карты. Данные высказывания, строго говоря, связаны с процессами сознания каждого из игроков лишь постольку, когда особая деятельность «игра в карты» соответствует определенному процессу сознания отдельного игрока и находится для него в определенном смысловом контексте. Так, например, деятельность *каждого* игрока «ориентирована» на считающиеся действующими правила игры. Однако это утвер-

ждение касается отнюдь не только трех наблюдаемых мной в ближайшем окружении alter ego. Оно действует применительно к идеальному типу «игрок в карты» вообще, типу, который я обнаруживаю в моем *более широком окружении*. Кто бы и когда бы ни играл в карты, он ориентирует свою деятельность на считающиеся действующими правила игры²³⁰. Поскольку и лишь поскольку наблюдаемые мной А, В и С соответствуют идеальному типу «карточный игрок», поскольку я не рассматриваю А или В или С как самость и в моем поле зрения не находятся его процессы сознания и представленные в них переживания как специфические субъективные смысловые контексты, поскольку А, В и С ведут себя «как Вы», т.е. «как Вы карточные игроки», постольку только что приведенное высказывание верно и для А, В, и С. Ни одно реальное переживание А не бывает идентично (или даже соразмерно) какому-либо реальному переживанию В в любое мгновение его длительности, ибо переживания А и В принадлежат разным живым и подлинным длительностям, они уникальны и неповторимы и не могут совпадать. *Лишь типичное гомогенно, причем всегда*, и как раз в типизирующей синтезе рекогниции я осуществляю акт анонимизации, вычленив переживание из его живой и подлинной длительности, в которой оно переживается конкретным Ты.

Верно и обратное, что те объективные смысловые контексты, в которые складываются при конституировании процессы сознания зафиксированного в установке на Вы идеального типа в типизирующей синтезе, преобразуются в субъективные смысловые контексты, как только я прилагаю их к конкретным процессам сознания некоторого Ты, чье поведение я истолковываю так, словно это Ты — человек «как» вот эти, «как» вот вы, а его поведение — «как» у этих, «как» ваше. Такова изначальная причина того, что и в типизирующей установке более широкого окружения Вы воспринимается как alter ego, обладающее длительностью и сознанием; правда, как такое alter ego, чьи переживания постигаются не в самоданности, а в предикативном суждении, на основании синтеза рекогниции, не непосредственно, а опосредованно, не в уникальной неповторимости, а в идеальности повторяемости в любой момент. Анонимный характер более широкого окружения в том и заключается, что вследствие идеализации «повторяемости в любой момент» Вы никогда не раскладывается на ряд конкретных Ты, и что всякое Ты более широкого окружения релевантно лишь постольку, поскольку соответствует типичному Вы, поскольку последова-

тельности его переживаний поддерживают тип «ваши последовательности переживаний». Ты ближайшего окружения превращается в синтезе рекогниции в тип «один из вас». Поэтому нам и предстоит теперь заняться сущностью и устройством персонального идеального типа.

§ 38. Конституирование идеально-типической интерпретативной схемы

В предшествующих параграфах мы описали типизирующее постижение чужого человеческого поведения как установление инварианта запасенных в нашем прежнем опыте чужих переживаний сознания посредством синтеза рекогниции. Однако привычное выражение «*идеальный тип чужого человеческого поведения*» *многозначно*: оно обозначает, прежде всего, *типизирующее постижение* заданных нам *объективных смысловых контекстов*, порождений, протекающих действий, реальных и идеальных предметностей, в которых проявляется человеческое поведение. Согласно такой формулировке, все акты самоистолкования наших переживаний подобных порождений также можно было бы считать идеальными типами чужого человеческого поведения, даже и тогда, когда взгляд не обращается к переживаниям сознания alter ego, свидетельством которых являются данные порождения. Ведь установление инварианта определенных моментов переживаний в синтезе рекогниции, которое мы могли бы использовать в качестве критерия типизации, обнаруживается прямо-таки в любом подведении опытных переживаний под существующие интерпретативные схемы, в любом акте абстракции, обобщения, формализации и идеализации применительно к любому предмету. До тех пор, пока термин «идеальный тип» в самом общем виде прилагается к подведению опыта под интерпретативные схемы — а определение, данное Максом Вебером в его ранних работах данному понятию, вполне это допускает, — никаких специфических проблем для социальных наук при этом не возникает. В таком случае можно было бы говорить и об идеальных типах природных предметов и процессов, например, метеорологической обстановки, биологических линий развития и т.д. Мы не будем проверять, насколько данное понятие идеального типа целесообразно использовать вместо прежде использовавшихся для интерпретации подобных феноменов конструкций, ограничив

свои исследования проблематикой, специфической для социальных наук.

Но и в этом случае выражение «*идеальный тип чужого человеческого поведения*» *может обладать двояким смыслом*, а именно, обозначать, *во-первых, идеальный тип определенного alter ego, создающего особые порождения, и, во-вторых, идеальный тип самого соответствующего процесса порождения или также соответствующих порождений*, интерпретируемых в чужом сознании как знаки процесса порождения. Мы будем называть первый *персональным*, второй — *материальным идеальным типом*, или *процессуальным типом*. Разумеется, между процессуальным типом и персональным идеальным типом существует внутренняя связь. Ведь если я создаю идеальный тип действующего определенным образом, скажем, тип почтового служащего, то тем самым имплицитно предполагается некоторый процессуальный тип его деятельности в определенном объективном контексте. И наоборот, я осуществляю переход от процессуального типа к персональному идеальному типу, когда исходя из объективного смыслового контекста, т.е. из последовательности действий или, в более общем виде, из некоторого порождения, обращаю свой взор к переживаниям сознания того, кто это порождение осуществил, к переживаниям, свидетельством которых является порождение, т.е. когда я исходя из заданного объективного смыслового контекста задаю вопрос об адекватном ему субъективном смысловом контексте. При этом следует учитывать, что всякий идеальный тип по своей сущности хотя и опирается на предпосланный ему процессуальный тип, процессуальный тип может рассматриваться в качестве независимого от соотносимого с ним в качестве адекватного персонального идеального типа (т.е. как просто объективный смысловой контекст).

В языковой сфере мы усматриваем первую опорную точку персональных идеально-типических конструкций в тех именных формах, которые представляют собой субстантивацию глагольных функций. В этом смысле каждое причастие активного залога представляет собой персональную типизацию определенного процесса человеческой деятельности, тогда как каждое причастие страдательного залога — идеальный тип действия как фактической данности. Agens agit, ut actum fiat. Соответственно, формируется двойственная техника идеально-типического постижения чужого поведения. В качестве исходной точки может быть взят определенный тип дела (actum), и через

типичную манеру действия (типическое actio) поиск приходит к персональному типу homo agens. С другой стороны, за исходную точку может быть принят персональный тип homo agens в его действии, а вопрос будет обращен к результату, actum. Таким образом, нам следует рассмотреть двойственную постановку проблемы. Во-первых, нам следует задаться вопросом о том, какие моменты в заданном процессе действия²³¹ выделяются в качестве типичных и как исходя из этого заданного процессуального типа выводится адекватный ему персональный идеальный тип; во-вторых, исходя из имеющихся благодаря предыдущим типизирующим построениям в багаже нашего опыта готовых идеальных типов, нам следует заняться выявлением специфических образов деятельности, которые могут быть адекватны данному персональному идеальному типу. Первый вопрос нацелен на конституирование типа — сначала процессуального, затем персонального идеального типа — исходя из конкретно данного процесса действия вообще; это вопрос о генезисе типического, о типизируемости процессов вообще. Второй вопрос нацелен на ту деятельность, которую в дальнейшем можно ожидать от полностью конституированного персонального идеального типа, речь идет о проблеме, которую мы обсудим под рубрикой «свобода персонального идеального типа».

Обратимся сначала к первому кругу проблем и более подробно рассмотрим наш тезис, согласно которому всякое персональное идеально-типическое постижение действующего по сути своей опирается на предшествующее идеально-типическое постижение процесса действия. Типичное постижение процесса действия заключается, как мы уже видели, в синтезе рекогниции, осуществляемом интерпретатором в ходе самоистолкования своих переживаний относительно процесса. Предметом рекогниции оказываются обнаруживаемые в объективном смысловом контексте мотивы-для и мотивы-потому-что процесса действия. То есть однотипным повторяющимся процессам, достигающим при применении однотипных средств однотипные цели, приписываются однотипные мотивы-для или (если это из эвристических соображений оказывается более целесообразным, т.е. более пригодным для решения заданной, интересующей меня, интерпретатора, проблемы) однотипные подлинные контекстные связи «потому-что» переживаний соответствующего действующего лица. Они принимаются в качестве константных и устанавливаются в качестве инвариантов

в противовес всем модификациям, которым они могут быть подвержены в живом сознании так-действующего, и причем любого так-действующего. Таким образом, инвариантным является типичный мотив, исходя из которого персональный идеальный тип осуществляет типичную для него деятельность, в противоположность Сейчас и Так реальной длительности индивида, в которых тот переживает свою реальную деятельность, в противоположность всем модификациям внимания, в которых так-действующий, кто бы он ни был, обращается к данному своему переживанию, и в противоположность всем субъективно заданным в зависимости от действующего глубинным пластам и надстройкам данного смыслового контекста. Исходя из заданных процессов действия и реализованных в них целях действия, идеально-типическая интерпретация приводит к мотивам-для и мотивам-потому-что, лежащим в основе деятельности, воплощающейся в этом действии. Определение подлежащего интерпретации действия как повторяемого и потому типичного одновременно означает определение и мотива-для деятельности, в пофазовой реализации которой оно конституируется, как инвариантного, а именно типичного. *Этой полученной таким образом типичной деятельности приписывается сознание, для которого данная деятельность может находиться в субъективном смысловом контексте: т.е. сознание alter ego, обращенного к этой своей типичной деятельности, и причем в типичной модификации сознания, короче говоря, сознание персонального идеального типа.*

Таким образом, процессы сознания этого персонального типа порождаются путем реконструкции, когда из фактически завершено, сбывшегося, законченного процесса действия выводятся modo plusquamperfecti типичные переживания сознания, из которых конституируется и может вновь и вновь конституироваться ведущая к действию деятельность. Разумеется, эти переживания сознания, именно потому что они постигаются modo plusquamperfecti, представляются в воображении предшествующими осуществленному действию. Однако они лишены всех пустых предположений и ожиданий, сопровождающих в ближайшем окружении процесс конституирования деятельности в реальном Я и реальном Ты. Действие, отмеченное как типичное, находится к воображаемой типичной деятельности персонального идеального типа не в отношении реализации или не-реализации, поскольку типичная деятельность конструируется на основе предшествующего опыта так,

что действие, которое и служит отправной точкой, *должно* было реализовать деятельность. В воображаемые процессы сознания, утверждаемого в качестве типа действующего, никогда не включается выбор, предпочтение, колебание перед альтернативой типичной деятельности, с одной стороны, и нетипичной — с другой. Его мотивы однозначны: мотивом-для деятельности является осуществленное действие, от реального осуществления которого берет свое начало типизация, и это действие является, в то же время, *высшим* мотивом-для утверждаемого в качестве типичного персонального процесса сознания. Ведь если бы утвержденное в качестве типа инвариантное действие служило средством для цели действия более высокого порядка, если бы фактический состав процесса оказывался контекстным элементом более широкого смыслового контекста, тогда процесс сознания, соотносимый с этим контекстом более высокого порядка, должен был бы типизированно сконструирован таким образом, чтобы быть в состоянии конституировать эти смысловые контексты более высокого порядка. Однако это означало бы, что сегмент действия, который считается конституирующим тип как объективный смысловой контекст, должен был бы быть не частичным контекстом, а как раз тем самым смысловым контекстом более высокого порядка. То же относится и к мотиву-для: если вопрос о нем вообще поднимается, то приписываемый действующему типичный процесс сознания также должен включать типичные, определяющие возникновение мотивов-для переживания.

Таким образом, в персональной идеально-типичной конструкции идет поиск сознания для данного объективного смыслового контекста, сознания, для которого этот объективный контекст мог бы быть мотивационно переживаемым, в котором эта деятельность могла бы конституироваться, пофазово выстраиваясь в политетических актах, сознания, на переживания которого я могу бросить взгляд и как раз потому могу осуществить поворот от действия к деятельности, от объективного к субъективному смысловому контексту.

И здесь обнаруживается более глубокая причина, по которой социальная наука, как и практика повседневной жизни, может обойтись без того, чтобы проследивать понятие «единой» деятельности, как это вообще следовало бы сделать, вплоть до ее глубинных оснований в переживании сознания действующего. Ведь техника персонального идеально-типического конструирования в том и заключается, чтобы конструи-

ровать субъектов, для которых установленные ранее материально- и идеально-типически, т.е. познанные на опыте как инвариантные и константные процессы действия могли бы входить в мотивационный смысловой контекст. То, что наблюдающему Я представляется единством в объективном смысловом контексте, т.е. принимаемый в качестве типичного чужой процесс действия, в сознании персонального идеального типа совершает обратное превращение в субъективный смысловой контекст, обладающий единством лишь потому, что опирается на единство объективного смыслового контекста, из которого и начинается выведение персонального идеального типа вообще. Однако это единство «чужой деятельности» как объективного смыслового контекста представляет собой, о чем следует постоянно напоминать, лишь сегмент, вырезаемый наблюдателем из всего объема реальной процессуальности. То, что воспринимается как единство чужого действия, т.е. выделенное из «всего богатства фактических данных» и помещенное в объективный смысловой контекст, зависит от соответствующей специфической проблематики, а также от соответствующего специфического интереса, в расширенный смысловой контекст которого Я помещает на основании своего предварительного знания свои опытные переживания. Таким образом, смысл опытных переживаний внешних процессов чужой деятельности оказывается обусловленным соответствующей постановкой проблемы, во-первых, в зависимости от того, какой фрагмент действия воспринимается как «единство» действия и его смысловой контекст, и, во-вторых, в зависимости от того, какие мотивы устанавливаются для данных процессов как типически инвариантные. При этом каждому новому сечению, проходящему через фактический чужой процесс действия, соответствует свой персональный идеальный тип, для сознания которого установленные в качестве инвариантных мотивы должны быть возможным переживанием в качестве субъективного смыслового контекста. Таким образом, и персональный идеальный тип всегда оказывается обусловленным проблемой, он несет на себе отсылку к постановке вопроса, для ответа на который он и был сконструирован, он зависит от зафиксированного соответствующей проблематикой объективного смыслового контекста, который должен с его помощью стать толкуемым в качестве субъективного смыслового контекста. Так в идеально-типической конструкции происходит воссоединение субъективного и объективного смыслового контекста *ex definitione* персонального идеального типа.

Это обстоятельство теория идеального типа — а с ней и теория понимания более широкого окружения — обычно упускает из вида. Она не отдает себе отчета в том, что сконструированный ею персональный идеальный тип является таковым лишь в силу того момента, что он как инициатор заданного идеальнотипичного процесса действия наделен всеми адекватными данному процессу переживаниями сознания, что таким образом для определенного процесса действия создается своего рода модель сознания, каковой может быть переживание данной деятельности в субъективном, а именно, мотивационном смысловом контексте, конгруэнтном объективному смысловому контексту. Теория обычно выворачивает все наизнанку и действует так, будто идеальный тип — некое «свободное существо» и будто задача состоит в том, чтобы исследовать, какой смысл это свободное существо соединяет с деятельностью, явно считающейся спонтанной. При этом она достаточно наивна, чтобы придерживаться веры в объективную познаваемость «границ процесса действия» и, в то же время, признавать за действующим идеальным типом, несмотря ни на что, свободу в смыслополагании относительно приписываемой ему деятельности. Формирующая идеальные типы социальная наука, как и жизненная практика, постоянно создающая идеальные типы более широкого окружения, осуществляют подобным образом своего рода разделение труда, оставляя за собой возможность формировать заданные процессы человеческой деятельности в единстве по своему усмотрению, но в то же время перепоручая сконструированному ею идеальному типу «соединение некоторого смысла» с фрагментом деятельности, который она выбрала. На этом пути ей удастся не запутываться в постоянных противоречиях только потому, что ее идеальный тип устроен таким образом, что по своим свойствам он должен в политетически выстраиваемых актах «соединять» с выделенным ею фрагментом деятельности ровно тот самый смысловой контекст, который будет эквивалентен «объективному» смысловому контексту. Самообман заключается при этом в том, что произведенный таким образом идеальный тип не живет, а ведет лишь призрачное подобие жизни. В действительности он совсем не обладает длительностью, приписываемая ему длительность — воображаемая. Он «живет» в фиктивном времени, которое не может быть пережито ни мной, ни тобой, ни «нами», ни кем-либо еще. Ему присущи лишь те переживания, которые необходимо предполагать, чтобы обеспечить постижи-

мость заданного объективного процесса действия как субъективного замкнутого смыслового контекста чужих политетически выстроенных переживаний сознания, и причем прежде всего, как мотивационного контекста. Однако поскольку этот процесс действия относится к предыдущему опыту и тем самым уже задан, он является уже завершившимся, сбывшимся и однозначно детерминированным в отношении своих мотивов-для и мотивов-потому-что произвольным выбором, совершенным социальной наукой или практикой повседневной жизни, то «свобода», приписываемая идеальному типу в силу фантазии, будто тот может «соединять со своим действием некоторый субъективный смысл», оказывается мнимой. Идеальный тип действующего должен политетически переживать в конститутивно выстраиваемых актах то, что социальная наука уже до того монотетически определила своим взглядом, очертив границей приписываемое ему действие. *И в результате все, что идеальный тип согласно социальной науке высказывает относительно своих переживаний сознания, связанных с его деятельностью, представляет собой vaticinium ex eventu.*

Иллюзия «свободы» персонального идеального типа явно берет свои истоки во втором из указанных подходов, при постановке вопроса о возможных будущих действиях, ожидаемых от полностью конституированного идеального типа. Каким образом будет протекать поведение, приписываемое заданному идеальному типу, остается чистым предположением, отягощенным пустыми предположениями ожидания, а ожидаемая от идеального типа деятельность, как кажется, находится к мотивам-для, заложенным при ее конституировании и преднаходимым в опыте, в отношении выполнения или не-выполнения. Это в особенности имеет место тогда, когда я, отождествляя конкретное alter ego более широкого окружения А с персональным идеальным типом (например, скряга), выношу суждение: А — скряга. Следовательно, он мог бы отказаться от участия в некотором благотворительном действии. Действительно ли А при этом ответит на просьбу о помощи отказом, не имеет значения. Однако если быть точным, то дело здесь вовсе не в том, является ли деятельность персонального идеального типа «скряга» свободной и неопределенной, а, скорее, в том, верно ли суждение, согласно которому А является скрягой. Разумеется, и само идеально-типичное выведение инвариантов «постоянных» мотивов, и связанное с этим построение персонального идеального типа постоянно подтверждается

либо корректируется актуальным опытом более широкого (а также ближайшего) окружения. Даже в условиях ближайшего окружения мы видели, что интерпретативные схемы для alter ego изменяются и корректируются в соответствии с новым опытом alter ego, приобретаемым в установке на Ты. Однако понимание в ближайшем окружении в силу мы-отношения имеет дело с телесным индивидом в его подлинной длительности и в реальной свободе своей спонтанной активности, в то время как идеальный тип, каковым предстает по своей сути alter ego более широкого окружения, не обладает ни подлинной длительностью, ни свободой. Ведь то, что высказывания об ожидаемой деятельности идеально-типически очерченного alter ego с необходимостью носят открытый характер, что они с необходимостью свидетельствуют лишь о некотором *шансе*, еще ничего не говорит о свободе персонального идеального типа. Важно понять, что отождествляемый с некоторым персональным идеальным типом действующий действует *типично лишь постольку*, поскольку совершает именно *такие* действия, которые следует понимать как субъективный смысловой контекст, конституированный соответствующим идеальным типом. В прочих ситуациях его поведение отнюдь не будет типичным. Когда Мольер заставляет Гарпагона переживать любовное приключение, то обстоятельство, что Гарпагон является типичным скрягой, еще не позволяет делать выводов о его особом или типичном поведении при возникновении любовной связи. Эти отношения *трансцендируют типическое* в нем, его скупость, они *трансцендентны*. Однако некоторое число приложимых к Гарпагону интерпретативных схем все же предопределено и задано, когда он опознается как типичный *скряга*. В более общем виде: персональный тип *может* опираться (и в большинстве случаев *действительно* опирается) на другие уже имеющиеся идеальные типы, с которыми ассоциируется рассматриваемое лицо. Наблюдающий может обратиться к запасу прежде сформированных идеальных типов, своего рода подпочвенному слою актуального персонального идеального типа, и в результате разом со *сменой проблематики* осуществляется *смена и самого идеального типа*. Однако эта смена редко происходит с эксплицитной ясностью. Обычно вновь образованный идеальный тип — часто уже потому, что для его обозначения используется то же самое слово — наивно отождествляется с изначальным идеальным типом, от которого он и был произведен. Тогда, правда, возникает *иллюзия*, будто

идеальный тип располагает абсолютной свободой, словно идеальный тип может трансцендировать свою типичную деятельность и, так сказать, вырвавшись из безвременья более широкого окружения, превратиться в наполненное длительностью Ты. Кроме того, может *показаться*, будто идеальный тип по крайней мере тогда, когда он действует не типично, является свободным существом, способным делать выбор в альтернативной ситуации и чья деятельность носит открытый характер для подобного ему, состоящего с ним в отношении более широкого окружения. Однако иллюзия свободного идеально-типичного поведения не выдерживает логической проверки. Где бы она ни возникала, она представляет собой симптом вовсе не того, что идеальный тип будто бы трансцендирует свое типичное поведение, что было бы абсолютным парадоксом, а того, что создатель идеального типа или тот, кто соотнес конкретный феномен действия с некоторым заданным идеальным типом, существенно изменил постановку проблемы, не совершив при этом необходимого изменения идеально-типической конструкции. Впрочем, и обрисованная ранее иллюзия, поскольку она происходит от путаницы в голове интерпретатора относительно предмета интерпретации, оказывается подлинными мотивами-для и мотивами-потому-что самих действующих. Миф о Пигмалионе, создававшем оживавшие статуи, служит моделью процесса понимания, в котором наивный человек надеется постичь свое более широкое социальное окружение.

Однако только что рассмотренная проблема отнюдь не ограничена сферой более широкого окружения. Ведь и наблюдатель в ближайшем окружении, прежде всего вступающий в мы-отношение ближайшего окружения, прилагает к своему объекту вместе со всеми своими интерпретативными схемами alter ego, полученными им в актах опытного познания своего и чужого ближайшего и более широкого окружения, а также мира предшественников, также и весь свой запас идеально-типичных конструкций, причем как персональных, так и процессуальных, *в качестве интерпретативных схем*. Осматривая этот запас идеальных типов, выстраивая один идеальный тип на основе другого, он приходит, постоянно смещая постановку проблемы, постоянно меняя перспективу восприятия, к постижению alter ego в его особых Сейчас и Так. (Правда, в том-то все и дело, что в мы-отношении ближайшего окружения в силу живой интенциональности взаимности это приближение к Ты обычно происходит одним махом.)

Здесь для социологического исследования открывается широкое поле не замеченных ранее проблем, которые никоим образом не могут быть окончательно решены в рамках настоящей работы. Их анализ следовало бы предоставить исследованию, посвященному *социологической личности*.

Мы же ограничимся всего лишь кратким обсуждением своеобразного смещения идеальных типов и их зависимости от постановки проблемы и от общего контекста опыта пользующегося им. Когда я (в ближайшем или более широком окружении, например, пользуясь сообщением третьего лица) наблюдаю за человеком, выполняющим некоторую повторяющуюся операцию, скажем, затягивающего болт, то в качестве первой интерпретативной схемы его деятельности появляется версия, что специфические манипуляции с гаечным ключом нужны для того, чтобы соединить вместе две детали. Если мне известно, что эти манипуляции производятся на автомобильном заводе, то я могу включить эту частную деятельность в общий контекст «производство автомобилей». Но если я знаю, что наблюдаемый мной работает на автозаводе, то я могу также предположить в качестве безусловно данных определенные типичные элементы поведения этого человека, определяемого в связи с этим как «рабочего», скажем, что он каждое утро приходит на завод к началу смены, а после завершения рабочего времени уходит с завода, получает заработную плату и т.д. Включая его в еще более широкий контекст, я могу, исходя из того, что это заводской рабочий, применить к нему любой идеальный тип, который я сформировал себе относительно заводских рабочих вообще и пролетариата больших городов в частности. Этот идеальный тип может по необходимости быть далее сужен, например, идеальный тип берлинского пролетариата в 1931 году. Если же я установил, что речь идет о немецком рабочем, точнее берлинском, то смысл этой констатации заключается в том, что я могу приложить к наблюдаемому все интерпретативные схемы, которые есть в багаже моего опыта как типичные для немцев вообще и берлинцев в частности. Разумеется, этот ряд может быть продолжен до бесконечности, и точка, на которой я прерываю применение новых интерпретативных схем и включение наблюдаемого поведения во все более широкие контексты, зависит от проблемы, которую я определил для себя при наблюдении за данным лицом, т.е. от диспозиции моего интереса в определенном ранее смысле. Допустим, мой интерес направлен на то, чтобы узнать нечто о

политических и религиозных взглядах данного рабочего. Имеющиеся интерпретативные схемы внешних событий не дают для этого ничего или крайне мало. И в этот момент продолжение типичного приема (все еще при условии, что к моим предварительным знаниям о соответствующем действующем лице не прибавляется ничего нового, полученного в других областях знания) сталкивается с опасностью, что шансы совпадения моей идеально-типической конструкции с реальностью все больше сокращаются. Если я, положим, скажу: люди вроде этого рабочего, представляющего берлинский промышленный пролетариат, обычно голосуют за социал-демократов, то это суждение основано на предварительно данных фактах (в данном случае статистических), согласно которым большинство берлинского промышленного пролетариата действительно голосовало на последних выборах за социал-демократов. Однако у меня нет никакой возможности с уверенностью утверждать, что наблюдаемый мной рабочий принадлежит к этому большинству и есть лишь вероятность, что данное суждение верно. Вероятность возросла бы, если бы мне стало известно, что этот рабочий состоит в социал-демократическом профсоюзе или носит партийный значок. Мы уже говорили ранее, что любая интерпретация с помощью идеально-типической конструкции по сути своей носит вероятностный характер. Может оказаться, что занятый затягиванием болтов на автозаводе вовсе не «рабочий», а инженер или студент-практикант, а тогда предположение, что этот человек — представитель городского пролетариата, как и все вытекающие из него в качестве следствий заключения, окажутся неуместными. Но это лишь значит, что всякая идеально-типическая конструкция обусловлена багажом опыта, имеющимся у наблюдателя на момент создания конструкции. Рассмотренный пример ясно демонстрирует корреляцию смыслового контекста, интерпретативной схемы и идеального типа — все это выражения для общей основной проблемы, проблемы *релевантности* вообще.

Поскольку в повседневной жизни социальной практики формируются идеальные типы более широкого окружения, эти конструкции подвергаются постоянным доработкам и коррекциям на основании опыта ближайшего и более широкого окружения, так как опыт этот у наблюдателя постоянно расширяется. Что касается ближайшего окружения, то приобретенный в подлинном мы-контексте опыт содержания сознания живущего Ты модифицирует соответствующие заданные позицио-

нально или нейтрализующе интерпретативные схемы. Любой опыт относительно себе подобного в конечном итоге опирается на опыт ближайшего окружения, на опыт Ты в его самости. Всякая идеально-типическая конструкция alter ego более широкого окружения относится не к Ты в его самости, а, так сказать, к Ты в его Как-бытии, словно-бытии. Типическое истолкование поведения в более широком окружении означает такую интерпретацию своего ближнего и его поведения, словно он такой же человек, как и вот этот, как вот Вы, а его поведение — как это, как Ваше. Установка на более широкое окружение — всегда и с необходимостью установка на Вы.

§ 39. Анонимность более широкого окружения и содержательная наполненность идеального типа

Установка на Вы представляет собой *пустую форму* для специфического постижения alter ego более широкого окружения путем предикативной экспликации его *типичного* Так-бытия (Как-бытия). Следовательно, акты установки на Вы интенционально соотносены с воображаемым в качестве обладающего синхронной длительностью alter ego, постигаемым как персональный идеальный тип. Как и при установке на Ты и мы-отношении, в случае *установки на Вы* можно говорить о *различных ступенях конкретизации и актуализации*.

Для вычленения соответствующих ступеней конкретизации мы-отношения в ближайшем окружении мы смогли воспользоваться в качестве критерия признаком близости переживания. Для установки на Вы этого критерия оказывается недостаточно. Ведь сущность этой установки уже включает определенную степень дистанции переживания, чему соответствует достаточно высокая степень анонимности рассматриваемого в установке на Вы alter ego.

Именно эта *степень анонимности*, в которой alter ego более широкого окружения выступает в установке на Вы, оказывается естественным критерием для выстраивания ступеней конкретизации и актуализации установки на Вы. *Ведь чем более анонимным оказывается персональный идеальный тип в установке на Вы, тем в большей мере субъективный смысловой контекст, в который помещаются чужие переживания при рассмотрении более широкого окружения, оказывается замещенным напластованиями объективных смысловых контекстов и тем больше*

глубинных пластов, содержащих персональные идеальные типы и объективные смысловые контексты, полученные на других ступенях конкретизации установки на Вы, оказывается предпосланными находящейся в поле зрения конкретной и актуальной установке на Вы.

Разберемся, что же следует понимать под *анонимностью идеального типа* в более широком окружении. *Пустая форма* установки на Ты в ближайшем окружении как допредикативный опыт alter ego исчерпывается в тетическом полагании наличного бытия Ты ближайшего окружения, при том что его Так-бытие остается за пределами внимания. В то же время, *пустая форма* установки на Вы основана уже на определенном, причем типичном и потому принципиально постоянно предполагаемом Так-бытии некоторого alter ego. Разумеется, вместе со всякой происходящей в форме суждения экспликаций Так-бытия происходит тетическое постижение его наличного бытия и имевшего когда-либо место наличного бытия. Однако идеально-типическая анонимность как определенная форма идеализации не привязана к тетическому или даже только потенциальному полаганию наличного бытия *определенного* Ты в особой точке пространственно-временного мира. Таким образом, alter ego более широкого окружения оказывается *анонимным* (и это изначально первое значение данного термина) *постольку, поскольку его наличное бытие может быть установлено лишь как индивидуация типичного Так-бытия, но и это лишь в модуле возможного, предполагаемого, в-принципе-неисключенного. А поскольку наличное бытие некоторого так (т.е. типично) устроенного alter ego более широкого окружения наделено характером не более чем непротиворечивого правдоподобия, то все замышляемые в установке на Вы акты воздействия на более широкое окружение носят всего лишь вероятностный характер. Успех замышляемого в более широком окружении воздействия на Чужого в несравненно более высокой степени оказывается неопределенным, чем это имеет место в ближайшем окружении.*

Только что проясненное первое понятие анонимности партнера в ближайшем социальном окружении чрезвычайно важно для постижения сущности социального отношения в более широком окружении. К рассмотрению важных следствий, вытекающих из этого понятия для всей проблемы, мы сейчас и приступим. Однако прежде нам следует все же разобрать и другие значения многозначного понятия анонимности.

Второе понятие анонимности относится к объему области значения *идеально-типической схемы*. Этот объем зависит от «замкнутости» уже включенного в опыт материала, исходя из которого устанавливается инвариант. В зависимости от того, является ли источником опыта, подведенного под некоторую интерпретативную схему и установленного в качестве инвариантного, Так-бытие *особого Ты* или Так-бытие уже сформированного *персонального типа*, мы будем говорить о большей или меньшей *содержательной наполненности идеального типа*. Мы можем сказать, что *содержательная наполненность идеального типа* находится в *обратно-пропорциональном* отношении к *степени универсальности опыта*, на основе которого он конституируется. Более глубокое основание этого обстоятельства заключается в том, что с каждым прежде сформировавшимся идеально-типическим глубинным пластом расширяется область принимаемого в качестве не вызывающей вопросов данности. Однако эти прежде сформировавшиеся идеальные типы, из которых черпается опыт о Так-бытии более широкого окружения, оказываются в поле зрения лишь в размытом виде и не эксплицируются в поступательных, шаг за шагом, актах. Чем больше число сформировавшихся ранее идеальных типов, используемых при конструировании соответствующего идеального типа, тем меньше его содержательная наполненность и тем сложнее его прояснение, что наглядно проявляется при попытках анализа культурных объектов, таких как государство, экономика, право или искусство.

Однако содержательная наполненность зависит также — и этот тезис является лишь развитием только что сказанного — от *степени трансформируемости Вы-отношения более широкого окружения в мы-отношение ближайшего окружения, а тем самым от принадлежности воспринимаемых как типичные чужих содержательных элементов сознания одной-единственной реальной длительности* или несколькими реальным длительностям, на которые я мог бы бросить взгляд, находясь в чистом *Мы*. Все содержательные элементы сознания находящегося в более широком окружении *alter ego* являются лишь мыслимыми в своем Так-бытии, но не переживаемыми. Чем больше в таком случае шанс трансформируемости установки более широкого окружения в установку ближайшего окружения, только мыслимого и предикативно эксплицируемого в переживаемое в самоданности, тем более содержательно наполненным оказывается идеальный тип *alter ego* более широкого окружения.

Иными словами: анонимность типа тем меньше, чем ближе он может оказаться к ближайшему окружению. Несколько примеров пояснят эту ситуацию.

Когда я думаю о своем друге *N*, находящемся вдали от меня, то я делаю это, находясь по отношению к нему в установке на *Вы* более широкого окружения. Я знаю, например, что ему предстоит трудное решение, и могу на основе своего опыта общения с ним в ближайшем окружении сформировать идеальный тип «мой друг *N* вообще» или процессуальный тип «поведение *N* при принятии трудных решений». И этот идеальный тип наделен всеми характерными признаками *Вы*. Ведь он утверждает не что иное, как: «люди «как» *N* обычно ведут себя при принятии трудных решений таким-то образом». Тем не менее, этот идеальный тип «мой друг *N*» является в высокой степени содержательно наполненным, и мое отношение к *N*, принадлежащее более широкому окружению, может в любой момент — технические проблемы мы оставляем в стороне — трансформировано в отношении ближайшего окружения. Из этой возможности черпает установление данного идеального типа свое правовое основание, и лишь через ее реализацию возможна его верификация.

Другой пример: Мой друг *A* в разговоре со мной описывает *X*, которого я не знаю и с которым он недавно познакомился. Он «дает мне представление» об *X*, т.е. он конституируется как идеальный тип *X*, устанавливая опытные данные, полученные им при встрече с *X* в ближайшем окружении, в качестве инвариантных и тем самым типизируя их. Эту типизацию *A* осуществляет соответственно своей специфической проблематике и на основании тех модификаций внимания, в которых он бросает ретроспективный взгляд на переживания относительно *X* в ближайшем окружении. Обрисованный *A* идеальный тип *X*, усвоенный мной в ходе следующих за его характеристиками суждений, я теперь включаю, устанавливая Другое в качестве инварианта и типизируя Другое, в общий контекст моего опыта. Поскольку *моя* проблематика и мои модификации внимания, в которых я обращен к багажу моего опыта в целом и к миру вообще, с необходимостью являются иными, чем проблематика и диспозиция интересов моего друга *A*, то представляемый мной в толковании идеальный тип *X* должен быть радикально иным, чем тип, представляемый *A*. К тому же осуществленные *A* типизирующие суждения никогда не бывают даны мне с эксплицитной ясностью, а лишь в смутном

виде²³². Помимо этого, я могу еще и «подвергнуть сомнению» чужое суждение. Зная по опыту, что мой друг А — «человек настроения», я не буду спешить принять выбранные им в качестве типичных черты поведения X как типичные согласно контексту моего опыта, хотя я и убежден, что представленный моим другом тип соответствует общему контексту его опыта, поскольку он «привык видеть людей в таком свете».

Нам придется ограничиться этим указанием на сложность проблематики понимания в более широком окружении. Оба приведенных нами примера касаются типов с большой содержательной наполненностью, находящихся в относительной близости к Мы более широкого окружения. Эти типы созданы из данных своего собственного или усвоенного чужого опыта относительно содержания сознания одного-единственного потока длительности (N или X соответственно). Субъективный смысловой контекст, в котором приняты мною в качестве инвариантных переживания находились в силу их политетического построения в пределах данной живой длительности, некоторым образом продолжает свое воздействие в объективном смысловом контексте, занимающем его место.

Мы можем назвать обрисованный подобным образом персональный идеальный тип *характерологическим*. Для большей наглядности сопоставим его с *поведенческим* (хабитуальным) идеальным типом. Его характерная черта заключается в том, что он отмечает alter ego более широкого окружения только в его привычной, и потому принимаемой в качестве типичной функции. Наш прежний пример с почтовыми служащими и отправителями писем может служить иллюстрацией данного типа. Почтовый служащий — это тот, кто занят доставкой письма (заметим, что прежде всего — *моего* письма). Данный идеальный тип обладает уже гораздо меньшей содержательной наполненностью, чем это было в предыдущих примерах. Типичные последовательности действий, именуемые термином «доставка письма», предполагаются в качестве безусловно данных и не вызывающих вопросов. Идеальный тип «почтовый служащий» выведен не из длительности одного-единственного индивида или ряда индивидов, с которыми я мог бы вступить в социальные отношения ближайшего окружения, он в более высокой степени анонимен, чем идеальные типы N и X. Однако при отправке письма в поле моего зрения не находится даже персональный идеальный тип «почтовый служащий», поскольку с ним связан *специфический субъективный* смысловой кон-

текст, в котором *его* замещает его поведение, например, то, что он выполняет свои действия за плату и при работе ориентируется на особые служебные предписания. Релевантным для меня оказывается лишь типичный *процесс* деятельности, т.е. манипуляции с письмами с целью их дальнейшей отправки, деятельность, с которой я соотношу относительно пустой в содержательном отношении персональный идеальный тип. Ведь при отправке письма мне вовсе не обязательно видеть почтового служащего, и я могу удовольствоваться вероятностью того, что мое письмо найдет адресата, и все равно, каким образом это будет достигнуто²³³.

В указанное понятие поведенческого типа входят и те типологические характеристики, которые используют понятия «behave» или «habit». Выделение инвариантов внешних типов поведения или процессов деятельности²³⁴, познаваемых опытным путем при наблюдении в ближайшем или более широком окружении, позволяет получить каталог типов материальных процессов, с которыми соотносятся соответствующие персональные идеальные типы. Однако в пределах самих этих процессуальных типов выделяются различные степени всеобщности: типы могут — поскольку они отражают поведенческие особенности — быть более или менее «*стандартизированными*», т.е. манеры поведения, из которых выводятся персональные типы, обнаруживают большую или меньшую степень статистической частотности. Однако идеальность основанного на подобных частотных типических характеристиках персонального идеального типа, а именно, несводимость типически обрисованных манер поведения к переживаниям сознания одного или нескольких реальных alter ego, является принципиально независимой от степени всеобщности реально отмечаемого поведения²³⁵. Зато «стандартизация» выделенного в качестве типичного поведения вполне может оказывать обратное воздействие на сформированный прежде персональный идеальный тип. В качестве примера можно упомянуть то, что Вебер называет «традиционным поведением», «массу усвоенной в жизни повседневной деятельности»²³⁶, которая уже основана на сформированном прежде персональном идеальном типе «человека привычки», а кроме того — всякое ориентированное на «действующий порядок» поведение. Для конституирования идеальных типов более широкого окружения это поведение обладает прежде всего тем значением, что «действующий порядок» работает как интерпретативная схема типа более широкого

окружения. Порядок фиксирует определенные процессы деятельности и определенные персональные идеальные типы как обязательные постольку, поскольку принимающий эти стандартные типы и ориентирующийся на них располагает большей вероятностью, что его поведение будет адекватно истолковано ориентирующимся на тот же порядок более широким окружением. Однако и любое толкование в более широком окружении «должно учитывать принципиально важный факт... что имеющиеся в головах реальных людей (не только чиновников и судей, но и простой «публики») представления, согласно которым некая норма обладает (или не обладает) действием, имеет чрезвычайно большое, порой прямо-таки определяющее каузальное значение для того, каким образом проходит деятельность реальных людей»²³⁷. Однако это беглое замечание ни в коей мере не исчерпывает вопросы действия порядка, например, чрезвычайно высокую социологическую релевантность аппарата принуждения для любого регулирующего порядка²³⁸. Для нас в данном случае важно, что и ориентированное на действенность порядка поведение представляет собой *привычное* (*habituelles*) поведение, в силу чего наше понятие привычности (*Habituellen*) оказывается несколько шире, чем в общепринятом языке.

Только что продемонстрированным персональным идеальным типам — характерологическому и хабиутуальному — которые отличаются все же еще довольно высокой мерой содержательной наполненности и низкой степенью анонимности, противостоят другие идеально-типические образования, принципиально отличающиеся более высокой степенью анонимности, хотя им все-таки может быть присущ и персональный характер. Здесь следует упомянуть так *называемые социальные коллективы*, полностью относящиеся к разряду идеально-типических понятий, принадлежащих к сфере более широкого социального окружения²³⁹.

Большой класс этих понятий охватывает совершенно гетерогенные идеальные типы с различной содержательной наполненностью. Совет управляющих некоего акционерного общества или немецкий рейхстаг представляют собой социальные коллективы с относительно высокой содержательной наполненностью, опирающиеся на относительно немногочисленные идеальные типы, предполагаемые в качестве не вызывающих сомнения. Однако речь может идти и о государстве, прессе, хозяйстве, нации, народе, классе²⁴⁰, когда эти собирательные по-

нятия превращаются в субъект вербального высказывания, словно любое единичное существительное — конституированное в идеально-типическом постижении *alter ego* более широкого окружения. Правда, такая манера выражения — всего лишь антропоморфная метафора для обозначения определенной ситуации, которая, протекая в абсолютной анонимности, совершенно не допускает обратного умозаключения относительно некоторого действующего лица более широкого окружения, для чьего сознания внешний процесс мог бы находиться в некотором субъективном смысловом контексте. «Для понимающего толкования деятельности социологией, — пишет М. Вебер, — данные образования — всего лишь процессы и контексты специфической деятельности отдельных людей, поскольку только они являются для нас понятными носителями осмысленно ориентированной деятельности... Для социологии... не существует «действующих» коллективных личностей. Когда она говорит о «государстве», или «нации», или «акционерном обществе», или о «семье», или об «армейском корпусе», или о подобных «образованиях», то она имеет в виду все же *лишь* определенно устроенный процесс реальной или сконструированной в качестве возможной социальной деятельности отдельных лиц»²⁴¹. И в самом деле, любое «действие» государства может быть разложено на деятельность его органов, которые его может постигать идеально-типически и к которым оно может обратиться в Вы-отношении как к себе подобным. В таком случае понятие государства оказывается с точки зрения социологии аббревиатурой чрезвычайно сложных напластований персональных идеальных типов более широкого окружения. Однако когда речь заходит о действующем социальном коллективе, это структурное членение принимается в качестве безусловного, не вызывающего сомнения²⁴². Тогда фактическая сторона объективных смысловых контекстов, каковыми представляются анонимные действия органов, приписывается персональному идеальному типу социального коллектива точно так же, как индивидуальная деятельность одного или нескольких индивидов приписывается типическому процессу сознания. При этом совершенно упускается из виду, что индивидуальная деятельность (одного или нескольких индивидов) хотя и может быть приписана в качестве субъективного смыслового контекста некоторому пусть и типически постигнутому процессу сознания, однако нельзя представить себе никакое сознание, для которого «деятельность» коллектива могла бы быть субъективным смысловым

контекстом. Психологические истоки данной метафоры заключены прежде всего в том, что в основе представлений о «действиях коллектива» постоянно оказываются какие-либо ценностные идеалы.

Разумеется, отказ от высказываний о персональном идеальном типе коллективов отнюдь не означает отказа от изучения данных образований как существенной социологической проблемы. Напротив: лишь социологическая теория образований может служить действенным дополнением намеченной нами ранее морфологии социального мира. Задачей подобной дисциплины был бы основанный на скрупулезном описании анализ содержащейся в понятии социального коллектива шкалы идеальных типов в их содержательной наполненности и степени анонимности. При этом существенно важным будет, например, находятся конституирующие социальный коллектив социальные индивиды в социальных отношениях ближайшего или же более широкого окружения, или на тех и других вместе. Далее предстоит изучить, каковы могут быть корректные высказывания о субъективном смысле социальных коллективов, т.е. в какой степени при этом можно иметь в виду типичные представленные переживания сознания индивидов, чьи действия и предстают действиями социального коллектива, — проблема, которая в качестве проблемы «вменяемости» имеет важное значение прежде всего для государственного и международного права²⁴³. Кроме того, следует проверить, какую функцию приобретает понятие социального коллектива как интерпретативная схема деятельности в более широком окружении поскольку ему соответствует — в силу привычной позиции, традиционной установки, представлений о действенности некоторого порядка или ценности и т.д. — стандартизованное, типически постигаемое объективное смысловое содержание, относительно которого можно предположить, что в пределах определенного круга более широкого окружения оно принимается безусловно, без вопросов и при этом не просто «принимается к сведению», а «соблюдается». Даже если понятие субъективного смысла социальных коллективов употребляется подобным корректным образом, его чрезвычайно сложная структура все еще таит в себе значительную опасность, что при его применении может произойти сдвиг проблематики, а тем самым и типологии, из-за чего возникает иллюзия трансцендентного типа поведения, а тем самым и свободы идеального типа²⁴⁴.

Сказанное относительно социальных коллективов в еще большей мере верно для тех смысловых образований, которые мы будем называть «замкнутыми знаковыми системами», например — система немецкого языка. Разумеется, и в этом случае связь между порождением и тем, кто его создал, сохраняется, а потому всегда возможно перейти от объективного смыслового контекста смыслового образования «немецкий язык» к в значительной степени анонимному и пустому в содержательном отношении персональному идеальному типу того, кто им пользуется. Зато фикция типичного сознания, для которого объективный смысловой контекст знаковой системы служил бы субъективным смысловым контекстом, т.е. фикция некоторого «объективного духа языка», должна быть отвергнута как недопустимая в данном случае метафора²⁴⁵. Оправдан ли такой подход с других точек зрения, обсуждению в данной работе не подлежит. Во всяком случае, в социальной науке для него нет места.

Нет необходимости разбирать более подробно, что подобному рассмотрению может быть подвергнут любой объект культуры. Объективному смысловому контексту идеальной предметности какого-либо культурного образования не соответствует никакой субъективный смысловой контекст некоторого alter ego. Однако он как объективный смысловой контекст, как порождение, все же отсылает к некоторому в значительной степени пустому в содержательном отношении и большой мере анонимному идеальному типу того, кто его породил. К этому идеальному типу создателя порождения я могу обратиться в установке на Вы.

Однако не только объект культуры как порождение позволяет данный переход к порождающему лицу, но и любой артефакт, и, значит, любое орудие. Однако орудие отсылает не только к тому, кто его произвел, но и к постигаемому идеально-типически пользователю, при том что оба идеальных персональных типа остаются абсолютно анонимными. Любой, пользующийся орудием должным образом, способен оказывать с его помощью типичное воздействие. Орудие — это вещь-для, оно служит некоторой цели, и ради этой цели оно и было произведено. Таким образом, орудия — результаты предшествующих человеческих действий и средства для реализации находящихся в будущем целей действий. А исходя из данного объективного смыслового контекста, из отношения средства и цели, в котором пребывает орудие, возможно, когда заходит речь о «смысле» орудия, обращение к типу пользователя или

производителя, хотя никакое чужое человеческое сознание при этом в поле зрения не возникает. На мой взгляд, недопустимо говорить о смысле орудия в том же роде, как это делается применительно к смыслу деятельности, как поступает, например, Зандер²⁴⁶.

Артефакт находится, так сказать, в конечной точке ряда анонимизации, в котором выстраивается типизация более широкого социального окружения. Начав с самоданности индивидуального процесса сознания в Ты-отношении ближайшего окружения, от которой получает свое исконное и подлинное право любая идеально-типическая конструкция, мы исследовали на примерах характерологического и поведенческого идеального типа, социального коллектива, объекта культуры и, наконец, орудия лишь немногие ступени конкретизации идеально-типического Вы-отношения, чтобы лишь через эти частные случаи проследить нарастающую анонимизацию, сопровождающуюся прогрессирующим содержательным опустошением.

§ 40. Социальное отношение более широкого окружения и наблюдение в более широком окружении

Подобно тому, как социальное отношение ближайшего окружения основано на чистой установке на Ты, социальное отношение более широкого окружения опирается на чистую установку на Вы. Тем самым понятие социального отношения претерпевает в области более широкого окружения специфическую модификацию. Если социальное отношение ближайшего окружения состоит в сцеплении поддерживающих друг друга движений меняющего угол зрения взгляда на сознание Ты, то для состоящего в социальном отношении более широкого окружения взаимная соотнесенность, в силу которой Ты переживается как самость, вообще не является очевидной. Для него социальное отношение более широкого окружения заключается в простом шансе, что типически уловленный в анонимности Вы партнер окажется, в свою очередь, обращенным к нему в установке на Чужого. Таким образом, он переживает наличие социального отношения не как обращенное к своему ближайшему окружению его, в живой очевидности, **а лишь предполагает его в качестве гипотезы.**

Когда я, садясь в поезд, ориентируюсь на то, что определенные люди, запуская определенные каузальные цепочки,

будут способствовать достижению мной цели — переменить свое местоположение, — то я оказываюсь с этими людьми, т.е. с железнодорожниками, в социальном отношении более широкого окружения потому, что, как подсказывает и имеющийся в моем опыте *тип* «железнодорожника», дело этих лиц — позаботиться о том, чтобы «люди вроде меня», т.е. пассажиры, доставлялись в нужном направлении. Таким образом, для социального отношения более широкого окружения характерно не только то, что я ориентируюсь в своем поведении на предполагаемое чужое типичное поведение, но и то, что я при этом предполагаю, что *тот самый персональный идеальный тип alter ego более широкого окружения*, т.е. железнодорожник, «ориентируется», *в свою очередь*, на мое поведение как типичное, если я вообще веду себя соответственно идеальному типу, имеющемуся для меня в его опыте, т.е. как пассажир. Ситуация осложняется еще и потому, что этот опыт alter ego более широкого окружения, а тем самым и персональный идеальный тип, каким я ему представляюсь, в то же время предполагается мной в качестве типичного для alter ego и т.д. *Таким образом, в социальном отношении более широкого окружения я столь же анонимен для моего партнера, как и он для меня.* И он замечает меня лишь в установке на Вы (как пассажира), соответствующим образом ко мне относясь, для чего и я с той же целью должен проявлять деятельность, типичную для людей вроде Вас (т.е. для Вас пассажиров)²⁴⁷.

Таким образом, я также предстаю перед партнером моего Вы-отношения более широкого окружения не как некоторая самость, как я сам. Тот факт, что я предполагаю наличие некоторого Вы-отношения, значит всего лишь, что я ожидаю от своего типически воспринимаемого партнера в более широком окружении способности в свою очередь также типически замечать и толковать мою деятельность, направленную на него.

Итак, Вы-отношение более широкого окружения заключается в субъективном шансе того, что интерпретативная схема, которую я приписываю моему партнеру, воспринимаемому как персональный идеальный тип, будет конгруэнтным образом использована этим самым alter ego, для которого я, в свою очередь, являюсь лишь персональным идеальным типом. Поэтому вместо многократного рефлектирующего отражения поддерживающих друг друга взглядов, направленных на переживания alter ego в социальном отношении ближайшего окружения, в социальном отношении более широкого окружения рефлексия направлена на об-

щую для обоих партнеров схему типизации. Эта схема принципиально не верифицируема, так как alter ego более широкого окружения бывает дано мне лишь опосредованно, и никогда — непосредственно. А потому чем больше вменяемая мной партнеру интерпретативная схема *стандартизирована*, чем больше эта схема согласуется с интерпретативными схемами, «*нормируемыми*» правом, государством, традицией и порядками разного рода, или чем больше она включена в отношение цель-средство, короче, если воспользоваться термином Вебера, чем *рациональнее*²⁴⁸ интерпретативная схема, тем выше мой субъективный шанс, что на мою осуществляемую в установке более широкого окружения деятельность последует адекватная реакция со стороны моего партнера.

Описанное подобным образом конституирование социального отношения сопровождается важными следствиями.

Прежде всего, вероятностный характер социального отношения в более широком окружении приводит к тому, что суждение относительно его существования либо не-существования может быть верифицировано лишь *ex post*. Поэтому адекватность изначально установленного персонального идеального типа, и при том как его смысловая, так и его каузальная адекватность верифицируется, в отличие от полученного в самоданности опыта телесно постигаемого Ты в социальном отношении ближайшего окружения, не синхронно, а лишь в новом опытном акте *ex post*. Из этого следует, далее, что я могу рассчитывать на чужие мотивы-для и мотивы-потому-что в условиях социального отношения более широкого окружения лишь постольку, поскольку они вставлены в конструкцию персонального идеального типа как инвариантные и постоянные мотивы. Правда, я включаю мотивы-потому-что alter ego более широкого окружения в «для-того-чтобы» своего замысла, когда в установке на Вы более широкого социального окружения обращаюсь к какому-либо персональному идеальному типу как партнеру, исходя из наличия вероятности, что его интерпретативная схема «меня как идеального типа» адекватна моей интерпретативной схеме «его как идеального типа». Так, например, когда я приношу на почту письмо, чтобы его отправить, то для почтового служащего то обстоятельство, что перед ним оказывается это письмо, подлежащее отправке, несомненно представляет собой подлинный мотив-потому-что для последующих манипуляций. При этом для сферы более широкого окружения оказывается недейственным верное для отношения воз-

действия в ближайшем окружении положение, что мой мотив-для просто может быть перетолкован как чужой мотив-потому-что. Даже если принять, что ожидаемая мной как вероятная конгруэнтность идеально-типической схемы, используемой мной, схеме, *используемой моим партнером*, может быть надежно проверена в последующем опытном акте, то и в этом случае нет никакой уверенности, обращался ли вообще мой партнер при ориентации своей идеально-типической деятельности на некоторое «для-того-чтобы» к своим мотивам-потому-что, но даже если и обращался, то неизвестно, соответствует ли этот мотив-потому-что типичному мотиву-для, присущему в качестве постоянного и инвариантного мотива-для тому персональному идеальному типу, каковым я представляюсь моему обращенному ко мне в установке на Вы партнеру. Все это с неизбежностью вытекает из опосредованности моего опыта относительно более широкого окружения. Таким образом, в социальном отношении более широкого окружения место взаимной установки партнеров в самоданности занимает взаимная соотнесенность взаимных гипотетически предполагаемых идеально-типических конструкций и инвариантно установленных в них мотивов. И у этого обстоятельства имеются соответствующие следствия.

В то время, как в социальном отношении ближайшего окружения опыт alter ego подлежит, в силу общего опыта Мы, постоянному изменению и расширению, в социальном отношении более широкого окружения это имеет место лишь в модифицированном виде. Разумеется, опыт более широкого окружения может быть расширен, он обогащается с каждой прибавкой опыта не только относительно более широкого социального окружения, но и социального мира вообще. Кроме того, идеально-типическая схема, приводящая к конструированию Вы, подвержена постоянным мутациям из-за смещения в диспозиции интересов, с которой я могу обращаться к «тому же самому» Вы. *Однако диапазон этих мутаций чрезвычайно узок, пока сохраняется изначальная постановка проблемы, а тем самым и зафиксированная ею особая идеально-типическая конструкция.* В то же время, с каждым изменением диспозиции интересов и тем самым проблематики наступает и смена идеального типа, которого касается мое понимание в более широком окружении.

Как уже неоднократно отмечалось, Я изначально наделяет Ты лишь той средой, которая принимает указатель от соответствующей среды Я. Однако если в социальном отношении

ближайшего окружения это среда чистого Мы и потому я действительно могу полагать, что воспринимаемое мной во всех оттенках модификаций также воспринимается и тобой, и я могу договориться со своим alter ego ближайшего окружения о верности данного предположения путем указания на «вот этой», то в социальном отношении более широкого окружения о тождестве среды alter ego и моей явно не может быть и речи. Тем не менее, я склоняюсь к тому, чтобы отождествлять среду Ты, как я ее себе представляю, если не со своей собственной средой, то с характерными чертами моих представлений о моей среде. Однако если я, находясь в социальном отношении ближайшего окружения, могу сказать, что утверждение, согласно которому каждому самоистолкованию моего переживания эквивалентно каждое самоистолкование твоего переживания, обладает высокой степенью вероятности, то *предположение, будто интерпретация мира вообще у моего партнера по социальному отношению в более широком окружении адекватна моей интерпретации, в принципе не имеет надежного основания.*

Однако в мою среду (в употребляемом нами смысле данного термина²⁴⁹) входят также и заданные *мне знаковые системы*, которыми я пользуюсь в Вы-отношении более широкого окружения как схемами выражения и интерпретативными схемами. Здесь вновь обнаруживается, сколь значима для конституирования соответствующих ступеней конкретизации Вы-отношения степень анонимности и насколько тесная связь существует между ней и поступательной заменой субъективных смысловых контекстов Ты-отношения ближайшего окружения системой объективных смысловых контекстов в более широком окружении. Чем более анонимным остается для меня партнер, тем более «объективным» должно быть употребление знака. Например, я не имею права предполагать, что мой партнер располагает сведениями относительно особого значения, которым я наделяю употребляемое слово, как и относительно смысловых контекстов более высокого порядка, в которые входит для меня частный контекст, если только я не делаю эксплицитных заявлений об этом смысловом контексте более высокого порядка. Во всяком случае, очевидное свидетельство понятости Другим *в момент полагания знака* отсутствует, а потому отсутствует и возможность коррекции, более того, в полном смысле слова — невозможным оказывается *вопрос* к alter ego вообще. Ведь вследствие опосредованности всякого опыта относительно alter ego более широкого окружения задан-

ность знаков находится в тесной связи с возможностью обращения вопроса к Вы. Всякий опыт относительно Вы достигается вообще лишь с помощью определенных знаков, в свою очередь, находящихся в некотором объективном контексте. При этом я предполагаю, что знаковая система, употребляемая мной в качестве схемы выражения, доступна моему опознанному как типу партнеру по социальному отношению более широкого окружения в качестве интерпретативной схемы, так же как я, в свою очередь, полагаю, что использованные партнером в качестве схемы выражения знаковые системы использованы именно «в том смысле», в каком я их употребляю в качестве интерпретативной схемы. Если, следовательно, в социальном отношении более широкого окружения и может вообще идти речь о возможности обращения вопроса к партнеру, то понимать под этим следует лишь соотношенность с общей интерпретативной схемой, верифицируемой лишь задним числом в актах опыта, скажем, посредством другой, уже верифицированной интерпретативной схемы. Возможность вопроса как в ближайшем окружении, где я в силу подлинной синхронности живого Мы способен со-переживать процессы конституирования в чужом сознании, в данном случае отсутствует. Правда, социальное отношение более широкого окружения, обнаруживающее относительно низкую степень анонимности, через различные промежуточные ступени может быть преобразовано в социальное отношение ближайшего окружения. Однако тогда вопрос оказывается возможным уже в ближайшем, а не более широком окружении²⁵⁰.

Продемонстрированное в сфере ближайшего окружения различие между наблюдением и жизнью в социальном отношении в более широком окружении оказывается смазанным из-за того, что состоящий в социальном отношении в этой сфере не сталкивается с телесным Ты, на чьи процессы сознания в длительности он мог бы обратить свой взгляд, а имеет дело лишь с лишенным временных параметров, или, лучше сказать, с наделенным воображаемой длительностью Вы. В социальном отношении более широкого окружения партнер находится для действующего в Вы-связанности, так же как и при наблюдении в более широком окружении действующие — для наблюдателя. Однако при наблюдении социального отношения в более широком окружении используемый наблюдателем персональный идеальный тип с необходимостью отличается от того типа, которым пользуются состоящие в социальном отно-

шении более широкого окружения. Ведь идеальный тип, как мы доказали, является функцией диспозиции интересов того, кто его конституирует, и причем конституирует исключительно с тем, чтобы получить возможность увидеть монотетически постигнутый объективный смысловой контекст как субъективный смысловой контекст alter ego. При этом опытный контекст наблюдателя социального мира никоим образом не совпадает с опытным контекстом действующего, точно так же и его диспозиция интересов является радикально иной. Идеальный тип, очерченный наблюдателем для участника социального отношения, может быть более или менее содержательно наполненным, более конкретным или более формализованным, с большей или меньшей степенью анонимности, чем тот идеальный тип, который состоящий в социальном отношении рисует для своего партнера. Однако с необходимостью он будет иным.

Может случиться, что наблюдателя некоторого социального отношения более широкого окружения прежде всего интересуют конституирующие это отношение переживания сознания одного или обоих действующих, или же сам процесс данного социального отношения. В первом случае наблюдатель сконструирует или извлечет из запаса своего опыта подходящий идеальный тип, наделенный теми переживаниями сознания, которые пришлось бы наблюдать на себе любому при вступлении в подобное социальное отношение более широкого окружения. Затем наблюдатель «отождествляет» себя с этим идеальным типом, наполняет его своей жизнью, воображая, что сам оказался в подобном социальном отношении более широкого окружения. Теперь он в состоянии на себе самом ощущать все типичные процессы, которые может ощущать любой находящийся в подобном социальном отношении более широкого окружения ex definitione идеального типа. Так, наблюдатель обретает способность высказываться о сущности данного отношения и взаимной соотнесенности соответствующих идеально-типических схем. И это возможно для него с тем большей легкостью, поскольку он никогда не был просто наблюдателем, но и сам всегда оказывался вовлеченным в бесконечное множество социальных отношений ближайшего и более широкого окружения, может быть, даже в социальное отношение ближайшего или более широкого окружения с предметом своего исследования, т.е. самим действующим. Все это верно и для того частного случая, когда наблюдатель некоторого социального отношения более широкого окружения обращен к од-

ному из партнеров, связанных данным отношением, в установке на Ты ближайшего окружения.

При этом существует немалая опасность того, что по наивности сконструированный наблюдателем идеальный тип будет подменять идеальный тип, сконструированный действующим, и наоборот. Такая опасность оказывается особенно серьезной тогда, когда наблюдатель не обращен к действующему в установке на Ты ближайшего окружения, а чужое поведение просто наблюдается в более широком окружении вообще. В этом случае нет возможности сопоставить эти два идеальных типа: ведь и действующий оказывается для наблюдателя более широкого окружения идеальным типом, а приписываемый идеально-типически постигнутому идеальным типом партнера является, так сказать, идеальным типом второго порядка и т.д. И этот идеальный тип действующего выводится из его типичных действий, в данном случае — из ориентации на идеальный тип партнера. В результате может возникнуть напластование совершенно различных измерений идеально-типического поведения, в конечном итоге проистекающих из проблематики наблюдателя и соответствующей диспозиции его интересов.

Это обстоятельство имеет особое значение для методики *любой* эмпирической социальной науки, поскольку она находится в позиции наблюдателя в более широком окружении. Ее идеально-типический понятийный аппарат подчиняется законам смысловой адекватности и каузальной адекватности, которые еще предстоит обсудить. Для понимающей социологии к этому добавляется еще один постулат: осуществлять конструирование типических моделей сознания к заданным идеально-типическим процессам социальных отношений таким образом, чтобы выработанный социологом персональный идеальный тип действующего оставался совместимым с тем персональным идеальным типом, которым пользуется его партнер по социальному отношению более широкого окружения. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот постулат может быть трансформирован в постулат смысловой адекватности. Ведь в этой ситуации действует положение, согласно которому конструирование идеального типа состоящих в некотором социальном отношении более широкого окружения (или типа самого этого отношения) оказывается адекватным в смысловом отношении лишь тогда, когда каждый начертанный таким образом тип процессов сознания остается совместимым с конституированным в качестве типичного процессом сознания соответствующего партнера.

Хорошим примером, иллюстрирующим вышесказанное, является социология права, которая, желая действовать описательно, сталкивается с большими трудностями потому, что пытается интерпретировать взаимные социальные отношения более широкого окружения между законодателем и толкователем закона, между тем, кто закон применяет, и тем, к кому этот закон применяется, между правоведом-догматиком и практиком правовой деятельности и т.п., исходя из субъективно подразумеваемого смысла данных персон, но при этом произвольно смешивает идеальные типы, рассматриваемые каждым из этих лиц в качестве партнера, с соответствующими типами, созданными социологами права. Однако первоначальное намерение может принести удачу лишь в том случае, если социолог права либо заранее примет точку зрения, исходя из которой формируются идеальные типы, т.е. если он отождествит себя с одним из «действующих» лиц правовой жизни, принимая в этом случае и его идеально-типическое толкование своих партнеров в качестве инвариантного; либо если будут указаны специальные методы, позволяющие переводить одни интерпретативные схемы в другие. Правда, в первом случае формирование типов будет варьироваться в зависимости от того, какое из типичных правовых действий будет исходной точкой всего анализа (законодательство, применение правовых норм, действия судьи, адвоката, партнера по договору и т.п.). Во втором случае формирование типов социологом должно быть проведено на более общем уровне и снабжено указанием принципа варьирования, по которому отдельные интерпретативные схемы могут быть выведены из общего типа. Особой проблематике, связанной с наблюдением более широкого социального окружения социальной *наукой*, посвящена пятая часть данного исследования.

Е. Понимание мира предшественников и проблема истории

§ 41. Проблема прошлого в социальном мире

Наши подробные исследования способов понимания, используемых в ближайшем и более широком окружении, позволяют нам рассмотреть проблему понимания мира предшественников довольно кратко. Прежде всего, важно определить исход-

ные точки для постановки данной специфической проблемы в ближайшем и более широком окружении. Когда я пережил установку на Чужого в ближайшем или более широком окружении и воспроизвожу эти отошедшие в прошлое переживания в памяти, воспроизведение этих переживаний (как и всякое воспроизведение вообще) может происходить либо как повторяющееся воспоминание, в котором переживание полностью реконструируется в его протекании, либо простым схватыванием, когда вспоминаемое охватывается *одним* взглядом. Однако в воспроизведении завершившегося переживания ближайшего или более широкого социального окружения всегда сохраняется соответствующий — идущий от ближайшего или более широкого окружения — характер пережитого, со всеми его специфическими признаками и отметинами, с его опорой на подлинную установку на Мы или установку на Вы, с его интенциональностью, направленной на телесное Ты или на персональный идеальный тип: дело только в том, что все эти переживания и интенциональности в воспоминании наделяются характером прошедшего. Следствием этого является, прежде всего, то, что я обращен к ним в других модификациях внимания, нежели в моих актуальных переживаниях. Но и без того мои переживания ближайшего и более широкого окружения претерпели значимую модификацию: то, что в актуальном переживании было пустым ожиданием и открытым предположением, получило наполнение и осуществилось; то, что в актуальном социальном отношении носило характер вероятности, и прежде всего поведение партнера, на которое ориентировалась моя деятельность, потеряло этот вероятностный характер, как только партнер повел себя согласно ожиданиям или иначе, как только мой замысел оказался реализованным или не реализованным в зависимости от его поведения. То, что в замысле содержалось *modo futuri exacti*, задуманное как *подлежащее* завершению *в будущем, теперь*, когда я воспроизвожу существовавший в прошлом замысел, завершилось, само задуманное носит абсолютный временной характер *modus praeteriti* или (в виде исключения и всегда в размытой форме) *modus praesentis*, и при монотетическом обращении все эти временные характеристики оказывают обратное воздействие на замышляемое в воспроизводимом замысле. Однако и при политическом повторном прослеживании внимание обращено на реальное осуществление или не-осуществление, так что воспроизведение замысла происходит исходя из реально осуще-

ствленного или же я констатирую отклонение реальных событий от замысла, например: «хотел я вот этого, достиг же только вот того». Но то, что я вообще обращаю свой взгляд на завершившиеся переживания социального мира, как и то, на какие из переживаний я его направляю, обусловлено моей специфической *attention à la vie*, моей диспозицией интересов и проблематикой в соответствующих Сейчас и Так.

Все эти проблемы были подробным образом рассмотрены в соответствующих разделах данного исследования, и здесь нет нужды повторяться.

Нам же следует продемонстрировать, что граница области социального мира предшественников, отделяющая ее от ближайшего и более широкого окружения, имеет весьма размытый характер. Ведь при соответствующем смещении угла зрения я могу истолковать свои завершенные и воспроизводимые в памяти переживания ближайшего или более широкого окружения как переживания своего социального мира предшественников. Однако и в этом случае сохранилась бы подлинная синхронность контекстных Мы-связей или Вы-связей, в которых конституируются сами переживания. Все еще был возможен взгляд на фундаментальное построение завершенного политического фаз в сознании Ты или Я в некотором субъективном социальном контексте, при этом каждому Сейчас и Так того Ты, которое воспринималось в модусе Мы или Вы, может быть поставлено в соответствие также завершенное Сейчас и Так собственной длительности.

Зато область *чистого мира предшественников* отмечена критерием, согласно которому переживаниям сознания alter ego мира предшественников не могут быть соотнесены с какими либо Сейчас и Так моей длительности в подлинной синхронности. Ведь мир предшественников был и прежде моего рождения. Но тем самым уже определена и его сущность. *Мир предшественников по сути своей завершен и находится в прошедшем, причем в прошедшем «целиком и полностью».* Он не обнаруживает никого горизонта будущего. В конкретном поведении мира предшественников нет ничего, что было бы *неопределенным, отнесенным на потом*, способным к осуществлению или неосуществлению. Поэтому поведение мира предшественников никогда не может находиться в модусе ожидания, оно всегда оказывается в модусе осуществления. Мир предшественников, в отличие от ближайшего окружения и в некоторой степени — более широкого окружения, *не является свободным и не может быть*

мыслим свободным. Нет нужды, как в отношении более широкого окружения, определять инварианты мотивов и процессов²⁵¹, прибегая к конструированию типического: *мир предшественников принципиально и по сути своей инвариантен, он завершен и сбывается.* Однако это в то же время значит, что в отношении мира предшественников возможны все виды *установки* на Чужого, но никогда — *воздействия* на Чужого. Так же и разговор об «*ориентировании*» собственных действий на поведение мира предшественников уместен лишь тогда, когда слову «ориентирование» придается иное значение, чем в приложении к ближайшему или более широкому окружению. Ориентированность поведения на мир предшественников означает, что преждепрошедшие переживания мира предшественников modo plusquamperfecti толкуются как подлинные мотивы—потому-что актуального поведения. *Таким образом, ориентированное на мир предшественников собственное поведение никогда не бывает воздействием на Чужого, а лишь обусловленным воздействием Чужого поведением* в смысле данного ранее определения²⁵². Сюда же относится и выделенная Вебером в качестве особой категории деятельности традиционная деятельность.

Следовательно, мы не сможем, как это делалось при анализе ближайшего и более широкого окружения, проводить применительно к миру предшественников четкое различие между *социальным отношением и наблюдением.* О подлинном социальном отношении в этой сфере речи быть не может. То, что представляется социальным отношением к миру предшественников, может быть разложено на односторонние акты установки на Чужого. Примером подобной подлинной установки на Чужого может служить культ предков, встречающийся у некоторых народов. Об отношении воздействия применительно к миру предшественников речь также может идти лишь постольку, поскольку поведение, осуществленное в мире предшественников, воспринимается как воздействие на Чужого, которому, однако, со стороны мира последователей отвечает не более чем отношение установки. Простым примером этого может служить завещание, при составлении которого соответствующее лицо хотя и ориентируется на будущее поведение наследников, однако само это поведение, в свою очередь, соотнесено с поведением составителя завещания лишь в силу обусловленности чужим воздействием.

Только что описанные существенные свойства установки на Чужого применительно к миру предшественников находят со-

ответствие в особом модусе, в котором нам вообще дан опыт мира предшественников. Подобно нашему знанию о более широком окружении, знание о мире предшественников прежде всего получается из коммуникативных актов наших alter ego ближайшего и более широкого окружения, содержанием которых являются собственные давние переживания сообщаемого лица (например, детские воспоминания моего отца), либо переживания его прежнего ближайшего или более широкого окружения. При этом ясно обнаруживается, что между ближайшим и более широким окружением, с одной стороны, и миром предшественников — с другой, возможны плавные переходы. Ведь мой отец, рассказывающий мне свои детские воспоминания, состоит со мной в отношении ближайшего окружения, и его переживания, относящиеся ко времени до моего рождения, все еще остаются переживаниями alter ego моего ближайшего окружения, хотя на них и лежит печать прошлого; в то же время, они принадлежат моему миру предшественников, поскольку я не в состоянии соотнести Сейчас и Так, в которых alter ego моего ближайшего окружения все это переживал, ни с каким Сейчас и Так моей собственной длительности. Так же и прежнее ближайшее или более широкое окружение alter ego, к которому я обращен в установке на Ты или на Вы, оказывается моим миром предшественников, однако его опыт я черпаю все еще из прошедших переживаний моего ближайшего или более широкого окружения, я познаю мир предшественников все еще через посредство установки на Ты или установки на Вы, в которой я обращен к сообщаемому, а сообщенные переживания представляются мне переживаниями сообщаемого, включенными в его субъективный смысловой контекст.

Другим источником опыта мира предшественников служат *документы и памятники* в самом широком смысле, свидетельствующие о нем. Этим порождениям регулярно присущ знаковый характер, причем все же принципиально безразлично, происходило ли полагание данного знака ради того, чтобы он толковался нами, т.е. миром последователей, или же знак употреблялся исключительно с оглядкой на заданное употреблявшему лицу более широкое окружение.

Нет необходимости более подробно объяснять, что наша позиция по отношению к миру предшественников может проходить различные ступени конкретизации и актуализации. Это и так уже очевидно из обрисованной структуры специфическо-

го опыта мира предшественников. Ведь поскольку источником моего опыта мира предшественников являются коммуникативные акты моего ближайшего и более широкого окружения, то действующие в этих сферах критерии близости переживания и содержательной наполненности могут быть перенесены и на мир предшественников. Правда, близость переживания и содержательная наполненность установки на Чужого применительно к миру предшественников получаются, так сказать, из вторых рук, потому что зависят от того, насколько близкими были переживания и содержательная наполненность при установке на Ты (ближайшее окружение) или установке на Вы (более широкое окружение) у того, кто переживал alter ego, относящееся для меня к миру предшественников, как alter ego ближайшего или более широкого окружения, а кроме того, зависят от степени близости переживания и содержательной наполненности, в которых я сам обращен к сообщаемому лицу.

Поскольку знание о мире предшественников задано нам в употребленных некоторым образом знаках, то сами эти знаки как таковые, как и то, что они обозначают, оказываются изначально анонимными и лишенными всякой длительности. Но так как всякий знак — знак употребленный, то обращение к субъективному смыслу полагающего знак и к политически выстраиваемым эту деятельность в процессе ее длительности актам оказывается возможным в любое время. Правда, политические акты полагания относящегося к миру предшественников Ты могут постигаться лишь квазисинхронно, т.е. полностью конституированные и заданные моей интерпретации опытные предметности, служащие свидетельством процессов сознания alter ego мира предшественников, должны быть разложены на акты полагания, отложениями (Sediment) которых они являются, и предстать в воображении как протекающие синхронно актам интерпретации. При этом полагающий знаки вовсе не обязательно должен быть предметом исторического исследования, скорее это исключение. Однако исторические источники указывают на ближайшее или более широкое окружение, и именно это является источником соответствующей меры содержательной наполненности того, о чем свидетельствуют знаки. Подобно тому как мое более широкое окружение может складываться из сообщенных мне переживаний принадлежащего моему ближайшему окружению alter ego о его ближайшем окружении, подобно тому как я сквозь сообщенные знаки и вывода за скобки процессы сознания сообщаемого-

го могу взглянуть на чужое ближайшее окружение как на свое более широкое окружение, так же я могу разложить имеющиеся в моем распоряжении знаки мира предшественников на квазисинхронные процессы сознания alter ego мира предшественников и, выведя за скобки его процессы сознания, устремить взор на ближайшее и более широкое окружение полагавшего знаки, на предмет сообщения как на мой мир предшественников.

Таким образом, мир предшественников всегда и при всех обстоятельствах является чужим ближайшим и более широким окружением, обнаруживая, соответственно, такие же градации близости переживания и содержательной наполненности, как и наше собственное более широкое окружение. А поскольку опыт относительно мира предшественников всегда опосредован, то и alter ego мира предшественников, как и alter ego более широкого окружения может быть постигнуто лишь идеально-типически. Правда, с одной существенной модификацией.

Дело в том, что alter ego мира предшественников окружено средой, радикально отличной как от моей среды, так и от среды, которую я приписываю своему более широкому окружению. При наблюдении в ближайшем или более широком окружении некоторое ядро, пусть лишь смутно очерченное, служащее исходной точкой типизирующей интерпретации, является общим для ego и alter ego в модусе Мы или в типизирующей персонификации Вы. Так, например, идеальному типу более широкого окружения «мой современник вообще» может быть приписан в качестве изначально заданного определенный опытный контекст, который можно обозначить термином «культура нашего времени», столь же размытым, сколь и нуждающимся в прояснении. Контекст опыта, исходя из которого жившее в мире предшественников alter ego осуществляло свои феномены полагания и интерпретации, все же принципиально иной, нежели заданный нам опытный контекст более широкого окружения вообще или принадлежащей ему культуры в целом. Соответственно, и смысловой контекст, в который включало свои переживания alter ego мира предшественников, был принципиально иным, нежели смысловой контекст, в который alter ego более широкого окружения включило бы «то же самое» переживание. А поскольку переживание alter ego мира предшественников находилось для него в другом смысловом контексте, то оно и не было «тем же самым». Зато можно утверждать, что это переживание alter ego мира предшественников может быть истолковано нами в его процессуальности (как и от-

ношение переживающего к нему), исходя из нашего опыта человеческого переживания *вообще*, служащего в данном случае смысловым контекстом. «Однородность и нерушимое единство законов природы и человеческой души... являются причиной того, что события самого отдаленного прошлого при стечении отдельных внешних обстоятельств могут повториться в настоящем; следовательно, исходя из новейших явлений, доступных нашему непосредственному наблюдению, можно делать обратные заключения относительно событий, теряющихся в доисторических временах, проливая на них некоторый свет», — говорит Шиллер²⁵³. То, что Шиллер на языке своего времени именует нерушимым единством человеческой души, может быть истолковано как совокупность нашего опыта относительно сущности человеческого переживания вообще, с необходимостью трансцендирующей наши опытные данные о нашем ближайшем и более широком окружении, а также об общем контексте нашей культуры.

Из этого следует, что наша интерпретация мира предшественников с необходимостью опирается на иные интерпретативные схемы, нежели те, которыми должен был пользоваться мир предшественников в случае самоистолкования. Совпадение самоистолкования моего переживания с самоистолкованием переживаний alter ego мира предшественников представляется весьма ненадежным и в гораздо большей степени носит вероятностный характер, чем равенство моей среды и среды более широкого окружения. Это положение имеет силу даже для объективных знаковых систем, которым принадлежат знаки, посредством которых я добываю опыт относительно мира предшественников. Разумеется, данные знаковые системы являются замкнутыми, полностью конституированными и потому не подвержены вариациям. Однако та схема, которая для актов полагания в мире предшественников была схемой выражения, а для нас, мира последователей, должна быть интерпретативной схемой, совсем не обязательно должна быть нашей схемой выражения. Таким образом, в любом случае как раз наша адекватная интерпретация схемы выражения мира предшественников остается ненадежной и обладающей вероятностным характером. В качестве примера достаточно будет напомнить о дискуссии относительно того, каким образом из данной нам знаковой системы нотной записи может быть извлечена «правильная», т.е. соответствующая авторской интенции, интерпретация произведений Иоганна Себастьяна Баха.

История философии также богата контрверсами, связанными с вопросом о том, какое значение следует вкладывать в термин какого-либо из философов мира предшественников. Данные проблемы интерпретации, возникающие перед лицом знаков мира предшественников, не сравнимы с вероятностным характером интерпретации знаков более широкого окружения. Дело ведь не просто в том, что по сути alter ego мира предшественников мы не можем задать ему вопроса, отсутствует ли возможность верификации проведенной интерпретации в последующем социальном отношении ближайшего окружения, как это всегда имеет место — по крайней мере в принципе — при социальном отношении или наблюдении более широкого окружения.

Кроме того, наш опыт мира предшественников является принципиально завершенным и замкнутым, поскольку нет возможности утверждать, будто его постоянно обогащает свой опыт alter ego мира предшественников, как это можно утверждать относительно alter ego ближайшего окружения. Однако и расширение опыта посредством прирастающей типизации объективных смысловых контекстов, характерное для установок на Чужого в более широком окружении, касается опытного познания мира предшественников лишь с тем ограничением, что при этом обнаруживается материал, до того более или менее случайно не известный нам. Однако эта предпосылка является чисто технической и не носит сущностного характера.

Для исторической науки из этого вытекает важная задача: определить, какие события, действия, знаки и т. п. следует выбрать из заданного нам мира предшественников и подвергнуть научной интерпретации, чтобы конституировать факт истории. Уже дискуссия Макса Вебера с Эдуардом Мейером²⁵⁴ принесла некоторое прояснение данной проблемы, а позднее дебаты, посвященные историзму, выдвинули эту тему на первый план общественного интереса. Мы же ограничимся следствиями из только что очерченного здесь представления о мире предшественников.

Как и любая другая постановка проблемы, постановка проблемы историком зависит от тех мотивов, которые мы проанализировали под рубрикой диспозиции интересов. Однако и диспозиция интересов историка зависит от его соответствующих Сейчас и Так, а потому от его *attention à la vie* и специфических модификаций внимания, в которых он обращен не только к миру предшественников, но и к более широкому окружению. Подобно тому как индивид взирает из различных точек своей

длительности на свои прошедшие переживания в разнообразных, не сопоставимых одна с другой модификациях внимания, так и историк рассматривает свой предмет, исходя из совокупности своего опыта относительно «социального мира вообще», претерпевая при этом различные модификации внимания. Вследствие этого изменение смысловых контекстов порождает все новые типы, причем новые процессуальные и новые персональные типы «все тех же» фактических данных. При этом в совокупность опыта историка относительно социального мира вообще входит также его опыт, связанный с более широким окружением, или, как можно было бы еще сказать, опыт культурного контекста его времени, а также весь научный и донаучный опыт относительно мира предшественников вообще. Исходя из всего этого, он и обращается назад, к заданной ему исторической проблеме и занимается восстановлением происшедшего исходя из зафиксированных процессов. Однако он делает это адекватно в смысловом отношении, т.е. следуя постулату, согласно которому его конструкции должны быть совместимы с его общим опытом, со всем его предварительным знанием о мире предшественников вообще и о мире вообще. Историзм, следовательно, оправдан постольку, поскольку релевантность исторического, соотнося его с соответствующими Сейчас и Так историка. Он необоснован тогда, когда он, выходя за пределы сферы мира предшественников, воображает, будто может растворить также и вневременные (вернее: сверхвременные) категории идеальных предметностей в исторических категориях. И если он делает это, то тогда подвергает сомнению и сам объективный смысловой контекст, т.е. именно ту интерпретативную схему, которая, дистиллированная из предварительного знания о мире предшественников, единственно и обеспечивает толкование мира вообще²⁵⁵.

Можно также задаться вопросом, какие действия были релевантны для самого действовавшего в мире предшественников и для его ближайшего или более широкого окружения. Однако такая постановка вопроса лишь загоняет проблему вглубь, не решая ее. Ведь если историк стремится установить, какие действия представлялись в некоторый исторический период релевантными для действующего или его современников, он уже должен обратиться к его подлинным мотивам — потому что, исходя из которых эта деятельность считалась релевантной. Но подлинные мотивы — потому что установимы лишь *modo plusquamperfecti*. Когда историк обращается к ним, он импли-

цитно предполагает, что мотивировка, т.е. целеполагание, ему уже известна. Однако историк может определенным образом отождествить себя с alter ego мира предшественников до осуществления действия и задаться вопросом о возможных замыслах, которые действующий мог бы разрабатывать в данной ситуации, или, в более общем виде, историк в состоянии поставить вопрос, каков был бы ход исторических событий, если бы событие А не состоялось, или состоялось бы не в то время и не тем образом, а вместо него состоялось бы событие В. Но какие имплицитные предпосылки лежат в основе подобного вопроса? Историк знает в момент постановки вопроса замысел, которым руководствовался действующий, поскольку тогда и так совершенное реальное действие воплотило его в жизнь. Кроме того, он знает ход исторических событий вплоть до Сейчас и Так момента постановки своего вопроса. Располагая всеми этими знаниями, он отправляется в момент до осуществления выбора, или до наступления события А и задается вопросом, вроде бы исходя из опыта относительно мотивов-потому-что действующих лиц в момент замысла, о возможных замыслах, соотносимых с данными мотивами. Со сходной постановкой вопроса мы уже сталкивались при рассмотрении проблемы выбора действия вообще²⁵⁶. Как мы при этом выяснили — и это было подтверждено и нашим анализом подлинного мотива-потому-что, — мнимый выбор между двумя возможностями и мнимое действие согласно заданным готовым подлинным мотивам-потому-что представляют собой не что иное, как толкование ex eventu. Подлинный мотив-потому-что может быть выявлен лишь исходя из опыта последовательности исторических событий вплоть до непосредственной современности, исходя из этого же опыта оценивается и релевантность события А для последующего облика исторических процессов. Этим же объясняется, что есть только история прошлого, но не современности. В то время как в современности все является чистым процессом, всякая деятельность и всякий замысел свободны, и в самой деятельности внимание совершенно не обращается на подлинные мотивы-потому-что, прошлое по сути своей не свободно, не обладает вероятностным характером, а подлинные мотивы всякой деятельности, по крайней мере в принципе, в любой момент могут быть обнаружены при обращении взгляда modo plusquamperfecti.

Если мы бросим взгляд на общий поток исторических событий и сравним его с течением собственных переживаний в

нашей длительности, то обнаружится, что течение истории обнаруживает непрерывность и многообразие, сходное с последовательностью наших переживаний и нашей длительности. Сходное, но не тождественное: ведь движение истории как таковое осуществляется не в индивидуальной длительности, а в объективном времени²⁵⁷. Оно включает анонимные события, ему знакомы параллельно существующие и инвариантные моменты, гомогенные и повторяемые элементы. Однако этот поток истории разложим на подлинные переживания множества alter ego в их длительностях, их переживания своего ближайшего и более широкого окружения. С ближайшим окружением они были состыкованы в подлинном переживании длительности Мы, с более широким окружением — в переживании Вы, опирающемся на подлинное переживание длительности. При этом происходит принципиальная смена лиц, между которыми существует данное Вы-отношение или Мы-отношение. Уже смена поколений обеспечивает постоянное превращение ближайшего окружения в мир предшественников, а мир последователей становится ближайшим окружением. Место ставшего миром предшественников ближайшего окружения, с которым alter ego связан чистым Мы, занимает мир последователей, входя в Мы-отношение, так что, можно сказать, через человеческую историю от начала и до сегодняшнего дня проходит непрерывное Мы-отношение, носители которого сменяются, содержательное наполнение которого может быть самым разнообразным, а ступени конкретизации подвержены бесконечному варьированию, однако на всем протяжении оно остается Мы-отношением. Такая интерпретация исторических событий отнюдь не является метафизикой, хотя и оставляет некоторый простор для метафизического толкования. Однако лишь она обеспечивает концепцию единства нашего опыта мира предшественников, более того — социального мира вообще, лишь она одна оправдывает возможность обращения к субъективному смысловому контексту истории.

В зависимости от того, принимается ли за исходную точку исторической интерпретации объективный смысловой контекст завершившихся действий или субъективный смысловой контекст Мы, в который включено любое историческое событие, оказывается возможной история фактов либо история человеческого поведения, история объективного либо история субъективного смыслового контекста. Лишь в этом основа права историка на постановку проблемы, которая, в свою оче-

редь, обеспечивает отбор релевантного исторического материала.

В связи с этим мы лишь кратко упомянем о мире последователей, чтобы завершить картину социальных сфер, начертанную нами в данной главе. Если мир предшественников, как законченный и сбывшийся, всегда характеризуется несвободой, ближайшее окружение — свободой, а более широкое окружение — акцентированием присущего ему вероятностного характера, то мир последователей отличается тем, что является абсолютно неопределенным и неопределимым, и это его свойство присуще ему всегда. Когда наше поведение ориентируется на мир последователей, то ориентируется оно лишь на то, что данный мир вообще существует, но никак не на его Так-бытие или качественные характеристики его соответствующих Сейчас и Так. Метод типизации в данном случае также не дает результата. Ведь этот метод основан на нашем опыте мира предшественников, ближайшего и более широкого окружения и потому не может быть применен к миру последователей, для которого наш опыт не дает принципов подхода. Лишь в тех случаях, когда наше ближайшее и более широкое окружение могут быть истолкованы как мир последователей, поскольку они переживут нас, т.е. тогда, когда будущий мир последователей вот-вот вырастет из подлинного Мы-отношения или Вы-отношения, у нас есть возможность перенести — с некоторой вероятностью — интерпретативные принципы, действующие в нашем ближайшем и более широком окружении, также и на мир последователей. Чем больше этот мир последователей удален от наших Сейчас и Так, тем более сомнительной будет лежащая в основе всякого понимания интерпретируемость наших схем выражения через мир предшественников.

Уже одни эти соображения показывают, насколько ошибочным является вера в надвременной исторический закон, который мог бы не только объяснять прошлое и настоящее, но и предсказать будущее. Весь мир последователей как таковой с необходимостью является неисторическим, он абсолютно свободен. Его можно антиципировать в пустых представлениях (своего рода предположениях), но его даже невозможно наглядно представить силами фантазии. К нему не приложимы замыслы, поскольку всякое выполнение или невыполнение наших ожиданий относительно будущего в сущности сомнительно.

О некоторых фундаментальных проблемах понимающей социологии

§ 42. Обзор достигнутых результатов

Наши исследования принесли в предшествующей части результаты, которые позволяют нам кратко резюмировать нашу теорию понимания смысла и внести в нее окончательные уточнения. Мы взяли за исходную точку неясности, отягощающие понятие подразумеваемого смысла человеческой деятельности у Макса Вебера. Пока деятельность не определена, нет возможности должным образом говорить о подразумеваемом смысле, «который действующий соединяет со своей деятельностью». В то же время, определение деятельности оказалось возможным лишь после чрезвычайно трудоемкого анализа процессов конституирования. При этом мы пришли к заключению, что деятельность представляет собой замыслимое переживание на основе спонтанной активности, т.е. переживание, отличающееся от всех прочих особым к нему обращением. На основании данного определения фраза: «действующий соединяет со своей деятельностью некоторый смысл» — может восприниматься лишь как языковая метафора, ибо лишь особый способ обращения к переживанию, превращающий его в деятельность, и является тем самым смыслом, который ему ошибочно приписывается. Далее, мы провели важное различие между деятельностью (*actio*) как процессом переживания и действительно завершившимся действием (*actum*), описав особый способ конституирования задуманного действия, которое превосхищается в замысле *modo futuri exacti*, как завершившееся в будущем.

Таким образом, *первое понятие смысла*, приложимое в совершенно общем виде к любого рода переживаниям, было получено в результате анализа конституирования: «смысл» переживания разрешим в специфическом обращении к совершившемуся переживанию, обращении, которым переживание изымается из протекания длительности и становится «таким» переживанием, т.е. таким-а-не-иным переживанием. Однако это первое понятие смысла, находящееся в допредикативном отношении

к предфеноменальному переживанию, способно к расширению и нуждается в подобном расширении. Ведь предмет нашего исследования – прежде всего *специфический смысл*, который переживающий «соединяет» со своим переживанием, действующий – со своим действием и который явно имеется в виду, когда речь заходит о «подразумеваемом смысле». Чтобы исследовать конституирование этого понятия смысла, мы обратились к тем сериям политетически выстраиваемых актов, на которые, согласно основному закону феноменологии, в любое время может быть направлен однолучевой взгляд. О подобных последовательностях можно утверждать, что они заключены в некоторый смысловой контекст, и мы занялись анализом конституирования опытного мира как структуры, складывающейся из подобных контекстов различного порядка. В связи с этим мы выработали понятия схемы опыта, безусловно данных конституированных базовых ступеней и багажа опыта. Благодаря теории модификаций внимания мы получили возможность особо отметить, что граница между проблематичным и принимаемым безусловно, без вопросов зависит от «диспозиции интересов», от *attention à la vie* в соответствующие Сейчас и Так, прояснив таким образом прагматический мотив мышления. Проведенный анализ позволил констатировать, уточняя понятие деятельности, что и процесс деятельности следует понимать как серию политетически выстраиваемых актов, которые после их завершения могут быть охвачены одним взглядом, как действие, т.е. что деятельность сама является смысловым контекстом. При этом мы обнаружили, что специфический смысловой контекст некоторой деятельности зависит от диапазона замысла, который только и способен конституировать единство действия. Таким образом, если всерьез ставить вопрос о субъективном смысле деятельности, тогда и то, благодаря чему подлежащий интерпретации процесс сознания становится единым действием, определяется субъективными и только субъективными факторами. Нет никакого проку интерпретировать объективно заданные процессы действий как единство и приписывать им субъективный смысл без обращения к преднаходимому замыслу. Макс Вебер не различает замышляемое действие от осуществленного, а потому и смысл деятельности отождествляется с ее мотивами. Мы же, напротив, пришли к выводу, что мотиву уже предшествует ряд сложных смысловых структур. Мотив же мы рассматривали как смысловой контекст, объединяющий мотивирующее и мотиви-

вированное, различая при этом мотив-для и мотив-потому-что. Среди мотивов-для нам, в свою очередь, удалось выделить различные напластования, так что мы пришли к выводу, что «для-того-чтобы» действия совпадает с замышляемым *modo futuri exacti* действием, ради которого осуществляется пофазово выстраиваемая деятельность. Вся эта аналитическая работа была проведена нами не выходя за пределы длительности изолированного Я, и на ее основе мы выработали понятие самоистолкования как собственного действия, так и собственной деятельности. Истолкование собственных переживаний было понято нами как акт синтетической рекогниции, подведение полученного в обращении к чему-либо под схемы опыта, находящиеся друг с другом в состоянии гармонии.

В социальном мире, к анализу которого мы перешли далее, Я обнаруживает своего ближнего как *alter ego*, т.е. как существо, наделенное сознанием и длительностью, а также способное, подобно мне, и направленное на то, чтобы интерпретировать свои переживания, обращаясь к ним в модусе самоистолкования. А то, что мой визави – *alter ego*, выполняющее то или иное действие, доступное моему взгляду лишь в его внешнем проявлении, я могу определить лишь в акте включения моих собственных переживаний данного процесса в общий контекст моего опыта, т.е. в акте самоистолкования моих переживаний. Пока Я действует в этой сфере самоистолкования, оно хотя и понимает свои собственные переживания социального мира, однако еще не направлено на понимание чужих переживаний. Его опыт относительно социального мира воспринимается в том же модусе и точно так же включается в объективный смысловой контекст, как и весь его опыт относительно мира вообще. Однако взгляд может быть в любой момент направлен от осуществленного определения собственных переживаний *относительно alter ego* в некоторый объективный смысловой контекст к переживаниям *самого alter ego*. Ведь замеченные процессы находятся и для *alter ego*, от которого и исходит данная деятельность, в некотором смысловом контексте, и происходит это потому, что *alter ego* в свою очередь способен бросить монотетический взгляд на свои конституирующие действие политетические акты. Лишь после осуществления такого поворота взгляда, т.е. после перехода (в нашей терминологии) от объективного к субъективному смысловому контексту, можно говорить о понимании Чужого в собственном смысле.

Поворот к субъективному смысловому контексту возможен применительно ко всем видам порождений, которые всегда могут интерпретироваться как свидетельства процессов сознания того, кто их произвел. При этом мы обнаружили, что всякий опыт относительно чужих переживаний может быть получен лишь знаковым путем. Среди всех свидетельств и симптомов мы особо выделили собственно знаки, в свою очередь, находящиеся в некотором смысловом контексте, который является для использующего знак схемой выражения, а для толкующего знак — интерпретативной схемой. Схема выражения и интерпретативная схема сами могут быть интерпретированы как объективные смысловые контексты, если отвлечься от всякой деятельности, приведшей к полаганию данных знаков, деятельности, представляющей собой выстраиваемые в живом сознании акты, и ограничить интерпретацию лишь осуществленными действиями или самими знаками. Однако употребленные знаки как порождения могут быть разложены на употребление знаков, т.е. на деятельность, которой соответствуют переживания сознания, конституирующего эту деятельность в пофазово выстраиваемых актах. Направление внимания на эти переживания сознания позволяет осуществить в пределах знакового мира переход от объективного к субъективному смысловому контексту. Слово «понимание» вообще употребляется как применительно к толкованию субъективного смыслового контекста, так и объективного смыслового контекста порождений. Однако именно это скрывает существенную для понимания социального мира проблему, которая вообще обнаруживается лишь после разрешения данной двусмысленности: а именно, что смысл чужих переживаний и понимание Чужого имеет принципиально иное значение, нежели смысл собственных переживаний и самоистолкование; что смысл, приписываемый некоторому порождению — в отличие, скажем, от природной вещи, — означает не что иное, как то, что данное порождение не только находится в некотором смысловом контексте для меня, интерпретатора (или, поскольку не только один я занимаюсь толкованием, а данное порождение, как вещь мира, принадлежит не только моему личному миру, но и общему всем нам интересующему миру, — что оно не только находится в некотором смысловом контексте для нас, интерпретирующих), но и является свидетельством смысловых контекстов, в которых оно находится для тебя, его создавшего. При таком словоупотреблении «осмысленный мир» (в противоположность миру природному) от-

сылает к alter ego, породившему эту осмысленность. Ведь для нас, интерпретаторов, поскольку мы подводим все наши переживания под схемы опыта, природное бытие и осмысленное бытие в равной мере включены в объективные смысловые контексты.

Каким образом возможно введение в поле зрения явлений чужой психики как субъективного смыслового контекста, показал наш анализ социального отношения и наблюдения социального мира. Мы обнаружили, что всякое понимание Чужого опирается на акты самоистолкования интерпретатора, что к объективному смыслу употребленного знака прирастает актуальное и окказиональное значение, мы смогли разделить сигнификативную и экспрессивную функции знака и — хотя и только в самых общих чертах — описали особую технику, с помощью которой постигаются чужие интерпретативные схемы. Исследование мотивационного контекста в социальной сфере, благодаря которому мы открыли, что всякое смыслополагание в социальной сфере происходит лишь ради толкования, а всякое толкование смысла — при обратном соотношении с актом смыслополагания, позволило нам проникнуть в проблематику «социальной деятельности» и «социального отношения».

Анализ понятия социальной деятельности у Вебера обнажил сущность установки на Чужого и воздействия на Чужого, позволив перейти к проблеме отношения установки и отношения воздействия, и дальнейшие исследования касались общей формальной структуры отношений для состоящих в социальном отношении и для невключенного наблюдателя. При этом мы обнаружили, что понятия социальной деятельности и социального отношения подвержены многообразным модификациям в зависимости от того, какое alter ego является предметом установки на Чужого — принадлежащее ближайшему окружению, более широкому окружению, миру предшественников или миру последователей. И мы обратились к анализу данных областей социального мира. Лишь в социальном отношении ближайшего окружения протекание переживаний Ты открыто взгляду, и причем открыты переживания Ты в его актуальных Сейчас и Так, тогда как собственное переживание соответствующих Сейчас и Так самоистолкования, возможно только по отношению к уже прошедшему переживанию, остается недоступным. Мы рассуждали о подлинном мы-отношении, в котором я и ты, в котором мы можем постигать мою и твою длительность синхронно, т.е. одним неразделенным взглядом. Это мы-отношение также обнаруживает многочис-

ленные вариации: оно проявляется на многочисленных ступенях актуализации и конкретизации и может включать переживания, оказывающиеся более или менее близко задевающими относительно интимную персону состоящего в социальном отношении, или, как мы это назвали, обладающие различной степенью близости переживания. В противоположность этому, alter ego более широкого окружения не дано мне телесно и непосредственно, но лишь опосредованно, оно оказывается в некотором роде анонимизированным, его замещает тип, конституируемый на основе предшествующего опыта определенных процессов действий, тип, который, в свою очередь, может находиться ближе или дальше к живой длительности Ты и потому быть более или менее содержательно наполненным. Установку, в которой Я встречает alter ego более широкого окружения, мы назвали Вы-отношением, поскольку она нацелена не на Как-бытие телесного Ты, а на Как-бытие, на Как-бы-бытие идеально-типически образованного alter ego. Мы проанализировали также напластования этих Вы-отношений и прошли при этом путь последовательной анонимизации от идеального типа «мой друг N вообще» до идеального типа «Некто» как создателя артефактов и объективных знаковых систем. Параллельно с нарастающей анонимизацией, с деиндивидуализацией заданного alter ego происходит удаление от живой длительности. Чем более анонимным оказывается партнер, тем менее он может быть предметом переживания и тем более он с необходимостью оказывается предметом мысли. Однако тем самым снижается и уровень свободы, который может быть признан за деятельностью данного партнера. В то время как телесное Ты в социальном отношении ближайшего социального окружения постигается в его спонтанной активности и его будущая деятельность, на которую я ориентируюсь, носит абсолютно вероятностный характер, тип, понятый правильно, оказывается несвободным; ему недоступно трансцендентное типу поведение, если только он не сменит отношение более широкого окружения на отношение ближайшего окружения. Совершенно несвободным является мир предшественников, тогда как мир последователей свободен во всех отношениях. А поскольку, как мы уже видели в § 11, проблема свободы, понята правильно, является чистой проблемой времени, то тогда и в пределах этих напластований обнаруживается временная обусловленность смысла вообще, как мы это уже обнаружили до того, во второй части, применительно к сфере изолированного сознания.

Проведенный нами анализ относился не только к самим участникам социального отношения, но и к наблюдателям социального мира, и применительно к наблюдателям были обнаружены сходные различия между наблюдением в ближайшем окружении, более широком окружении и применительно к миру предшественников, от более подробного повторения полученных результатов мы здесь воздержимся.

§ 43. Наблюдение в более широком окружении и проблема социальных наук

Резюмированные в предыдущем параграфе исследования модификаций, которые претерпевают установка на Чужого и социальное отношение в областях ближайшего и более широкого окружения, мира предшественников и мира последователей, послужат теперь основанием последующих рассуждений. Проведенный до настоящего времени анализ касался в основном постижения и истолкования социального мира человеком в его естественной установке, т.е. нами, теми, кто живет в этом мире. Лишь в отдельных моментах давались предварительные намеки на особую проблему социальной науки, состоящую в том, что и ей социальный мир задан, и причем это тот же самый социальный мир, в котором мы живем, однако социальная наука при этом извлекает из того же самого субстрата опыт иным образом, упорядочивает свой опыт согласно другим смысловым контекстам и иначе перерабатывает, нежели живущий в социальном мире.

На соотношение повседневного опыта и опыта социальной науки мы уже указали во введении к четвертой части, показав там же, насколько сложно провести четкую границу между тем и другим. Рассуждая о своем ближнем в повседневной жизни, я занимаю по отношению к нему позицию, сходную с позицией социальной науки. Занимаясь наукой, я все еще остаюсь человеком среди людей, более того, сущность науки такова, что она является наукой не только для меня, но и для каждого. И кроме того, наука уже предполагает определенную соотношенность моего опыта с опытом некоторого познающего сообщества, т.е. с опытом некоторых alter ego, занимающихся наукой подобно мне, вместе со мной и для меня²⁵⁸. Таким вот образом проблема социальных наук берет свои истоки уже в донаучной сфере, и потому сама социальная наука возможна

и мыслима лишь в пределах той общей сферы, которую мы под-водим под рубрику «жизнь в социальной сфере». Правда, это отнюдь не означает, будто занимающийся социальной наукой вправе квалифицировать уже как научный свой опыт, который он накапливает, живя как человек среди людей, и постоянно расширяет его в повседневном общении. Наше утверждение лишь указывает на ту точку, с которой начинается критика специфически научного метода постижения социального мира.

Чем же характеризуется специфическое отношение социальной науки к своему предмету, к социальному миру? В принципе можно утверждать, что социальные науки занимают по отношению к социальному миру ту же позицию, что и наблюдатель более широкого окружения, чью установку на Чужого мы подробно рассматривали в предыдущей части. Однако от подобного наблюдателя ее отличает, прежде всего, то обстоятельство, что социальная наука как таковая по ее сущности лишена ближайшего окружения. В том-то и дело, что мир социальной науки — это не мир ученого, занимающегося социальной наукой, который, разумеется, всегда включен в какие-то социальные связи ближайшего окружения. Зато социальной науке дан мир предшественников, а исторической науке — вообще только он и дан. Таким образом, опытный контекст социальной науки с необходимостью иной, нежели опытный контекст наблюдателя более широкого социального окружения в повседневной жизни.

Со свойственной ему ясностью и четкостью Макс Вебер рассматривал и эту проблему. В своей полемике с Мюнстербергом²⁵⁹ он говорит о глубинных причинах противопоставления научной психологии и психологии «знатока человеческих душ». Тем самым он возражает на утверждение Мюнстерберга, что знаток человеческих душ знает либо человека в целом, либо не знает его вообще. Вебер отвечает на это: он знает о человеке то, что релевантно для его *конкретных целей*, и ничего более. «То, что является значимым в человеке с определенной конкретной точки зрения, чисто психологическая теория, стремящаяся к установлению законов, содержать не может уже по причинам *логического* характера. Фактически же это зависит от соответствующих релевантных, разумеется, содержащих не только «психические» моменты стечений жизненных обстоятельств в их бесконечных вариациях, которые ни одна теория мира не может вобрать в себя в качестве своих “предпосылок”». Не надо обманываться терминологией Вебера: обозна-

ченное в приведенной цитате различие касается отнюдь не только одной психологии, а радикальным образом разделяет научный опыт и опыт повседневной жизни вообще.

Окончательное разъяснение относительно того, чем отличается научное суждение от суждений повседневных, дали, пожалуй, работы Гуссерля, прежде всего его исследования формальной и трансцендентальной логики. Целью всякого научного суждения является познание мира с максимально эксплицитной четкостью и ясностью. В пределах научных суждений невозможно принятие каких-либо предпосылок или данностей в качестве простой наличности, не требующей дальнейших разъяснений, скорее напротив: то, что в суждениях повседневной жизни, моих или каких-либо alter ego, доступных мне непосредственно или реконструируемых, подразумевается как не вызывающее вопросов, не требующее разъяснений, предполагается или содержится в неясном виде, — все это требует прояснения в ходе последовательной, шаг за шагом, экспликации. Поэтому первой целью всякой социальной науки, а тем самым и понимающей социологии является максимальное прояснение и экспликация того, что живущие в социальном мире вообще думают о нем. Когда Вебер предпринимает попытку интерпретации процессов смыслополагания и толкования смысла, осуществляемых живущими в социальном мире, интерпретации, берущие за исходную проблематику «подразумеваемый смысл человеческой деятельности» (правда, недостаточно проясненную), он предполагает, что именно имплицитированный смысл того, что в повседневной жизни выражается в суждениях и подразумевается относительно социального мира, может и должен быть эксплицитировано средствами науки.

Далее нам еще предстоит заняться нелегким вопросом о возможном подразделении социальных наук. Здесь же мы прежде с помощью веберовской социологии разберемся с особыми следствиями, вытекающими из особой позиции всякой социальной науки по отношению к своему предмету, а именно из позиции наблюдателя более широкого окружения (или мира предшественников).

Как мы видели, более широкое окружение доступно наблюдателю не в самоданности, а лишь в опосредованном опыте, и его может постигнуть alter ego более широкого окружения лишь как тип. Уже для образования типов в повседневной жизни верно, что выбор полагаемого в качестве типически-инвариантного зависит от соответствующих Сейчас и Так наблюдателя, от

которого и исходит определение инварианта, определяемое багажом его опыта в данные Сейчас и Так, а также модификациями внимания, в которых он обращен к своему знанию о мире вообще и социальном мире в частности именно в эти Сейчас и Так. Образование научных типов также соотносено с общим контекстом научного опыта, или, что то же самое, с общим контекстом эксплицитных суждений о мире вообще: дело только в том, что эти суждения, если они являются научными, должны быть включены в смысловые контексты высшего порядка, которые, пользуясь сравнением Гуссерля²⁶⁰, в одной единой речи охватывают все аксиомы, принципы, теоремы и все прочие теоретические положения какой-либо науки. Но при этом интерпретативные схемы, под которые находящийся в социальном мире наблюдатель подводит свое более широкое окружение, оказываются с необходимостью иными, чем схемы, которыми пользуется представитель социальной науки. В опыт наблюдателя более широкого окружения включен и весь опыт данного особого индивида относительно его ближайшего окружения, независимо от того, получено ли опытное знание позициональными или нейтрализующими, эксплицитными или только смутными актами суждения, или же оно вообще дано через допредикативное «приятие» социального мира, в силу живой интенциональности актов, в которых живет данный индивид. Опытный контекст социальных наук, напротив, опирается исключительно на позициональные эксплицитные суждения, на конституированные идеальные предметности, т.е. на результаты мыслительной деятельности, но никогда — на допредикативные, переживаемые в самоданности постижения alter ego: он всецело является контекстом опыта более широкого окружения (или мира предшественников), причем опыта эксплицитного, и нигде не содержит отсылки к опыту ближайшего окружения. Кроме того, в общий контекст научного опыта входит вся совокупность мыслительных достижений наук о мире вообще, и используемые социальной наукой интерпретативные схемы должны быть совместимы с этим общим контекстом опыта наук о мире вообще (не только о социальном мире). Поэтому изначальной и фундаментальной схемой наук, схемой выражения ее высказываний и интерпретативной схемой ее экспликаций с необходимостью является схема *формальной логики*. Следовательно, наука — всегда объективный смысловой контекст, и тема социальных наук заключается в том, чтобы *сконструировать объективный смысловой*

контекст субъективных смысловых контекстов вообще или частных субъективных смысловых контекстов. Таким образом, проблема любой социальной науки может быть сформулирована в виде вопроса: *как вообще возможны науки о субъективном смысловом контексте?*²⁶¹

Наш анализ более широкого социального окружения уже отчасти дал ответ на этот вопрос. На примере персональных идеальных типов более широкого окружения и мира предшественников наивно-естественного представления о мире, характерного для повседневной жизни, продемонстрировалась и описывалась постижимость субъективных смысловых контекстов в объективирующих и анонимизирующих конструкциях. А поскольку всякой социальной науке по сути ее социальный мир задан как более широкое окружение или мир предшественников, но никогда — как ближайшее окружение, она может постигать социальный мир лишь типизируя его — в материальных процессуальных типах или персональных идеальных типах — т.е. всегда лишь опосредованно и никогда в простой самоданности живой интенциональности. Но будучи типизирующим опытным познанием, опыт социальной науки представляет собой объективный контекст и в том случае, если предметом типизирующего постижения оказывается субъективный смысловой контекст (т.е. контекст процессов сознания, осуществляющихся в персональном идеальном типе).

В дальнейшем наша задача будет состоять в том, чтобы проследить особые модификации, которые претерпевают в области социальной науки законы типизации, уже продемонстрированные нами в сфере повседневной жизни, в силу своеобразия заданного научного опытного контекста мира в целом и в силу отсутствия какого бы то ни было ближайшего социального окружения.

Подобно наблюдателю более широкого окружения, который для постижения alter ego более широкого окружения может — для достижения своей цели — конструировать лишь такие идеальные типы, которые находятся в согласии с его опытом, социальные науки с целью фиксации субъективных смысловых контекстов также должны конструировать идеальные типы, не только совместимые с общим контекстом научного опыта, но и находящиеся с ним в «мотивированной», т.е. обоснованной и достаточной смысловой контекстуальной связи. Итак, идеальные типы социального мира должны таким образом быть сконструированы в социальной науке, чтобы, с одной сторо-

ны, не противоречить эмпирическим фактам какой-либо науки, и, с другой стороны, соответствовать сформулированному прежде постулату создания мотивированного смыслового контекста. Или, если пользоваться языком М. Вебера: *идеальные типы, формируемые социальной наукой, и прежде всего понимающей социологией, должны быть одновременно каузально-адекватными и адекватными в смысловом отношении*. Какая роль отводится этим понятиям прежде всего в понимающей социологии, будет продемонстрировано в нижеследующих исследованиях.

§ 44. Функция идеального типа в социологии М. Вебера

Обращаясь теперь к анализу некоторых категорий социологии М. Вебера, мы выберем в качестве предмета рассмотрения те формулировки, которые можно найти в основном произведении гениального исследователя, к сожалению, оставшемся незаконченным, — «Хозяйстве и обществе». Методологические взгляды Вебера с течением времени претерпевали некоторые существенные изменения, что и следовало бы ожидать от человека столь ярко выраженной «интеллектуальной основательности». Мы не будем проследживать эти изменения детально, во-первых, чтобы не перегружать изложение, и во-вторых, поскольку на эту тему уже есть несколько замечательных работ²⁶².

Начнем с нескольких цитат из уже названного основного труда М. Вебера: «Социология — наука, стремящаяся — интерпретируя — понять социальную деятельность»²⁶³. «Социология формирует *типовые* понятия и ищет *универсальные* правила истории. Этим она отличается от истории, стремящейся к каузальному анализу и характеристике *индивидуальных, культурно значимых действий, структур, личностей*»²⁶⁴. «Социология формирует свои понятия и ищет свои правила также и вот с какой точки зрения: может ли она тем самым оказать услугу истории в ее попытках каузальной привязки культурно значимых явлений. Как и у всякой обобщающей науки, своеобразие ее абстракций приводит к тому, что социологические понятия в сопоставлении с конкретной исторической реальностью неизбежно оказываются довольно *пустыми* в содержательном плане. Зато взамен она может предложить усиленную *однозначность* понятий. Эта усиленная однозначность достигается максимально возможным оптимумом *смысловой адекватности*, к чему и стремится

система социологических понятий. Наиболее полно эта адекватность... может быть достигнута в *рациональных* (ценностно-или целерациональных) понятиях и правилах. Однако социология стремится охватить теоретическими, и причем адекватными в *смысловом* отношении понятиями также и иррациональные (мистические, пророческие, спиритуалистические, аффективные) явления. Во *всех* случаях, как рациональных, так и иррациональных, она *удаляется* от действительности, служа ее познанию в следующей форме: путем указания меры *приближения* некоторого исторического явления к одному или нескольким из этих понятий происходит его классификация... Чтобы с помощью этих слов выразить нечто *однозначное*, социология, в свою очередь, должна очертить «чистые» («идеальные») типы образований того рода, которые обнаруживают в себе последовательное единство по возможности полной *смысловой адекватности*, но именно поэтому, по-видимому, столь же мало выступают в данной абсолютно идеальной *чистой* форме в реальности, как и какая-либо физическая реакция, вычисляемая для условий абсолютно пустого пространства»²⁶⁵.

«<Смыслом> (в духе дефиниции, данной понимающей социологией) является смысл, субъективно *подразумеваемый* либо а) действительно α) в некотором историческом данном случае или β) усредненно и приблизительно в некоторой данной массе случаев действующими лицами либо б) в некотором понятийно конституированном *чистом* типе — *мыслимыми* как тип действующими лицами»²⁶⁶.

«<Понимание> во всех этих случаях означает толкующее постижение а) реально подразумеваемого в частном случае (при историческом рассмотрении), либо б) усредненно и приблизительно подразумеваемого (при социологическом рассмотрении массовых явлений), либо с) смысла или смыслового контекста, научно конструируемого для *чистого* типа (идеального типа) какого-либо часто встречающегося явления. Подобными идеальнотипическими конструкциями являются, например, понятия и «законы», формулируемые теорией народного хозяйства. Они описывают, как проходила бы человеческая деятельность определенного вида, если бы она была строго целерациональной, не подвержена ошибкам и аффектам и если бы, кроме того, была бы совершенно однозначно направлена на одну цель (экономику). Реальная деятельность лишь в редких случаях (биржа) протекает согласно идеальному типу, да и в этом случае лишь приблизительно ему соответствуя»²⁶⁷.

Приведенные цитаты дают достаточное представление о функции идеального типа в понимающей социологии, как это представлял себе ее основатель. Поскольку настоящее исследование столь часто оказывается вынужденным выходить за пределы понятийной структуры Макса Вебера и вступать с ним в полемику, нельзя не подчеркнуть еще раз огромное значение совершенного Максом Вебером для любой науки, занимающейся социальным миром. Вебер то и дело указывает на проблему идеального типа как центральную проблему всех социальных наук. Наши исследования показали, сколь справедлива данная точка зрения. Ведь более широкое окружение и мир предшественников вообще поддаются лишь идеально-типическому постижению. Отдельные процессы и события в этом мире выступают уже отделенными от телесного Ты, постижимого в социальном отношении подлинного Мы ближайшего окружения. Они оказываются более или менее анонимными, принадлежат типичным процессам сознания, правда, в самых разнообразных вариациях содержательной наполненности, которые могут простираются во всех мыслимых промежуточных ступенях от типа индивидуального процесса сознания до типа чужого процесса сознания вообще.

Эти многообразные вариации в области идеально-типического следует, как полагает Вебер, подразделить, для чего он различает смысл, подразумеваемый одним-единственным действующим в одном исторически данном случае, смысл, усредненно подразумеваемый в данной массе случаев множеством действующих, и смысл, подразумеваемый идеально-типически представленным действующим лицом. Побудительные причины Вебера ясны. Он стремится отделить метод понимающей социологии от метода истории и метода статистики. Это разделение вполне оправданно, пока указанные науки понимаются как науки об объективных смысловых контекстах, т.е. о реальном внешнем процессе действий без учета складывающихся структур переживаний сознания alter ego. Тогда история и в самом деле (по крайней мере, по мнению Вебера) имеет дело с индивидуальной деятельностью индивида, статистика — с усредненной массовой деятельностью, а социология — с деятельностью чистого идеального типа²⁶⁸. Однако проведенное Вебером разделение теряет основание в той мере, в какой эти науки начинают пониматься как науки о подразумеваемом смысле, т.е. в той мере, в какой осуществляется, исходя из внешних процессов, их обращение к субъективному смысловому контексту.

Ведь поскольку социологии, как любой другой науке о социальном мире, тематически задано лишь более широкое окружение и мир предшественников, но никак не ближайшее окружение, поскольку, как показали предшествующие исследования в предшествующей части, всякое alter ego более широкого окружения или мира предшественников постижимо лишь в Вы-отношении и тем самым как тип, то и деятельность индивида в более широком окружении уже является для социальной науки типичным поведением. Это хорошо понимал и Вебер, поскольку он оставляет за понимающей социологией возможность использования всех трех методов понимания смысла. Однако если мы зададимся вопросом о более глубоком значении проведенного им различия, то оказывается, что и в самом деле каждому из трех модусов понимания более широкого окружения или мира предшественников присуща своя степень верифицируемости на эмпирически регистрируемых объективных процессах внешних событий. Правда, и здесь границы оказываются достаточно подвижными. Однако можно утверждать, что идеальный тип индивидуального поведения, например «мой друг А вообще», формируется на основе несравненно большей полноты опытных данных (а именно — моего опыта Так-бытия моего друга А, как я его постигаю в подлинном Мы ближайшего окружения), чем, скажем, персональный идеальный тип, конструируемый применительно к некоторому заданному анонимному процессу действия. Надеюсь, что и этот феномен получил в предшествующей части наших исследований достаточное объяснение. Человек, живущий и действующий в социальном мире, является свободным существом и осуществляет свои действия на основе спонтанной активности. Если подобная деятельность закончилась, завершилась, сбылась и тем самым действие приобрело статус совершенного, то она уже не является свободной, а оказывается однозначно детерминированной. Однако она была свободна в момент осуществления деятельности, и если вопрос о подразумеваемом смысле деятельности соотнесен, как это имеет место у Макса Вебера, с моментом совершения действия, то тогда действующий всегда оказывается свободным в своих действиях, даже если он доступен лишь в идеально-типическом постижении как alter ego более широкого окружения или мира предшественников. В противоположность этому, методологически правильно сконструированный персональный *идеальный тип*, т.е. такой, который не трансцендирует в своем поведении гра-

ницы типического, оказывается по своей сути несвободным, независимо от того, интерпретируется ли его деятельность как процесс или (после ее завершения) как окончательно конституированная идеальная предметность.

Мы будем строго различать, как и во всех предшествующих рассуждениях, конституирование идеального типа и применимость уже сконструированного идеального типа в качестве интерпретативной схемы для реальных, заданных науке для толкования процессов действий. Рассмотрим с этой целью применимость уже имеющихся персональных идеальных типов в интерпретации *будущей* деятельности. Итак, нам дан некоторый идеальный тип, которому приписаны определенные инвариантные мотивы, следствием которых могут быть инвариантные процессы деятельности и тем самым однотипные действия. Эта типическая модель, охватывающая весь цикл сознания от мотива (замысла) до завершенного действия, будет приложена нами к определенному процессу действий в социальном мире, заданной нам для истолкования. При этом могут быть сделаны следующие выводы. Либо: «Персона N ведет себя согласно (уже имеющемуся в моем опыте) идеальному типу A (служащий), поэтому от N следует ожидать деятельности a (регулярный приход на работу в соответствующую контору)»; либо: «Персона N осуществляет деятельность a, действие a отвечает идеальному типу A, идеальный тип A *регулярно* осуществляет действие a', поэтому от N следует ожидать a'». Какая же степень надежности присуща всем этим суждениям, в которых готовая идеально-типическая модель прилагается к определенному процессу действия, подлежащему истолкованию? Они осуществляются в наглядных представлениях, в воображении, и остается открытым, будет ли еще предстоящая в будущем, а потому свободная и происходящая из спонтанной активности деятельность a или a', осуществляемая N, соответствовать очерченной силами фантазии идеально-типической схеме. Таким образом, применимость персонального идеального типа к *будущей деятельности* реального alter ego носит всего лишь вероятностный характер. Если деятельность N, составляющая предмет исследования, не исполняет заложенных в идеальном типе ожиданий, то в этом случае суждение, согласно которому N соответствует идеальному типу A, оказывается неверным, и потому следует сконструировать другой, более отвечающий поставленной цели идеальный тип, который окажется в состоянии описать соответствующую релевантную деятель-

ность N. При этом следует учитывать, что данное положение имеет силу независимо от того, воспринимается ли N в ближайшем окружении, или же как тип, т.е. в более широком окружении или в мире предшественников. Чем большей свободой располагает N, тем менее анонимным он является, иными словами: чем ближе он к Мы-отношению, тем меньше шанс, что нацеленная на его будущее поведение идеально-типическая конструкция окажется подходящей и будет подтверждена его реальной деятельностью. Однако если N — сам идеальный тип, скажем, в более широком окружении, и, следовательно, несвободный и «действующий» лишь милостью того, кто этот тип сконструировал, то в этом случае идеально-типическая конструкция подтверждается, если она была создана методологически верно, т.е. адекватно в каузальном и смысловом отношении.

Что же значит осуществлять идеально-типическое конституирование адекватно в смысловом и каузальном отношении? Данный вопрос касается у Вебера в первую очередь не применимости сконструированных идеальных типов к ожидаемому в будущем реальному действию заданной социальной личности, а возможности вычленения завершенных действий отдельного лица или нескольких лиц в более широком окружении или мире предшественников в качестве типически релевантных действий. *Действие будет называться типически релевантным, если предполагается, что оно происходит из типичных мотивов действия, которые могут рассматриваться как константные и инвариантные.* Однако это означает не что иное, как то, что всякое типически релевантное действие повторяемо со стороны типично действующего, что полученному на его основе типу присуща идеальность «и так далее» и «вновь и вновь». Таким образом, постулат смысловой и каузальной адекватности следует применить к правильному выбору мотива, и лишь затем имплицитно к предопределяемым этим выбором мотива в качестве константных процессов действий и действий, вытекающих из диспозиции мотивов. И прежде всего в качестве константного определяется мотив-для. Ведь выявление подлинных мотивов-потому-что происходит лишь modo plusquamperfecti, исходя из уже принимаемых в качестве данных мотивов-для.

Кто же может дать разъяснения относительно мотива чужой деятельности? Макс Вебер совершенно ясно говорит, что мотив представляет собой смысловой контекст, представляющийся самому действующему или наблюдателю осмысленным основанием некоторого поведения. Мы уже неоднократно

указывали на то, что в данном случае совмещаются два совершенно гетерогенных обстоятельства. В процессе наблюдения в ближайшем окружении в качестве осмысленного основания деятельности наблюдатель принимает тот замысел, который оказывается осуществленным в ходе уже совершенного действия. Таким образом, молчаливо предполагается, что реально осуществленная деятельность и была деятельностью задуманной. Однако при наблюдении в ближайшем окружении наблюдаемому можно в принципе задать вопрос, и он может указать в качестве мотива-для совершенно иной смысловой контекст, а именно тот, в который его деятельность включена в соответствии с диапазоном его замысла. Однако диапазон его замысла совершенно неподконтролен наблюдателю. В то же время, в более широком окружении различие между смысловым контекстом, который представляется осмысленным основанием поведения действующим, и контекстом, который представляется таким основанием наблюдателю, и в самом деле оказывается снятым. И снятым за счет того, что наблюдатель конструировал персональный идеальный тип именно так, чтобы смысловой контекст, представляющийся наблюдателю осмысленным основанием определяемого как типичное поведение, действительно представлялся бы персональному идеальному типу субъективным смысловым контекстом его деятельности — если бы он только был не типом, а реальным, обладающим жизнью и длительностью *alter ego*. Однако этот идеальный тип — в этом-то и заключается фундаментальный постулат социальной *науки* — должен быть сконструирован таким образом, чтобы приписываемые ему мотивы были адекватными в смысловом и каузальном отношении. Теперь следует разобраться, что подразумевал под этими двумя терминами Макс Вебер, совершенно справедливо осуждая их в рамках своей теории мотива. Прежде же совсем короткое терминологическое замечание:

Когда социология приступает к интерпретации некоторого конкретного действия, то ей дано действие как таковое, исходя из которого она делает заключение о типичных мотивах того, кто это действие совершил. Само собой разумеется, что при этом всегда происходит соотнесение с персональным идеальным типом. Однако чтобы избежать излишнего усложнения дальнейшего изложения, мы будем говорить только о типичном мотиве, уяснив предварительно, что под этим понимается субъективный смысловой контекст выстраиваемый в сознании некоего *alter ego*, воспринимаемого при этом типически.

§ 45. Каузальная адекватность

Вебер сам ясно говорит в «Хозяйстве и обществе» (с. 5–6) о том, что он понимает под интерпретацией, адекватной в смысловом и каузальном отношении: «Адекватным в смысловом отношении некоторое связно протекающее поведение мы будем называть постольку, поскольку соотнесенность его составляющих подтверждается нами согласно усредненным привычкам мышления и эмоционального отношения как типичный (мы обыкновенно говорим: «правильный») смысловой контекст. Каузально адекватным мы назовем последовательность процессов постольку, поскольку согласно правилам *опыта* существует шанс, что она действительно всегда протекает одинаковым образом. (Адекватным в *смысловом* отношении оказывается в этом понимании, например, *правильное* — согласно принятым у нас *нормам* счета, или мышления — решение арифметического примера. *Каузально* адекватным является — в пределах статистических данных — наступающая согласно проверенным правилам опыта вероятность «правильного» или «*ошибочного*» — с позиций принятых у нас *норм* — решения, в том числе и типичной «арифметической ошибки» или «создания неразрешимой проблемы».) Таким образом, каузальное объяснение означает констатацию того, что согласно оцениваемому каким-либо образом в (редком) идеальном случае — вычислимому *правилу* вероятности за определенным наблюдаемым процессом (внутренним или внешним) следует определенный другой процесс (или возникает вместе с ним)».

«*Правильная* каузальная *интерпретация* конкретной деятельности означает, что внешний процесс и мотив *верно* и в то же время в их связи познаются как *понятные*. *Правильная* каузальная интерпретация *типичной* деятельности (понятного типа действия) означает, что утверждаемый в качестве типичного ход событий представляется (в некоторой степени) адекватным в смысловом отношении, и в то же время может быть охарактеризован (в некоторой степени) как каузально адекватный. Если нет смысловой адекватности, то даже в случае чрезвычайно высокой и указываемой с точной числовой вероятностью регулярности перед нами оказывается лишь непонятная (или недостаточно понятная) статистическая вероятность. С другой стороны, в условиях социологического познания даже самая очевидная смысловая адекватность означает *правильное*

каузальное высказывание лишь постольку, поскольку доказано наличие (каким-либо образом установимого) *шанса*, что деятельность *действительно* обычно принимает представляющийся адекватным в смысловом отношении оборот, с поддающейся указанию частотностью или в некотором приближении (усредненно либо в «чистом» случае). Лишь те статистические регулярности, которые соответствуют понятному подразумеваемому смыслу некоторой социальной деятельности, являются (в употребляемом нами смысле) понятными типами действий, т.е. «социологическими правилами». Лишь те рациональные конструкции понятной в смысловом отношении деятельности являются социологическими типами реальных событий, которые по крайней мере в некотором приближении могут наблюдаться в реальности. Дело вовсе не в том, что будто бы параллельно выявляемой смысловой адекватности всегда возрастает реальный шанс частотности соответствующей ей последовательности событий. Так ли это, в каждом случае может показать лишь внешний опыт».

Мы попытаемся привести эти замечания Макса Вебера в согласие с основными представлениями нашей теории. Начнем с понятия каузальной адекватности. Каузально адекватной некоторая последовательность процессов называется постольку, поскольку согласно правилам опыта имеется шанс, что она постоянно будет протекать однотипно. Таким образом, понятие каузальной адекватности сводится к объективному смысловому контексту, который может быть охарактеризован также как опытный контекст социальной науки. Тот факт, что некоторые действия образуют последовательность, представляет собой результат познания, основанного в практике социальной жизни исключительно на самоистолковании Я, а в социальной науке — на научном опытном контексте; в обоих случаях познание достигается в синтезе рекогниции. Однако сам по себе он вовсе не должен быть направлен на переживание некоторого *alter ego* или на его пофазовое построение, или же на субъективный смысловой контекст, в который могут быть включены воспринимаемые факты действий, или же, наконец, на «подразумеваемый смысл» некоторой деятельности вообще. Таким образом, каузально адекватной последовательность событий является тогда, когда отвечает опыту, безразлично, обязана ли эта последовательность вообще человеческой деятельности или представляет собой некоторый процесс в мире природы. И в самом деле, понятие каузальной адекватности

было выработано физиологом, Иоганном фон Кирсом²⁶⁹, причем исходя из проблем вероятностных вычислений и с прицелом на теорию вины в уголовном праве — как общая категория мышления, независимая от специфики предмета. Терминологически против слова «каузальный» в контексте социологического анализа возможны серьезные возражения. Ведь поскольку при оценке так называемых каузально-адекватных процессов в социальном мире речь идет не о строгом отношении причина-следствие, являющемся принадлежностью «каузальности по необходимости», а обычно об отношении цель-средство, подобающем «каузальности, основанной на свободе», то и говорить о каузальном отношении в смысле общей мыслительной категории, установленной фон Кирсом²⁷⁰, нет возможности, пока мы остаемся на уровне внешнего течения событий, объективного смыслового контекста и т.д. Если же это понятие интерпретируется так, как это делает Макс Вебер в приведенных выше цитатах, то тогда *постулат каузальной адекватности* прежде всего значит не что иное, как то, что мы назвали *постулатом гармонии опыта*. *Каузально-адекватной типическая конструкция оказывается тогда, когда имеется шанс, что согласно правилам опыта (сначала безразлично, когда, кто и в каком смысловом контексте) некто будет действовать таким образом, что это будет соответствовать типической конструкции.*

Однако и эта формулировка является весьма неточной. Ведь если я исхожу из уже имеющейся в реальности деятельности, то любая идеально-типическая конструкция, полученная на этом пути, уже оказывалась бы каузально-адекватной, поскольку она раскрывает (типически постигаемый) субъективный смысловой контекст, исходя из объективного смыслового контекста действия, и этот смысловой контекст соответствует данному фактическому процессу, вернее — может соответствовать. Таким образом, для корректной в научном отношении конструкции персонального идеального типа не достаточно шанса, что действительно существует деятельность, являющаяся фактическим соответствием данной конструкции, *явно необходимо, кроме того, чтобы эта фактическая деятельность не была уникальной*, чтобы эта деятельность повторялась или была повторяемой и чтобы и этот постулат не противоречил общему контексту опыта науки. В связи с этим следует вновь указать, что Вебер исходит как раз из внешних фактов действия, с которым должен быть связан некоторый подразумеваемый смысл, не отдавая себе отчета в том, что и понятие единства деятельно-

сти может быть обосновано лишь субъективно, как только поднимается вопрос о подразумеваемом смысле. Однако эта ошибка Макса Вебера оказывается в данном случае безвредной, если следовать за его мыслью далее. Поскольку каузальная адекватность является для него прежде всего категорией метода *социальной науки*, то этот постулат приложим лишь к историческому или социологическому постижению деятельности в более широком окружении или в мире предшественников. Однако это постижение происходит путем создания идеально-типической конструкции, которая, исходя из факта внешнего, произвольно вычлененного социальной наукой процесса действия, ведет к персональному идеальному типу. Если при этом требуется, чтобы подобные конструкции создавались в социальной науке только в том случае, когда исходными являются действия, которым, согласно объективному опыту социальной науки, присуща определенная частотность, *то тогда данный постулат есть не что иное, как эвристический принцип, соответствующий требованиям научно (мыслительной) экономики*. Смысл его в том, что образование типов внешних процессов лишь тогда желательно для социальной науки и лишь тогда целесообразно для решения ее специфических проблем, когда действия, служащие исходными для образования типов, не являются единичными и уникальными, а когда им сопутствует некоторый шанс повторяемости. В таком понимании постулат каузальной адекватности ни в коем случае не является существенным законом мышления в социальной науке вообще. Его появление объяснялось бы в таком случае особой проблематикой социологии в противоположность проблематике истории, т.е. диспозицией интересов социолога. Однако была бы свобода выбора: изучать научно тематику заданного социального мира с позиций социолога или историка.

Однако предложенный Вебером постулат каузальной адекватности идеально-типической конструкции означает, *кроме того*, еще и нечто иное. По причинам, которые еще предстоит обсудить, социолог предпочитает интерпретативную схему *рациональной* деятельности, а именно целерациональной или ценностно-рациональной деятельности, всем прочим интерпретативным схемам. Всякая целерациональная деятельность протекает в рамках отношения цель-средство. Констатация определенной частотности объективного протекания подобной целерациональной деятельности означает выявление типичных отношений цель-средство между заданными средствами и ти-

пичными целями. Выбор целей, т.е. замыслов «для того, чтобы» действующего обеспечивается идеально-типической конструкцией. Однако если это уже произошло однажды, то согласно объективному опытному контексту для достижения этих целей требуется применение определенных средств. Это применение средств для определенной цели должно согласовываться с объективным контекстом опыта. Итак, постулат каузальной адекватности означает у Вебера, что при типической конструкции целерациональной деятельности *средства, применяемые как типичные, должны быть «согласно общим правилам опыта» пригодными для достижения целей, полагаемых в качестве типичных*. Это второе понятие каузальной адекватности будет целесообразнее разобрать не ранее, чем мы займемся вопросами рациональной деятельности и рационального метода.

Каузально-адекватной идеально-типическая конструкция называется потому, что она хотя и должна подтверждаться «как правило», а именно — согласно правилу частотности, однако никак не должна оказываться верной всегда. Вебер сам приводит в качестве примера понятия каузальной адекватности вероятность типичной ошибки в расчетах. Скажем, мы получили задание на умножение числа на двузначное число, и начали умножение с единиц множителя, а следующую строчку с частным результатом сдвинули на один шаг направо, а не налево, как полагается при умножении «в столбик». Каузально-адекватным будет вывод, что при подобном образе действий будет получен неверный результат. Однако это справедливо не при всех условиях, потому что если обе цифры множителя одинаковы, то неважно, какая из строчек оказывается сдвинутой влево. В данном случае можно даже достичь упомянутого Вебером идеального случая с выраженной в числовом показателе вероятностью, потому что из десяти проводимых таким образом умножений девять будут ошибочными, а одно — верным. Однако если мы рассмотрим данный пример более подробно, то окажется, что обозначенное как каузально-адекватное согласие с опытом, в свою очередь, само опирается на постигаемые типически *адекватные в смысловом* плане отношения, в нашем случае — на законы арифметики и теории чисел, находящихся применение в практике умножения. Мы можем сформулировать данное положение и в еще более общем виде и заявить, что всякая каузальная адекватность, если она нацелена на человеческую деятельность, всегда оказывается уже опирающейся на адекватные в смысловом отношении

теории. Ведь так как каузальная адекватность должна означать согласие типической конструкции человеческой деятельности с общим контекстом нашего опыта, и так как всякий опыт человеческой деятельности предполагает ее включение в некоторый смысловой контекст (объективный ли, субъективный ли), то оказывается, что отношение, обозначенное как каузально-адекватное, представляет собой, поскольку речь идет о человеческом поведении, лишь частный случай смысловой адекватности.

Правда, дело обстоит иначе, когда речь идет о процессах природных, оказывающихся принципиально «непонятными» и «бессмысленными», поскольку они трансцендентны длительности и носят пространственно-временной характер. Но здесь не место для того, чтобы более подробно рассматривать этот чрезвычайно сложный вопрос разграничения естественных и социально-гуманитарных наук.

Данное утверждение станет сразу же понятно, как только мы обратимся к анализу смысловой адекватности.

§ 46. Смысловая адекватность

Согласно Веберу, связно протекающее поведение является адекватным в смысловом отношении постольку, поскольку соотносимость его составляющих подтверждается *нами* в согласии с усредненными привычками мышления и эмоциональной активности как типичный смысловой контекст. При этом вновь проявляется господствующий над всей теорией науки Вебера парадокс: Вебер считает, что задача науки, занятой поисками подразумеваемого (причем подразумеваемого действующими) смысла, может быть решена и решается установлением объективных, т.е. заданных не действующему, а наблюдателю смысловых контекстов. В переводе на наш язык положение Вебера гласило бы, что смысловая адекватность какой-либо деятельности наличествует уже в том случае, если ее протекание может быть включено в некоторый объективный смысловой контекст. Наш подробный анализ показал, что это включение в объективный смысловой контекст всегда может происходить совершенно независимо от учета созидательных политетических актов в сознании действующего, т.е. без интерпретации порождения как свидетельства переживаний сознания действующего. Следовательно, нам осталось выяснить, является ли включение в объективный смысловой контекст уже

адекватным в отношении смысла (в терминологии Макса Вебера), или же все-таки лишь непротиворечивое включение в субъективный смысловой контекст соответствует постулату смысловой адекватности. Нам и в самом деле не останется ничего иного, как склониться ко второй точке зрения²⁷¹.

Для веберовской теории смысловой адекватности данное различие отнюдь не является иррелевантным. Ведь его вопрос касается того, подтверждается ли соответствующее поведение как типический смысловой контекст «согласно *усредненным* привычкам мышления и эмоциональных проявлений». Однако что имеет в виду Вебер, делая это дополнительное замечание, остается довольно неясным. Что представляют собой эти «усредненные привычки», можно выяснить лишь путем каузально-адекватной конструкции, а не конструкции, адекватной в смысловом отношении. Кажется противоречием, что смысловая адекватность должна оцениваться хотя и нами, социологами, однако согласно усредненным привычкам мышления и эмоциональных проявлений, разве что Макс Вебер понимал в данном случае эксплицитный опыт социальных наук относительно всех мыслимых монотетических обращений к политетическим актам в пределах любого сознания как опыт усредненных привычек мышления и эмоциональных проявлений. Для смысловой интерпретации чужого поведения достаточно допустить, что очерченная мной идеально-типическая конструкция действующего таким образом включена в некий смысловой контекст. Этого бывает достаточно даже в том случае, если я, наблюдатель, не в состоянии сложить подобный контекст в своем сознании потому, что некоторые из политетических актов (или монотетическое обращение к ним) противоречат общему контексту моего опыта. Я могу считать интерпретацию поведения некоторого примитивного народа на основе тотемических представлений адекватной в смысловом отношении, хотя «усредненным привычкам мышления и эмоциональных проявлений» нашего времени вообще — или хотя бы только социологов нашего времени — чужды тотемистические представления. Но Макс Вебер имеет в виду совсем не это. Ведь он прекрасно сознает, что эти «усредненные привычки» отсылают к заданным персональным идеальным типам и что, соответственно, важно определить, могут ли — согласно нашему опыту, т.е. опыту социальной науки — определенные смысловые контексты быть соотносены с некоторым персональным идеальным типом более широкого окружения или мира предшественников. Так мы в наших поисках

подходящего критерия для понятия адекватного в смысловом отношении идеального типа вновь возвращаемся к субъективному смысловому контексту и персональному идеальному типу, создание которого должно осуществляться согласно постулату каузальной адекватности.

В то же время, приложение идеально-типической конструкции к конкретной деятельности оказывается адекватным в смысловом отношении тогда, когда субъективный смысловой контекст, в котором политетические акты, конституирующие деятельность, представляют сознание персонального идеального типа, может предполагаться также и в пределах конкретного заданного нам для толкования сознания *alter ego*, или, вернее, *если это предположение не противоречит нашему прочему опыту относительно данного сознания*. Правда, это сознание, переживания которого нам предстоит истолковать, может быть более или менее определенным в соответствии с нашим опытом относительно этого сознания. *В таком случае проблема смысловой адекватности касается лишь приложения уже конституированных идеальных типов к конкретной деятельности, как если бы социолог был совершенно свободен при конструировании персонального идеального типа*, поскольку он устраивает его сознание таким образом, чтобы оно было способно переживать типичное поведение как субъективный смысловой контекст.

Наш анализ понятия смысловой и каузальной адекватности показал, что у Макса Вебера эти понятия могут переходить одно в другое. Не бывает адекватного в отношении смысла толкования, которое не было бы в то же время каузально адекватным, и наоборот. Ведь оба постулата завязаны на непротиворечивость некоторому заданному опыту, и если в качестве исходного момента берется подобный однозначно определенный багаж опытных знаний, если предполагается, что толкование осуществляется одним и тем же лицом в одних и тех же Сейчас и Так, то из этого с необходимостью следует, что либо выполняются оба постулата, либо ни один из них не выполняется. Лишь если вследствие ошибочной конструкции единство опыта интерпретатора оказывается нарушенным, либо распределенным между несколькими лицами, т.е. между несколькими потоками сознания, либо разделенным во времени, когда, скажем, более поздний опыт противопоставляется проведенной до того адекватной в смысловом отношении интерпретации, которой он противоречит каузально, — только в этом случае данная псевдопроблематика может вообще возникать.

Ведь и в том случае, когда предметом наблюдения оказываются якобы «непонятные» процессы, т.е. когда, согласно Веберу, можно констатировать статистическую частотность и, следовательно, каузальную адекватность, но без адекватности смысловой, очень может быть, что для действующего, тем не менее, существует адекватный в смысловом отношении контекст. Например, если мы наблюдаем за кем-то, подсчитывающим частотность употребления определенных слов в произведениях Платона, то данная деятельность оказывается не поддающейся адекватной в смысловом отношении интерпретации согласно «усредненным привычками мышления и эмоциональных проявлений», оказываясь «непонятной», в терминологии Вебера. Однако если знать, что, согласно лингвистической статистике, каждый человек в определенные периоды своей жизни проявляет склонность к употреблению определенных слов, что использующий методы лингвистической статистики надеется исходя из этого найти критерий хронологии произведений Платона и т.д., то в этом случае его деятельность оказывается адекватной в смысловом отношении и понятной для нас. Мы увидим далее, насколько подобная смысловая адекватность у Вебера сочленена с мотивами-для рациональной деятельности и насколько тесно его понятие понятности связано с его концепцией целерациональной деятельности.

Но прежде несколько слов об обстоятельстве, на самом деле лежащем в основе разделения адекватности на смысловую и каузальную.

Постулат адекватности идеально-типической конструкции, под которым мы будем понимать соединение смысловой и каузальной адекватности, означает не что иное, как то, что идеальный тип должен конструироваться в *чистом* виде (т.е. исключая все трансцендентное типу поведение²⁷²) и что он должен быть совместим с нашим опытом мира вообще, а потому также с нашим опытом Ты вообще и данного особого Ты, чьи действия мы предполагаем исследовать как типичные. Кроме того, в постулате содержится требование, что за отправную точку типической конструкции следует брать только то поведение, которое является повторимым. Таково содержание постулата эквивалентности, поскольку речь идет о *конструировании* идеальных типов. Но уже сконструированные идеальные типы могут прилагаться уже описанным способом к конкретным процессам действий. В таком случае постулат адекватности означает, что отнесение конкретного действия к некоторому типу

должно объяснять данное действие, *в достаточной мере и притом не противореча заданному опыту*. Но *достаточно объясненной* через типичную конструкцию деятельность оказывается только тогда, когда ее мотивы опознаются как типичные: обращение к ней должно быть, следовательно, адекватным в смысловом отношении. Каузальная же адекватность означает в данном случае не что иное, как то, что данные мотивы действительно могли быть действенными, или, вернее, что должен существовать объективный шанс того, что данные мотивы действительно были действенны. Понятием шанса мы сейчас и займемся.

§ 47. Объективный и субъективный шанс

Макс Вебер различает объективный и субъективный шанс. Объективный шанс заключается в том, что некоторый определенный процесс или определенное поведение вообще мыслимы адекватным в смысловом и каузальном плане, причем объективно, т.е. без обращения к определенным переживаниям сознания соответствующего действующего лица. Таким образом, *объективный шанс* является категорией *толкования*. Что же касается субъективного шанса, то он присущ только субъективному смысловому контексту, «подразумеваемому смыслу». Он указывает от действующего в будущее, воображаемое *modo futuri exacti* уже свершившимся. Субъективный шанс по значению совпадает с ожиданием в самом широком смысле и потому представляет собой прежде всего предикат замысла и присущих ему предположений, направленных на цель действия. Поэтому всякому замышляемому «для-того-чтобы» некоторой деятельности присущ в глазах действующего лишь субъективный шанс постольку, поскольку он ожидает, что еще неосуществленная деятельность будет уместна, чтобы привести замышляемое как осуществившееся в будущем действие к самочинному завершению. В этом смысле вероятностный характер уже ясно выражен в терминологическом выражении ориентированности деятельности. Поэтому все мотивы-для носят для действующего характер субъективного шанса.

Однако подлинному мотиву-потому-что можно приписать лишь объективный шанс, и это значит не что иное, как то, что некоторый мотив-потому-что может считаться действенным в том случае, если бы он мог быть действенным в силу адекватной в смысловом и каузальном отношении конструкции. Си-

туация в данном случае для невключенного наблюдателя оказывается точно такой же, как и для самого действующего, хотя тот подмечает свои подлинные мотивы-потому-что, лишь обратившись к самонаблюдению, и всегда обращает вопрос *modo plusquamperfecti* ретроспективно, исходя из задуманного мотива-для либо осуществленного действия, выясняя относительно предпрошедшего переживания, что можно считать «адекватным» мотивом-потому-что того или иного замысла. Поэтому критерием верного мотива-потому-что является объективный шанс того, что указанное в качестве мотива-потому-что состоит с тем, что оно мотивирует, с «для-того-чтобы» действия», в адекватном смысловом контексте. Данное суждение само представляет собой объективный смысловой контекст, а тем самым и шанс, что содержание суждения верное, является объективным.

И наоборот, положение, согласно которому мотиву-для присущ характер субъективного шанса, означает не что иное, как то, что всякое задуманное действие нуждается прежде в осуществлении через реальный процесс деятельности и что замышляющий его рассчитывает на его осуществление. Однако это суждение опирается на контекст опыта, действующего в момент замысла. Ведь действующий делает вывод, что существует некоторый шанс на успех его замысла, исходя из опыта, что подобная деятельность в «аналогичных» случаях приводила к желаемому результату. Таким образом, он помещает запланированную им деятельность в некоторый — по его мнению «адекватный» смысловой контекст, включающий предпрошедшие переживания, задуманные *modo plusquamperfecti*.

Прежде всего нам предстоит исследовать отношения между понятием шанса и идеальными типами, сконструированными научно, т.е. согласно постулатам адекватности.

Что касается конструкции идеальных типов, то в постулате адекватности содержится требование объективного шанса, что некоторое реальное *alter ego* ведет себя так, как это присуще соответствующему типу. Так что объективный шанс и типическая адекватность являются коррелятами постольку, поскольку речь идет о свершившемся поведении. Однако если типическая конструкция должна быть приложена к будущей или еще не завершенной деятельности, то в этом случае тип оказывается сконструированным адекватно в смысловом отношении, если его мотивы-для устроены так, словно он в состоянии оценивать свой субъективный шанс и соответствующим образом направлять свое поведение. Иными словами, в каче-

стве инвариантных устанавливаются те мотивы, которые согласно заданному объективному опыту замышляющего присутствуют в замысле цели его действия в качестве обладающих высокими субъективными шансами. Замыслы обладают высокими субъективными шансами тогда, когда ожидается, что цель действия будет достигнута путем деятельности, замышляемой modo futuri exacti как завершенная в будущем.

Идет ли речь об объективном или субъективном шансе, в обоих случаях в этом понятии присутствует категория потенциальности. А со времени появления «Идей» Гуссерля²⁷³ нам известно, что истоки потенциальности могут быть двоякими. С одной стороны, это потенциальность, обусловленная позиционностью, сводимая к тетическим актам полагания осуществляющего опытное познание Я, с другой — переведенные в потенциальность нейтрализованные содержательные элементы сознания²⁷⁴. Обе эти категории охватываются используемым нами понятием объективного и субъективного шанса. Различие заключается в том, что в случае тетической потенциальности суждения осуществляются относительно эксплицитно и ясно, тогда как в случае переведенных в потенциальность нейтрализованных содержательных элементов сознания шанс на осуществление просто остается открытым или принимается как не вызывающая вопросов данность. Однако эта постановка проблемы вновь отсылает к заданным всем смысловым контекстам модусам обращения в переживаниях сознания действующего, к его attention à la vie и следующим отсюда модификациям его внимания, в которых он обращен к своим собственным переживаниям. Но если сама attention à la vie подобающим образом установлена как типичная и предполагается как совершенно определенный модус обращения Я к своим переживаниям в некоторой типичной диспозиции внимания как инвариантная, то субъективный шанс, следующий из нейтрализующих переживаний сознания, может быть исключен из рассмотрения, а внимание сосредоточено лишь на том шансе, который происходит из тетической позиционности. В таком случае можно предположить, что действующий взвешивает в тетических актах полагания цель действия, заданные ему средства и достижимость цели действия данными средствами, что он выносит при этом суждения, обладающие относительной ясностью, короче говоря, что он *действует рационально*. И это понятие рациональной деятельности мы разберем в качестве завершения нашего анализа основных понятий Макса Вебера.

§ 48. Предпочтение рациональных типов деятельности понимающей социологией

С этой целью нам придется вернуться к нашему определению деятельности. Мы назвали деятельностью поведение на основе выработанного прежде замысла. В этом отношении всякая деятельность является рациональной, ведь в замысле уже содержится «для-того-чтобы» и «чего-ради» данной деятельности. Если такой замысел отсутствует, то и нет речи о «деятельности», тогда соответствующее лицо лишь «ведет себя» определенным образом, или живет, если он даже не осуществляет какой-либо акт спонтанной активности, повинувшись потоку переживаний. Однако дело в том, что всякая деятельность на основе замысла может быть включена в смысловой контекст более высокого порядка. Тогда она представляет собой частную деятельность, направленную на достижение некоторой цели действия высшего порядка. Может случиться и так, что эта цель действия высшего порядка задана вполне ясно, тогда как частная деятельность осуществляется в неявном, неопределенном виде, или, напротив, отдельные случаи частной деятельности замышляются эксплицитно, в то время как цель действия высшего порядка, как и мотив-для остаются неясными и для самого действующего. Пример первого случая: «Чтобы добраться до пункта А, мне надо идти в этом направлении» — это вместо эксплицитной формулировки суждения: «Чтобы добраться до пункта А, я должен идти отсюда до В, затем от В к С и т.д.». Пример второго случая: химик предпринимает ряд опытов, сопровождаемых анализами, надеясь в их результате получить некое открытие, однако какое — он не может сказать определенно. Всякое социальное наблюдение в более широком окружении, а потому и всякая наука о социальном мире целенаправленно исходят из типа, которому как цель деятельности высшего порядка, так и все промежуточные цели даны с эксплицитной ясностью. Ведь поскольку, как мы видели, в качестве типичных и инвариантных полагаются мотивы-для, из которых вытекает ведущая к действиям деятельность, то допущение эксплицитной ясности относительно цели действия и всех промежуточных целей дает максимум смысловой адекватности, а тем самым и максимальный шанс верности установленных в качестве инвариантных мотивов. Однако таким

типичным действием является, согласно Веберу, *рациональная деятельность*²⁷⁵, при том, что остается совершенно безразличным, идет ли речь о целерациональной или ценностно-рациональной деятельности. Данное различие *относится скорее к подлинному мотиву-потому-что*, который может быть соотнесен с установленным в качестве типичного мотивом-для. Таким образом, целерационально (или ценностно-рационально) обусловлены цели действий, на которые действующий ориентируется в силу своей диспозиции интересов, тем самым целерационально (или ценностно-рационально) обусловленной оказывается и его проблематика, так же как и привлекаемые в качестве релевантных для решения соответствующих проблем переживания²⁷⁶.

Это отношение средство-цель может быть очевидно представлено в некотором объективном смысловом контексте, может быть оценен и его объективный шанс. При подходящем подборе типа объективный смысловой контекст отношения средство-цель может быть приравнен к субъективному смысловому контексту, а объективный шанс — к субъективному. Это положение оказывается тем более действенным, чем более общей является проблематика, которая может быть выявлена в качестве подлинных мотивов-потому-что для установленных в качестве типически-инвариантных мотивов-для. По этой причине понимающая социология — однако отнюдь не она одна — предпочитает тип рациональной деятельности. Если приходится иметь дело с иррациональной деятельностью — под которой, согласно сказанному ранее, можно понимать только то, что неясной, смутной или открытой остается либо частная деятельность, либо цель действия высшего порядка, — то в качестве исходного типа принимается целерациональная деятельность, а затем путем изменения полагаемых в качестве типичных мотивов-для, т.е. через варьирование инварианта, создается вариантный тип, позволяющий постигнуть иррациональную деятельность. Если не упускать из вида, что предметом социологии являются преимущественно отношения воздействия, что эти отношения в силу взаимной ориентации состоящих в них всегда протекают по схеме средство-цель, то важность предпочтения рациональной деятельности станет понятной без дальнейших объяснений. Правда, Вебер сам постоянно подчеркивал, что предметом социологии является не только рациональная деятельность, но и иррациональная, аффективная, традиционная и т.д.; именно последние категории

он образцовым образом использовал в своих работах по социологии религии.

От рациональной идеально-типической конструкции, которую понимающая социология по указанным причинам предпочитает и должна предпочитать, следует четко отличать так называемый рациональный метод самой понимающей социологии. Этот часто употребляемый ярлык оказывается совершенно неоправданным, когда его пытаются выдать за специфический признак, отличающий социологию от прочих наук. Цель всякой науки заключается в том, чтобы привести смутное содержание повседневных суждений в состояние эксплицитной ясности. Всякая наука с неизбежностью пользуется при этом формальной логикой в качестве интерпретативной схемы. Всякое научное суждение осуществляется по идее эксплицитно, и смысловой контекст, в который объединяются предметности суждения некоторой науки, так сказать, ее цель действия высшего порядка — постановка проблемы, и все ведущие к достижению этой цели отдельные акты суждения должны осуществляться с максимальной ясностью. Наукой нельзя заниматься иначе, нежели «рационально». И то, что методика понимания в социологии Вебера также представляет собой осуществление рациональных суждений, приходится постоянно повторять, учитывая множество попыток противопоставить — ошибочно ссылаясь при этом на Дильтея — строго рациональной науке так называемую науку понимания, которая, исходя из метафизических или аксиологических предпосылок или ссылаясь на не обосновываемую далее «интуицию», претендует на достижение своих познавательных целей иными путями, нежели через соответствующую понятийную обработку заданного материала.

Разумеется, постулат науки понимания исторически обусловлен потребностью прорвать пределы, положенные рациональной науке при постижении живых переживаний. Однако в том-то и дело, что жизнь и мышление — вещи разные, и наука остается делом мысли даже и тогда, когда темой ее становится жизнь, в том числе и жизнь в социальном мире. Поэтому она не может ссылаться на смутное вчувствование или на заданные ценности, как не может и опираться на описания, лишённые строгости понятийного мышления. Это и ничто другое имел в виду Вебер, когда он, именно он, поднявший «пнимающую» социологию до статуса науки, постоянно постулировал объективность познания в любой социальной науке.

§ 49. Объективный и субъективный смысл в социальных науках

После этого анализа важнейших базовых понятий понимающей социологии мы можем вернуться к поднятому в § 43 вопросу о своеобразном соотношении смысловой интерпретации социального мира социальными науками и смыслополагания этого самого социального мира в актах повседневной жизни. Мы установили, что все науки о социальном мире являются объективными смысловыми контекстами субъективных смысловых контекстов. Лишь теперь мы в состоянии дать удовлетворительное разъяснение относительно этого утверждения.

Всякое научное опытное знание социального мира — опытное знание более широкого социального окружения или социального мира предшественников, но никак не опытное знание ближайшего социального окружения. Соответственно социальные науки постигают человека в его социальности не как живое Ты, наделенное длительностью, а как персональный тип, которому не присущи ни подлинная длительность, ни спонтанность, а лишь воображаемое (т.е. такое, которое никто не может пережить и никто не переживал) время. Этому идеальному типу приписываются в качестве предикатов лишь такие переживания сознания, которые уже заранее отмечены выделением инвариантов типично релевантных мотивов. Методика установления инвариантов была продемонстрирована нами в ходе анализа методики понимающей социологии: установление инвариантов осуществляется адекватно в смысловом и каузальном отношении, т.е. с постоянным обращением к заданному опыту социального мира и мира вообще и при вполне мотивированной совместимости с прежде образованными идеальными типами, в которых Я, живущее в социальном мире, постигает свое более широкое окружение и свой мир предшественников.

Поскольку действующие в социальном мире заданы социальным наукам не в их телесности и самоданности, а лишь опосредованно, как персональные идеальные типы, то и задачей этих наук не может быть постижение субъективного смысла человеческого смысла таким образом, как это присуще лишь пониманию alter ego в социальном отношении ближайшего окружения. Однако мы видели, что понятие субъективного смысла претерпевает различные модификации при переходе из сферы ближайшего окружения в сферу более широкого ок-

ружения или мира предшественников. В идеально-типической конструкции смысловые контексты, познаваемые в ближайшем окружении путем непосредственного опыта, последовательно заменяются системой наслаивающихся один на другой и включенных один в другой, переплетенных объективных смысловых контекстов. Однако именно эта конструкция обеспечивает постижение процессов конституирования, в которых для полагающего смысл порождается то смысловое содержание, которое мне, интерпретатору, как и интерпретирующей социальной науке, задано как объективный смысл окончательно конституированной предметности. Правда, обнажение этого процесса конституирования с помощью техники типизации происходит не в живых интенциональных актах, не допредикативно и не в отношении с живым и обладающим реальной длительностью сознанием, а лишь на модели подобного сознания лишь на персональном идеальном типе, лишь в предикативных структурах и в экспликации путем последовательных, шаг за шагом суждений.

Наш анализ персонально идеального типа продемонстрировал, что он может обнаруживать все степени анонимности и, соответственно этому, все степени содержательной наполненности. Что бы ни описывалось идеально типической конструкцией: поведение индивида, или другого alter ego более широкого окружения, или даже неких анонимных «некто» или «всякий», — всегда есть возможность исхода из заданного уже готовым порождения обратиться к лежащим в его основе конституирующим процессам порождения. По этой причине предметная область социальных наук включает участки с совершенно различной степенью анонимности и совершенно разной содержательной полноты. А если учесть, что наше понятие социальных наук охватывает как историю индивида, так и теоретическую национальную экономику, правоведение, то данное утверждение станет и без того очевидным. К тому же прояснение субъективного смыслового контекста порождений любого рода с помощью идеально-типической техники является целью отнюдь не для всех социальных наук. Существуют и социальные науки, занимающиеся лишь объективными контекстами, лишь материальными идеальными типами (процессуальными типами), без дальнейшего обращения к соответствующим персональным идеальным типам. Эта группа социальных наук, примерами которых могут служить история права как описание исторических форм права, или «история искусства без имен»,

или, среди неисторических наук — «общая политология», предполагает низшие конститутивные ступени смыслополагания данными безусловно, без вопроса, вообще не включая их в поле зрения. Темой этих наук является не порождающий процесс смыслополагания, а полученные из него порождения, воспринимаемые без вопроса как осмысленные и подводимые под материальные типы (процессуальные типы).

Напрашивается возражение: утверждение, что все социальные науки относятся к наукам типобразующим, противоречит факту «номотетических», т.е. «законообразующих» социальных наук, претендующих на то, чтобы давать универсальные познания, предшествующие всякому опыту. Кратко проанализируем особый характер этих наук и их особое отношение к субъективному и объективному смыслу социального мира на примере теоретической национальной экономики.

Австрийская школа национальной экономики, действующие в том же направлении англо-американские исследователи, да и математическая школа национальной экономики претендуют на то, что занимаются точной, теоретической наукой, положения которой обладают универсальной значимостью, т.е. применимы в любое время и в любом месте, где осуществляется экономическая деятельность. Среди новейших авторов данного направления наиболее значимым поборником теоретического характера национальной экономики можно считать Мизеса. В своей уже не раз цитированной работе «Социология и история» Мизес, полемизируя с Максом Вебером, занимается проблемой противопоставления теоретической и исторической социальной науки. Национальная экономия предстает для него лишь частную область, и притом чрезвычайно развитую область социологии. Возражая Веберу, Мизес поднимает вопрос, «действительно ли теоретические понятия национальной экономики носят логический характер идеальных типов». Он приходит к следующему выводу: «На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Конечно, и понятия нашей теории также в своей «понятийной чистоте... нигде не встречаются в эмпирической действительности». Ведь понятия никогда и нигде не встречаются в действительности, они относятся к области мышления, а не действительности; они представляют собой духовное средство, с помощью которого мы пытаемся объять мыслью действительность. Однако нельзя утверждать относительно этих понятий теории национальной экономики, будто они получаются путем «одностороннего *возвышения од-*

ной или *нескольких* точек зрения и путем соединения в единую картину *мысли* множества отдельных явлений, существующих в диффузном и дискретном виде, обнаруживающихся то больше, то меньше, а то и вовсе не обнаруживающихся, явлений, согласующихся с теми самыми односторонне выделенными точками зрения»²⁷⁷. Вернее было бы сказать, что они получаются путем абстракции, «направленной на то, чтобы выделить содержащееся в каждом из подвергнутых рассмотрению частных явлений»²⁷⁸. «Фундаментальная ошибка Вебера заключается в том, что он не увидел притязания на универсальную значимость, с которым выступают социологические теоретические положения. Экономический принцип, фундаментальные законы формирования ситуации обмена, закон прибыли, демографический закон и все прочие положения действительны всегда и повсюду, где имеются необходимые для них условия»²⁷⁹.

Несомненно, критика, которую Мизес обращает против утверждения, что понятия национальной экономики представляют собой идеальные типы, справедлива, если определять «идеальный тип» так, как это сделано в самой ранней формулировке у Макса Вебера, на которую и указывает Мизес в приведенной цитате. При таком подходе идеальный тип и в самом деле представляет собой понятийную структуру, приложимую лишь к историческим данностям и противопоставленную полученным путем «абстракции» понятиям теоретической социологии, вычленившим то, что содержится в *каждом* из рассматриваемых частных явлений. Однако предлагаемое в *данной* работе понимание идеального типа, уже намеченное, по моему мнению, в поздних работах Вебера²⁸⁰, совершенно иное. Согласно этому пониманию, сущность идеально-типической конструкции заключается в утверждении в качестве инвариантных определенных мотивов в пределах области варьирования соответствующего самоистолкования, в ходе которого действующее сейчас-здесь-так Я интерпретирует свою деятельность (поведение). Правда, это установление инвариантов отсылает к предшествующему «опыту», однако не к опыту в смысле индифферентного плоского эмпиризма, а к изначальной основе получаемого в допредикативной самоданности опыта, опыта предмета как самости, как его самого. В таком понимании идеальный тип никоим образом не ограничивается каким-либо определенным процессом конституирования или определенным генетическим принципом. Можно формировать идеальные типы как эмпирические («эмпирия» понимается здесь в смысле совокупнос-

ти опыта внешнего мира), так и «эйдетические» (т.е. получаемые путем созерцания сущности), полагаемое в качестве инварианта может быть добыто путем абстракции, обобщения или формализации, следует только соблюдать принцип смысловой адекватности. Согласно этой нашей концепции идеальных типов, идеально-типический характер оказывается присущим также и понятиям и положениям теоретических социальных наук — следовательно, и национальной экономики. Ведь и примеры, приведенные Мизесом — экономический принцип, фундаментальные законы формирования ситуации обмена и т.д., — представляют собой идеально-типические конструкции в этом смысле, правда, такие конструкции, которые, будучи порожденными в процессах обобщения и формализации, дистиллировали установленное в качестве инварианта путем разного рода формовок и переработок, так что приобрели характер «универсально значимых». В процитированном месте Мизес выражает это дополнением, что теоретические положения действую всегда и везде, «где имеются необходимые для них условия». Эти идеальные типы соотносятся не с индивидуальным alter ego или с некоторым большинством alter ego, которые были бы исторически и пространственно локализованы. Они представляют собой высказывания о протекающей в полной анонимности деятельности (поведении) какого-то Некто, или, вернее, Кого-угодно, где бы и когда бы подобная деятельность ни осуществлялась. Именно поэтому данные высказывания обладают незначительной содержательной наполненностью²⁸¹. Мизес вполне справедливо порицает (с. 486), что Вебер ограничивает действие положений австрийской теории национальной экономики экономической деятельностью, происходящей по расчету торговца, он справедливо характеризует такую позицию как позицию так называемой классической национальной экономики (образующей менее анонимный и более содержательно наполненный тип экономического человека), тогда как современная национальная экономика исходит не из поведения торговца, а из поведения потребителя, т.е. поведения «любого». Положения каталлактики приобретают свою степень универсальности именно в силу того, что лежащий в их основе «идеальный тип» обладает высокой степенью анонимности. В этом заключается — и Мизес неоднократно подчеркивает это²⁸² — их объективизм и объективность. *Однако эта объективность не иного рода, чем та, о которой шла речь в наших рассуждениях об объективном и субъективном смысловом*

контексте. Тем самым закон национальной экономики приобретает характер дефиниционного ограничения инвариантной области, в пределах которой осуществляются действия, называемые «экономическими системами», кто бы эти действия ни осуществлял²⁸³.

Таким образом, согласно нашим представлениям, факт теоретической национальной экономики является прямо-таки образцовым примером объективного смыслового контекста, связывающего субъективные смысловые контексты, а именно — объективного смыслового контекста, объединяющего — типичные в нашем понимании — переживания сознания любого, кто занимается экономической деятельностью, отдавая предпочтение тем или иным материальным ценностям. Правда, слово «типичный» обладает при этом специфическим значением, и тут нельзя не согласиться с Мизесом, когда тот подчеркивает, что противоречащую экономическому закону деятельность (в нашем понимании — «атипичную») вообще нельзя помыслить, однако это верно постольку, поскольку закон предельной выгоды понимается как установление в качестве инварианта чистого формального действия согласно выгоде, и в эту схему не включаются никакие материальные цели действий — например, цели, которые были бы осуществимы использованием «материальных ценностей»²⁸⁴. Если же это происходит и мы тем самым покидаем сферу совершенно анонимного «любого» участника, или даже обращаемся к субъективному смысловому контексту конкретного alter ego, то в этом случае вполне можно говорить об атипичном поведении — атипичном в отношении определяемых как типичные материальных целей экономической деятельности. Правда, подобное поведение остается иррелевантным для национальной экономики, и ее положения только поэтому, как пишет Мизес, являются «выражением не того, что обычно случается, а того, что с необходимостью должно происходить всегда» (с. 484).

Критика Мизеса, с которой мы, таким образом, могли бы согласиться, касается не применимости идеальных типов к факту хозяйственной деятельности вообще — ибо как же можно ее исключить, если научное познание социального мира по своей сути является типизирующим, — а лишь применением неадекватных, в силу их относительной содержательной наполненности, идеальных типов низкой степени анонимности. Что же касается объективности познания в области национальной экономики, то она заключается не в чем ином, как во включе-

нии субъективных контекстов (например, «субъективных представлений о ценностях») в объективный контекст науки.

Нам предстоит рассмотреть противопоставление объективного и субъективного смысла на примере науки совершенно иного методологического склада, «чистой теории права» Ганса Кельзена. В ней наша проблема возникает в следующем виде: «Является ли некая конституция уже потому республиканской, что сама провозглашает себя таковой? Является ли некоторое государство федеративным, потому что это утверждается в конституции? Поскольку правовые акты, как правило, выражаются в словах, они могут выразить кое-что и относительно своего значения. В этом заключается существенное различие между материей правоведения, да и *социальных наук вообще*, и материей естественных наук. Камень не говорит: я животное. Принимать без оговорок правовой смысл, на который субъективно претендуют некоторые человеческие акты, как смысл объективный — *retitio principii*. Ведь являются ли они вообще правовыми актами, каково их место в системе права, каково их значение для других правовых актов — все это зависит от *основной гипотезы*, с помощью которой порождается интерпретирующая их схема»²⁸⁵. «Наука, изучающая право, не может отказаться от того... чтобы характеризовать находящиеся на границе системы правовых актов факты как акты, не являющиеся, *вопреки тому смыслу, на который они претендуют*, правовыми актами, т.е. это *нулевые* акты. Глубинная причина открывающейся здесь проблемы заключается... в том обстоятельстве, что материя теории права, человеческие действия, отягощена изначально, имманентным, субъективным смыслом, который в конечном итоге может совпадать, а может и не совпадать с объективным смыслом, который действие обретает в системе права, *в конечном счете — благодаря предполагаемой теории права гипотезе базисной нормы*»²⁸⁶.

Своеобразное отношение социальных наук к своему предмету, которое мы охарактеризовали как включение субъективных смысловых контекстов в объективный смысловой контекст, не может быть сформулировано в более резкой форме, чем это сделано в только что приведенных цитатах. Субъективный смысловой контекст, которым отдельное правовое положение наделено для его создателя, помещается интерпретирующей правовой наукой в некоторый объективный смысловой контекст с помощью идеально-типических конструкций (в используемом нами значении этого термина). В этом установ-

лении инвариантов, осуществляемом в актах формализации и обобщения, порожденное в субъективных смысловых контекстах проявляется как объективный смысловой контекст интерпретирующих актов правоведения. Подобно тому как в области национальной экономики закон предельной выгоды, будучи принципом дефиниции, определяет инвариантную область всякой «хозяйственной деятельности» и представляет собой высшую интерпретативную схему, которая и делает вообще возможной научную классификацию субъективных смысловых контекстов отдельных экономических актов, так и в области теории чистого права, как это ясно видит и сам Кельзен, гипотетическое установление некоторой «базисной нормы» определяет инвариантную область всех субъективных смысловых контекстов правовых актов, релевантных для правоведения, или, если оставаться в рамках правовой терминологии, они наделены признаком позитивности²⁸⁷. В другой работе²⁸⁸ Кельзен формулирует эту мысль следующим образом: «Позитивизм предполагает, что правом является *лишь* то, что порождается в ходе конституционного процесса, однако это не означает, будто *все*, произведенное данным способом, должно признаваться правом, и тем более — правом в том смысле, какой оно себе само приписывает. Последней предпосылкой того, что некий материал, порожденный определенным образом, и только такой вообще признается «правом», является принятие некоторой базисной нормы, утверждающей высший авторитет в области порождения права. А коль скоро... это наделение объективным смыслом возможно — а без него не было бы правовой науки, — то сама базисная норма должна быть источником, из которого произведенный определенным способом материал — и только он — черпает свое значение как права вообще; из нее же следует, что в порожденном таким образом материале является «правом», и каков объективный смысл, в котором он является «правом», пусть даже в противоречии со своим собственным субъективным смыслом. *Гипотеза базисной нормы означает не что иное, как выражение необходимой предпосылки правовой науки*». С точки зрения развиваемой нами теории к данным рассуждениям добавить нечего. Кельзен со всей ясностью характеризует базисную норму как принцип идеально-типической конструкции интерпретативных схем, исходя из которых субъективные смысловые контексты правовых актов только и могут быть поняты как объективный смысловой контекст права.

Мы продемонстрировали на двух примерах, каким образом две развитые «теоретические» науки о социальном мире — национальная экономика и правоведение — пользуются идеально-типическими конструкциями (в используемом нами смысле слова) для ограничения своей предметной области и построения объективного смыслового контекста. Показанный на примере «теоретизирующих» наук о социальном мире конституирующий принцип объективного смыслового контекста верен в самом общем виде для любой социальной науки²⁸⁹: постижение субъективных смысловых контекстов происходит на основе заданной интерпретативной схемы высшего порядка, обеспечивающей их включение в объективный контекст науки в силу того, что она отделяет научно релевантное от научно нерелевантного, задавая инвариантную область для образуемых идеально-типических конструкций.

Потребовалась бы отдельная публикация, чтобы определить специфическую проблематику отдельных наук о социальном мире — в особенности исторических дисциплин, — и присущие им методы, а на основе полученных таким образом результатов попробовать разработать классификацию этих наук. В качестве классификационного принципа в первую очередь напрашивается степень анонимности соответствующих идеально-типических конструкций, т.е. принципиальное отношение данной социальной науки к субъективному смысловому контексту. Кроме того, науки о социальном мире могут быть чистой теорией формы социального мира, постигающей конституирование социальных отношений и социальных структур, предметностей действий и артефактов в процессах сознания живущих в социальном мире путем чистой дескрипции. Однако их предметом может быть и реально-онтологическое содержание конституированного подобным образом социального мира, социальные науки могут интерпретировать конституированные отношения и структуры, заданные в уже совершенном виде исторические и социальные акты, имеющиеся артефакты, вообще не обращая внимания на процессы чужого сознания, в которых данные порождения конституируются.

Еще одно слово о предметной области и методе понимающей социологии. Задачей данной науки прежде всего является описание процессов смыслополагания и интерпретации смысла, осуществляемых живущими в социальном мире. Такое описание может быть эмпирическим или эйдетическим, предметом ее может быть индивидуальное или типичное,

оно может касаться конкретных ситуаций социальной жизни или проводиться на высокой степени обобщения. Кроме того, понимающая социология стремится приложить полученные таким образом интерпретативные схемы к тем культурным объектам, которые конституируются в социальном мире в ходе процессов смыслополагания и толкования смысла, и «понять» эти культурные объекты, обращаясь к конституирующему их смыслу.

§ 50. Заключение: перспектива дальнейших проблем

Завершается предпринятое нами исследование, которое, правда, могло охватить лишь часть обширнейшей проблематики понимания смысла в социальном мире. Лишь весьма кратко следует указать на дальнейшие проблемы, открывающиеся перед опирающейся на феноменологические принципы социологией после проведенного нами анализа длительности и демонстрации связей между смыслом и длительностью. Один круг проблем, на который мы постоянно обращали внимание в ходе настоящего исследования, касается *социологической персоны*. Еще далеки от ясности вопросы, которые мы разбирали под рубриками установки на Ты и установки на Вы, Мы-отношения и Вы-отношения, телесного alter ego и персонального идеального типа. Прежде всего остался неразрешенным вопрос, что дает понимающей социологии право претендовать на значимые высказывания о форме социальных отношений, независимо от того, включены ли в эти отношения индивид, несколько индивидов, персональный идеальный тип или социальный коллектив. Обозрев сказанное нами об отношении индивида и идеального типа, мы обнаруживаем, что и здесь границы вполне подвижны и что индивид в своей телесности может пониматься как совокупность его возможных идеальных типов, а в равной мере и всякий идеальный тип может восприниматься как высказывание об индивиде в анонимизирующей трансформации. Всякое высказывание о деятельности персонального идеального типа некоторым образом изымает его из Вы-отношения и перемещает в Мы-отношение ближайшего окружения. Всякое высказывание об индивиде передвигает его из Мы-отношения ближайшего социального окружения, из его Так-бытия в его Как-бы-бытие, в типичное отношение более широкого окружения.

Второй круг проблем выводит нас далеко за пределы предметной области социальных наук. Речь идет о проблеме, с которой мы то и дело сталкивались в ходе рассуждений, *проблема релевантности*, окончательное прояснение которой будет, правда, возможно лишь на основании общего феноменологического анализа, однако первоначальный подход к ней возможен и в области социальных наук. Исходим ли мы из идеального типа, из заданности мотивов-для и мотивов-потому-что, планового характера действия, возможности воспроизведения, да и из возможности четко очерчивать свои собственные переживания, — перед нами постоянно возникает вопрос, почему именно эти, а не другие данные выбираются в качестве релевантных из совокупности переживаний в ходе мыслительной деятельности. Ответ на этот вопрос имеет решающее значение для всех категорий социальной науки, в основе которой лежит молчаливая предпосылка, что «диспозиция интересов» и обусловленная ею проблематика получают правомочность уже через прояснение проблемы релевантности.

Третий круг проблем охватывает *конституирование Ты* вообще, прояснение интерессубъективной структуры всякого мышления и конституирование трансцендентального alter ego из трансцендентального ego. Параллельно с решением данной проблемы будет идти решение проблемы интерессубъективной значимости нашего опыта мира вообще. В своей «Формальной и трансцендентальной логике» Гуссерль уже намечил точки решения этой проблемы и заявил о намерении написать работу, в центре которой будет находиться данный вопрос, окончательное решение которого может дать лишь онтология человека, созданная на феноменологическом основании²⁹⁰.

Два других круга проблем, а именно — проблемы социологической личности и проблема релевантности в социальном мире — могут уже непосредственно разрабатываться понимающей социологией, причем в самой тесной связи с работами Макса Вебера.

Примечания

¹ «Я обозначаю все, что присутствует в индивидах, то есть непосредственных, конкретных проявлениях всякой исторической действительности, как инстинкт, интерес, цель, склонность, психическая ориентация или движение, оказывая воздействие на других или воспринимая воздействие других, — все это я характеризую как содержание, своего рода материю социализации... Социализация является, таким образом, реализующейся в бесчисленном множестве различных видов формой, в которой индивиды на основе этих интересов... срastaются в единое целое и в пределах которой эти интересы реализуются» (*Simmel G. Soziologie. 2. Aufl. München, 1922. S. 4.*)

² *Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin; Leipzig, 1931. S. 137.* [Цит. по: *Яценец К. Духовная ситуация времени. М., 1990. С. 158.*]

³ Из произведений Макса Вебера важнейшими для наших исследований являются прежде всего оставшийся, к сожалению, незавершенным его основной труд «Экономика и общество» (*Wirtschaft und Gesellschaft. 1. Aufl. Tübingen, 1922*) и работы, собранные в томе «Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre» (*Tübingen, 1922*).

⁴ См. об этом свидетельство Марианны Вебер: *Weber M. Max Weber, ein Lebensbild. Tübingen, 1926, S. 322.*

⁵ *Freyer H. Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft. Leipzig, 1930.*

⁶ *Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Der Aufbau der geschichtlichen Welt. Сейчас работы переизданы в собрании сочинений: Gesammelte Schriften, Bd. 1; 9. Leipzig, 1923.*

⁷ *Spann O. Gesellschaftslehre. 1. Aufl. Berlin, 1914; Kategorienlehre. Jena, 1924.*

⁸ *Simmel G. Soziologie. 2. Aufl. München, 1922.*

⁹ *Weber A. Idenn zur Staats- und Kultursociologie. Karlsruhe, 1927.*

¹⁰ *Wiese L. von. Soziologie. Bd. 1: Beziehungslehre. Bd. 2: Gebildelehre. München, 1924–1928.*

¹¹ *Oppenheimer F. System der Soziologie. Bd. 1. Jena, 1922–1923.*

¹² *Mannheim K. Ideologie und Utopie. Bonn, 1929.*

¹³ *Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Leipzig, 1926.*

¹⁴ *Litt T. Individuum und Gemeinschaft. 3. Aufl. Leipzig, 1926.*

¹⁵ *Freyer H. Theorie des objektiven Geistes. Leipzig, 1923.*

¹⁶ *Sander F. Allgemeine Soziologie. Jena, 1930.*

¹⁷ Ср. в связи с этим, например, девять значений, выделяемых Г. Гомперцем (*Gemperz H. Über Sinn und Sinngebilde, Berstehen und Erklären. Tübingen, 1929, S. 5–21*) для понятия смысла в некоторых образцах недавних публикаций. Радикально иное понимание смысла можно найти у Хайдеггера (*Sein und Zeit. Halle, 1927, особенно С. 144–145, 147, 151–152*) или в чрезвычайно важных работах Пауля Гофмана (*Hofmann P. Das Verstehen von Sinn und seine Allgemein-gültigkeit // Jahrbuch der Charakterologie. Bd. 6; Metaphysik oder verstehende Sinn-Wissenschaft (Ergänzungsheft der Kantstudien, 1929).*)

¹⁸ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 1.*

¹⁹ *Op. cit. S. 11.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ Этот термин, который будет объяснен более точно позднее, был выдвинут Шелером при разработке «относительно естественного мировоззрения» (*Wissensformen und Gesellschaft. S. 59*). Феликс Кауфманн в своей книге (*Die*

philosophischen Grundprobleme der Lehre von der Strafrechtsschuld. Leipzig; Wien, 1929) использует это понятие в рамках своего анализа ценности.

²² Например у Зандера (*Gegenstand der reinen Gesellschaftslehre*. — *Archiv für Sozialwissenschaften*. Bd. 54. S. 329–423), который полагает, что Вебер, употребляя понятие «ориентирование», тем самым заявляет, что предмет любого социального акта означает каузацию чужого поведения своим физическим поведением (выражением), см. С. 335.

²³ См. часть 2, § 17.

²⁴ *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 12.

²⁵ *Ibidem*.

²⁶ *Ibidem*. S. 14.

²⁷ *Ibidem*. S. 12.

²⁸ См. часть 5, § 48; ср. в связи с этим: *Walther A. Max Weber als Soziologe*. — *Jahrbuch für Soziologie*. 2. Bd., Karlsruhe, 1926. S. 1–65 (в особенности С. 35–36), а также: *Grab H. Der Begriff des Rationalen in der Soziologie Max Webers*. Karlsruhe, 1927, в особенности С. 25–35.

²⁹ *Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie*. 2. Aufl. Bonn, 1923. S. 288: «Внутреннее созерцание есть направление актов действия, в соответствии с которым мы можем осуществлять действия в отношении нас самих и других. Это «направление действия» изначально в соответствии со своими «возможностями» охватывает как Я, так и переживание другого, точно так же, как оно охватывает мое Я и переживание... вообще». «Исходя из акта внутреннего восприятия и его сущности, а также в соответствии со сферой фактов, проявляющихся во внутреннем восприятии, каждый может постигать переживания своего ближнего так же непосредственно (и опосредованно), как и свои собственные» (там же, с. 296–297). Сходная позиция: *Litt T. Individuum und Gemeinschaft*. 3. Aufl. Leipzig, 1926. S. 100–101.

³⁰ См. часть 3, § 18.

³¹ Следует всецело согласиться с возражениями Шелера против этой теории (*Wesen und Formen der Sympathie*. S. 281). Без сомнения, невозможно вывести существование alter ego исключительно из проявления его тела, а не из заданности его психофизического единства. Ср. в связи с этим часть 3, § 19.

³² *Carnap R. Logischer Aufbau der Welt*. Berlin, 1928 (в особенности С. 185) и *Scheinprobleme der Philosophie*. Berlin, 1928 (в особенности С. 18). Здесь нет возможности заниматься критикой взглядов Карнапа. Карнап ссылается на свидетельства формальной логики, не отдавая себе отчета в том, что ее интересующая значимость уже наивно предполагает предметную область чужого психического.

³³ *Husserl E. Logische Untersuchungen*. 4. Aufl. Halle, 1928. Bd. II. T. 1. S. 25.

³⁴ Например: *Freyer. Theorie des objektiven Geistes*. S. 14; *Litt*. Op. cit. S. 97–98, 141–142, 182–183, а ранее *Sander. Gegenstand der reinen Gesellschaftslehre*, op. cit. S. 338, 354. В своей «Общей социологии» (*Allgemeine Soziologie*. Jena, 1930) Зандер, напротив, выявляет тонкие различия в понятии «выражение» (см., например, С. 177).

³⁵ Еще одно значение, скрывающееся в термине «выражение», а именно, выражение как наделенный значением знак, например язык, будет пока что оставлено без внимания, во-первых, чтобы не усложнять и без того сложную проблематику, и, во-вторых, поскольку всякий знак как произведение отсылает к внешнему процессу его порождения и потому лишь косвенно связан обсуждаемым в данном случае вопросом, каким образом с внешними проявлениями чужой деятельности могут быть соотнесены чужие переживания.

³⁶ Так, воспринимаемое патологическое изменение чужого тела лишь в ограниченной мере является признаком переживаний сознания больного, например, его физической боли или его настроения. Данная в тексте формулировка по необходимости является неточной и предварительной.

³⁷ Особый случай, когда устанавливающее смысл лицо представляет себе себя самого в качестве адресата (запись в своей записной книжке), в данном случае не рассматривается, поскольку не имеет значения в связи с обсуждаемым предметом.

³⁸ *Wesen und Formen der Sympathie*. S. 301–302.

³⁹ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 3–4. Ср. также там же, с. 2, пункт 3, а также статью Вебера «Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie» (*Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, в особенности С. 408).

⁴⁰ См. процитированное выше в § 2, место.

⁴¹ *Formale und transzendente Logik*. S. 192–193.

⁴² *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 5.

⁴³ Ср. цитату из Гуссерля в § 3.

⁴⁴ В четвертой части будет дано точное определение этих терминов.

⁴⁵ См. 2 часть, 6 главу, в особенности § 96, с. 210. С тех пор Гуссерль развил эти исследования в своей опубликованной пока только на французском языке работе «Картезианские размышления» (*Méditations Cartésiennes*. Paris, 1931, в особенности размышление 5, с. 74–128).

⁴⁶ Op. cit. 2. Band. 1. Teil. S. 80–81.

⁴⁷ Чтобы избежать смешения с представленным некоторыми авторами взглядом, следует указать, что употребление слов «объективный смысл» аксиологически полностью индифферентно. Порой практикуемая привязка объективного смысла к объективным ценностям или установление объективных идеальных предметных сущностей исходя из объективных ценностей полностью находится за пределами нашего круга проблем.

⁴⁸ См. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie*. 3. Aufl. Halle, 1928. S. 172.

⁴⁹ Op. cit., S. 217.

⁵⁰ Op. cit. S. 184–185.

⁵¹ Op. cit. S. 277–278.

⁵² *Essay sur les données immédiates de la conscience*. Paris, 1889; *Matière et mémoire*. Paris, 1896; *Evolution créatrice*. Paris, 1907; *L'Énergie spirituelle*. Paris, (работы 1901–1913 гг.); *Introduction à la métaphysique*. Paris, 1903; и, наконец, *Durée et simultanéité*. Paris, 1922.

⁵³ *Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins*, gehalten 1904, hrsg. von Heidegger. Halle, 1928.

⁵⁴ Эта тематика еще будет разъясняться в ином аспекте в следующем параграфе и будет методологически проработана в следующей части.

⁵⁵ См. в связи с этим ниже, «Примечание».

⁵⁶ Либо в сфере одинокого Я, так и в том случае, если оно ссылается на «подразумеваемый смысл», конституируемый в каждом сознании по-своему.

⁵⁷ Третья часть, § 19.

⁵⁸ *Sander. Der Gegenstand der reinen Gesellschaftslehre*. Op. cit. S. 367.

⁵⁹ Последняя публикация Гуссерля, «*Méditations Cartésiennes*» (Paris, 1931), стала доступной мне лишь по завершении настоящей работы и потому не могла быть привлечена для изложения учения Гуссерля.

⁶⁰ См. выше, § 5.

⁶¹ Op. cit. S. 48–57.

⁶² *Husserl. Nachwort zu meinen «Ideen»*. — *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*. Bd. XI. Halle, 1930. S. 549–570, 553.

⁶³ Ibidem. S. 554.
⁶⁴ Ibidem. S. 555.
⁶⁵ Ibidem. S. 567.
⁶⁶ Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins. Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Bd. IX. Halle, 1928. S. 469 (Beilage VIII).
⁶⁷ Ibidem. S. 436.
⁶⁸ Zeitbewußtsein. S. 391.
⁶⁹ Ibidem. S. 395 (курсив мой).
⁷⁰ Ibidem. S. 397.
⁷¹ Zeitbewußtsein. S. 406.
⁷² Ibidem. S. 472.
⁷³ Ibidem. S. 459.
⁷⁴ Zeitbewußtsein. S. 397.
⁷⁵ Ibidem. S. 397.
⁷⁶ Ideen. S. 82.
⁷⁷ Zeitbewußtsein. S. 484.
⁷⁸ «Рефлексия обладает той удивительной особенностью, что воспринимаемое через нее принципиально характеризуется как нечто, не только существующее и длящееся в пределах воспринимающего взгляда, но и уже бывшее, прежде чем этот взгляд у нему обратился» (Husserl. Ideen. S. 83). И далее: «Можно в таком случае задаться вопросом: как обстоят дела с начальной фазой конституирующегося переживания? (...) На это следует отвечать: начальная фаза может стать объектом лишь после ее истечения, указанным выше способом, через удержание или рефлексии (или воспроизведение)» (Husserl. Zeitbewußtsein. S. 472, курсив в оригинале).
⁷⁹ Относительно этого и последующих рассуждений ср. § 16.
⁸⁰ Sympathiegefühle. S. 77.
⁸¹ Logik. S. 22; относительно пассивности и активности, а также последующего анализа деятельности ср. подробнейшие великолепные исследования Райнера: *Reiner. Freiheit, Wollen und Aktivität*. Halle, 1927, с которыми я ознакомился лишь после завершения настоящей работы. Я согласен с ними по всем существенным моментам.
⁸² «Осуществленные акты, или, как в некотором отношении (а именно — в отношении что речь идет о процессах) было бы лучше говорить «осуществление актов» и составляют «выражение отношение» в самом широком смысле», — характерное высказывание в «Идеях» (Ideen. S. 236).
⁸³ Husserl. Logik. S. 281.
⁸⁴ Zeitbewußtsein. S. 487.
⁸⁵ Logik. S. 281.
⁸⁶ Logik. S. 149.
⁸⁷ Logik. S. 150. Ср. в связи с этим также рассуждения Гуссерля о полагании (Thesis) как акте свободной спонтанной активности (Ideen. S. 253). Недавно Гуссерль в своих «Картезианских размышлениях» (IV. размышление) радикализировал различие между активным и пассивным генезисом как двух фундаментальных форм переживания сознания. Он говорит (§ 38): «Demandons-nous, en qualité de sujets possibles se rapportant au monde, quels sont les principes universels de la genèse constitutive. Ils se présentent sous deux formes fondamentales: principes de la genèse active et principes de la genèse passive. Dans le premier cas le moi intervient comme engendrant, créant et constituant à l'aide d'actes spécifiques du moi... Le moment caractéristique est suivant: les

actes du moi mutuellement reliés par les thétique, se nouant en synthèses multiples de l'activité spécifique et, sur la base d'objets déjà donnés, constituent d'une manière originelle des objets nouveaux. Ceux-là apparaissent alors à la conscience comme produits... Mais, en tout cas, la construction par l'activité présuppose toujours et nécessairement, comme couche inférieure, une passivité qui reçoit l'objet et le trouve comme tout fait; en l'analysant, nous nous heurtons à la constitution dans la genèse passive.

⁸⁸ То, что предложенное Вебером различие деятельности поведения явно недостаточно, уже достаточно полно продемонстрировали результаты нашего анализа.

⁸⁹ Ideen. S. 145, 149, 164. Zeitbewußtsein. S. 396, 410, 497 etc.

⁹⁰ Zeitbewußtsein. S. 410.

⁹¹ Sein und Zeit. Halle, 1927. S. 145; мы, однако, заимствуем у Хайдеггера лишь термин, но не его специфическую интерпретацию как «экзистенциальный момент понимания» и, тем самым, бытия.

⁹² В своем великолепном исследовании о «Мотиве и мотивации» (Festschrift für Lipps, 1911. S. 143; отдельным изданием вышло в Лейпциге в 1930 г.) Пфендер обозначает предполагаемое собственное поведение как «проект».

⁹³ Мы не имеем здесь возможности подробнее рассматривать значимое различие между «фантазией» как нейтральной модификацией полагающего представления и «предвосхищением» как позициональным представлением, так как более подробное объяснение требует обширных феноменологических разъяснений. Мы пользуемся в данном случае словом «фантазия» — отвлекаясь от собственного Гуссерлю употребления — и для полагающего представления (предвосхищения). Относительно самого этого различия, обладающего в других отношениях принципиальным значением, см.: Husserl. Ideen. § 111. S. 224; § 114, S. 233; Zeitbewußtsein. § 17. S. 400—401; Beilage II. S. 452. См. также далее § 11 данного сочинения.

⁹⁴ Более подробное объяснение этой пары понятий следует далее, с. 765, прим. 114.

⁹⁵ Zeitbewußtsein. S. 453.

⁹⁶ Logik. S. 149—150.

⁹⁷ См. также: Husserl. Zeitbewußtsein. S. 413.

⁹⁸ Здесь нет возможности рассмотрения следствий из такого понимания единства деятельности, например для этики и юриспруденции (уголовное право!).

⁹⁹ См. в связи с этой проблемой великолепное исследование Морица Гейгера: *Geiger M. Fragment über das Unbewußte*. — Jahrbuch Phänomenologie. 4. Bd., 1921. S. 1—136. Правда, используемая нами терминология отличается от терминологии Гейгера.

¹⁰⁰ Zeitbewußtsein. S. 473.

¹⁰¹ «Очевидность» понимается здесь в духе Гуссерля как специфический вид опыта. См. об этом: Logik. S. 137, особенно 144.

¹⁰² Ideen. S. 293.

¹⁰³ Ideen. S. 294.

¹⁰⁴ См. § 6.

¹⁰⁵ См. часть V, § 47.

¹⁰⁶ См. по этому вопросу цитированные ранее работы Гейгера и Пфендера, а также Рейнера.

¹⁰⁷ Насколько в старом немецком языке было живо сознание обеих составляющих слова Willkür, видно, например, по «Грамматически-критическому

словарию» Аделунга, цитируемого здесь по изданию 1808 г.: «Willkür I. Способность действовать по своему желанию. В более узком смысле представляет собой способность действовать в соответствии с собственными неясными представлениями, в отличие от выбора, основанного на ясных представлениях. 2. Свобода выбора; в литературном языке архаизм, однако в южных диалектах еще в ходу. Die Willkür haben. Это слово также является старым, сложным из Wille и древнего Kuhr “выбор”...»

¹⁰⁸ Essay sur les données immédiates de la conscience. 20me éd. Paris, 1921. Chap. III: La durée réelle et la contingence. P. 133–169.

¹⁰⁹ Ideen. S. 223. Ср. выше.

¹¹⁰ Ideen. S. 234. «Сознание вообще так устроено, что бывает двух типов: прообраз и тень, позициональное сознание и нейтральное. Одно характеризуются тем, что его доксихическая потенциальность ведет к реально полагающим доксихическим актам, другое — тем, что порождает лишь тени подобных актов, их нейтрализующие модификации».

¹¹¹ Для Я, просто плывущего по течению, ситуации «выбора» вообще еще не существует, если принять различие, сделанное Райнером (цит. соч., с. 22), а есть лишь «следование направлению движения».

¹¹² Ideen. S. 246.

¹¹³ Дать соответствующие уточнения в рамках настоящей работы не представляется возможным.

¹¹⁴ Ideen. S. 248 (в оригинале другой курсив). См. в связи с этим далее разъяснения в § 14.

¹¹⁵ См. исследование базовых связей между активностью и пассивностью у Райнера: *Reiner*. Op. cit., S. 24.

¹¹⁶ Принципиально важное для феноменологии противопоставление ноэсиса и ноэмы переживания объясняется следующим образом: с одной стороны, мы должны «различать части и моменты, обнаруживаемые нами в ходе *реального анализа* переживания, когда мы обращаемся с переживанием как с предметом, подобным любому другому, стремясь разобрать его на части или несамостоятельные, реально его составляющие моменты. С другой стороны, интенциональное переживание представляет собой сознание чего-то, по сущности своей представляющего собой, например, воспоминание, суждение, проявление воли и т.д., а потому мы можем задаться вопросом, что можно сказать о сущности этого самого <что-то>» (Ideen. S. 181).

Первый способ постановки проблемы — ноэтический, второй — ноэматический. К ноэтическим моментам «относятся, например: обращение взгляда чистого Я на предмет, который оно «подразумевает», используя смыслополагание, на предмет, «о котором оно помышляет»; далее овладение этим предметом и фиксация его, пока взгляд обращается на другие предметы, попавшие в область «подразумевания»; сюда же относятся такие действия, как экспликация, соотнесения, объединения, разнообразные выражения отношения — акты веры, предположения, оценки и т.д.» (Ideen. S. 181). Однако «многообразным данным реального, ноэтического содержания» соответствует «многообразие данных, обнаруживаемых в действительно чистой интуиции, данных в коррелятивном «ноэматическом содержании», или просто в «ноэме»... Например, у восприятия есть своя ноэма, лежащая в самой глубинной основе его смысла, т.е. *воспринимаемое как таковое*. Точно так же в основе каждого воспоминания лежит *вспоминаемое как таковое*, то же касается «полагаемого», «сознаваемого», у суждения есть *предмет суждения как таковой*, возможность нравиться связана с нравящимся как таковым и т.д.» (Ideen. S. 181–182).

¹¹⁷ Ideen. S. 190. См. также в связи с проблемой внимания: *Logische Untersuchung*. II. Bd. 1. Teil. S. 160; *Zeitbewußtsein*. S. 484–485.

¹¹⁸ Ideen. S. 191.

¹¹⁹ См. об этом выше, прим. 4.

¹²⁰ О понятии позиционального и нейтрального сознания см. выше, с. 69.

¹²¹ Ideen. S. 228.

¹²² Ideen. S. 191.

¹²³ Ideen. S. 192.

¹²⁴ Модификации этой основной позиции можно, пожалуй, сравнить с «настроениями», о которых Хайдеггер говорит как об «экзистенциальных моментах наличного бытия». См.: *Sein und Zeit*. S. 134–135.

¹²⁵ См. заключительную часть § 5.

¹²⁶ См. об этом выше, § 11.

¹²⁷ См. в связи с этим у Гуссерля: Ideen. S. 246.

¹²⁸ Под опытом здесь и далее понимается, само собой разумеется, не невнятное понятие опыта, присущее эмпирическому натурализму (сенсуализму). Опыт понимается скорее в том расширительном значении, которое это понятие получило в формальной и трансцендентальной Гуссерля, т.е. как очевидное самопостижение и самообладание индивидуальной данности, следовательно, и, скажем, некоего ирреального предмета.

¹²⁹ *Logik*. S. 147.

¹³⁰ Здесь следует заметить, что опыт в употребляемом нами смысле, в том числе и согласованный опыт, ни в коем случае не говорит ничего о том, каким образом подобный опыт конституируется в сознании. Полученный опыт *может* конституироваться в ряде позициональных актов установления, которые сами становятся предметом монотетического взгляда. Однако и все содержательные элементы нейтрализующего сознания, т.е. все не включенные самым определенным образом в число тетических содержательные элементы сознания, а лишь отмеченные или выведенные из нейтрализующего сознания в потенциальность, участвуют в конституировании общего контекста опыта.

¹³¹ Гуссерль говорит в связи с этим также о «привычном и вновь пробуждаемой значимости» вырастающих из суждений категориальных структур (*Logik*. S. 104).

¹³² *Logik*. S. 285.

¹³³ *Logik*. S. 282.

¹³⁴ Что касается, в частности, суждений, то они в любое время могут быть преобразованы из пассивного обладания в активное вторично порожденное эксплицитное процессуальное суждение уже потому, что по своей основной форме оно относится к области «повторяемой бесконечности того, что можно делать вновь и вновь». Здесь обнаруживается еще весьма туманная проблема, которая обычно прикрывается понятием знания, которого мы до сих пор избегали. Ведь знание и предварительное знание могут значить как чисто пассивное обладание используемыми в неясном виде суждениями как идеальными предметностями, так и эксплицитное, реконструируемое в ретроспективной активности повторное использование подобных суждений. И это принципиально разные вещи.

¹³⁵ *Logik*. S. 143.

¹³⁶ Хотя и как «субъективное a priori» до всякого «опыта» в эмпирическом смысле, являясь как раз его основанием.

¹³⁷ Чрезвычайно важно в данном случае уяснить себе, что для конституирования опытного мира в употребляемом нами четком смысле слова можно ос-

тавить без внимания эйдетическую область. Дело в том, что постигаемый в ходе «созерцания сущности» эйдос оказывается в соответствии с предшествующими рассуждениями также «результатом опыта». Следует только не забывать, что «опыт» и «опытный контекст» в употребляемом здесь смысле ни в коем случае не совпадает с «эмпирией» в обычном словоупотреблении, что, например, переживания фантазии, которым в феноменологическом анализе уделяется первоочередное значение, выстраивают опытный контекст Я с Сейчас, Здесь, Так точно так же, как и реальные предметы внешнего мира. В предшествующих разысканиях речь постоянно идет об опыте как переживаниях познающего Ego cogitans в их конституирующем построении внутренней длительности, а не о свойствах эмпирического мира и его вещах вообще. Таким образом, наши рассуждения относятся, если воспользоваться выражением Гуссерля, к интенциональным сущностным фактам эмпирии, а не к эмпирическим фактам (Logik. S. 279).

¹³⁸ Husserl. Ideen. S. 250.

¹³⁹ См. выше, «Примечание» в конце первой части (с. 733–734).

¹⁴⁰ Как следует из нашего определения, наше понятие схемы не имеет ничего общего со схемой Канта (Критика чистого разума, В 185), представляющей собой «продукт воображения».

¹⁴¹ В качестве примера ср. то, что Гуссерль говорит о «науке»: «Наука возможна лишь тогда, когда результаты мышления сохранимы в форме знаний и могут быть использованы для дальнейшего мышления в форме системы высказываний, ясных в логическом смысле, но таких, которые могут быть понятиями либо актуализированы в суждениях без ясности лежащих в их основе представлений, т.е. без проникновения в их основания» (Ideen. S. 124).

¹⁴² Husserl. Logik. S. 194.

¹⁴³ Husserl. Logik. S. 254.

¹⁴⁴ См. § 7 данной части.

¹⁴⁵ § 18 данной части.

¹⁴⁶ В связи с этим также будет полезно обратиться к двум работам А. Пфендера (Pfünder A. Phänomenologie des Willens; Motiv und Motivation. 2. Aufl., 1930). Хотя мои рассуждения предметно и терминологически в существенных моментах расходятся с работами Пфендера, мне представляется, что принципиально моя позиция совпадает с его позицией (см., напр., указ. соч., с. 95–104).

¹⁴⁷ По языковым соображениям мы избегаем корректного термина «цель деятельности».

¹⁴⁸ Что понимается в данном случае под однородным, невозможно прояснить без обширных и сложных разысканий, кроме того, вопрос этот вообще относится к области общей феноменологии. Для наших целей будет достаточно предполагать для этого тождественное смысловое ядро (как это употребляется в феноменологии) в разнообразных вариациях, ядро, доступное замыслающему действию в виде опыта.

¹⁴⁹ Используемое Вебером наименование «традиционная деятельность» отличается только тем, что данное соотнесение происходит в неясном, смутном виде и «безусловно данными» оказываются соответственно не только «прецедентные случаи», но и цели действий.

¹⁵⁰ См. § 4.

¹⁵¹ См. в связи с этим примечание в конце первой части выше.

¹⁵² «Méditations Cartésiennes» Гуссерля – в особенности пятое размышление – продемонстрировало всю необычайную значимость этих вопросов в ходе

чрезвычайно глубокого анализа, предложив уже и некоторые наметки их разрешения.

¹⁵³ Husserl. Logik. S. 212.

¹⁵⁴ Scheler. Die Wissensformen und die Gesellschaft. S. 475–476.

¹⁵⁵ Ср. § 5 и прим. к § 6, с. XX41.

¹⁵⁶ Ср. в связи с этим у Гуссерля в «Идеях»: «Более внимательное рассмотрение показало бы также, что *два потока переживаний* (сферы сознания двух чистых Я) с тождественным сущностным содержанием *немислимы*, как и то, что ни одно *полностью определенное* переживание одного не может принадлежать другому; лишь переживания тождественного внутреннего рода могут обладать общностью с ними (хотя и не индивидуально идентичной совместностью), но никогда два переживания, к тому же наделенные совершенно тождественной “свитой”». (Ideen. S. 167).

¹⁵⁷ Husserl. Ideen. S. 68.

¹⁵⁸ Husserl. Logische Untersuchungen. II, 1. S. 34.

¹⁵⁹ См. § 15.

¹⁶⁰ Ср. у Гуссерля (Husserl. Méditations Cartésiennes. P. 97): «L'organisme étranger s'affirme dans la suite de l'expérience comme organisme véritable uniquement par son «comportement» changeant, mais toujours concordant. Et cela, de la manière suivante: ce comportement a un côté physique qui apprésente du psychique comme son indice. C'est sur ce «comportement» que porte l'expérience originelle, qui se vérifie et se confirme dans la succession ordonnée de ses phases... C'est dans cette accessibilité indirecte, mais véritable, de ce qui est inaccessible directement et en lui-même que se fonde pour nous l'existence de l'autre».

¹⁶¹ Bergson H. Durée et simultanéité. A propos de la théorie d'Einstein. 2me éd. Paris, 1923. P. 66.

¹⁶² Op. cit. P. 88.

¹⁶³ Сходно и Гуссерль (Méditations Cartésiennes. P. 97): «Au points de vue phéno-ménologique, l'autre est une *modification* de «mon» moi».

¹⁶⁴ К тому же результату приходит и Гуссерль в «Méditations Cartésiennes» (§ 55. P. 108), отправляясь с совершенно иных исходных позиций: «Elle (l'expérience de l'autre) établit une connexion entre l'expérience vivante et se déroulant sans entraves ni interruption que l'ego concret a de lui-même, c'est-à-dire *sa sphère primordiale, et la sphère étrangère représentée dans cette dernière*. Elle établit cette liaison au moyen d'une synthèse qui identifie l'organisme corporel de l'autre, donné d'une manière primordiale, et le même organisme, mais apprésenté selon un autre mode d'apparaître. De là elle s'étend à la synthèse de la Nature identique, donnée à la fois, d'une manière primordiale, dans l'originalité de la sensibilité pure et dans l'apprésentation vérifiée. Par là est définitivement fondée la coexistence *de mon moi* (et de mon ego concret, en général) avec le moi de l'autre, de ma vie intentionnelle et de la sienne, de mes réalités et des siennes; bref, c'est la création *d'une forme temporelle commune*».

¹⁶⁵ Гуссерль (Méditations Cartésiennes. P. 104) приходит к сходным результатам. Он создает понятие «Nature intersubjective», соответствующее нашему понятию «окружение», и проводит глубокое различие между апперцепцией в модусе hic и illic: «Il (Другой) apprésente avant tout l'activité immédiate de ce moi dans ce corps (*illic*), et son action (médiante), au moyen de ce corps, sur la Nature qu'il perçoit, sur la *même* Nature à laquelle il (*illic*) appartient et qui est aussi ma Nature primordiale. C'est la même Nature, mais donnée dans le mode du «comme si j'étais, à la place de cet autre organisme corporel.» (...) L'ensemble de *ma* Nature est le même que celui de l'autre. La Nature est constituée dans *ma*

sphère primordiale comme unité identique de mes multiples modes de présentation, identique dans ses des orientations variables par rapport à *mon* corps, qui est le «point-zéro», le *hic* absolu etc».

¹⁶⁶ См. 4 часть, § 33—41.

¹⁶⁷ Сушностно актуальные переживания в данном случае не рассматриваются, чтобы не перегружать изложение.

¹⁶⁸ *Husserl. Ideen*. S. 85.

¹⁶⁹ Мы совершенно не собираемся вести здесь речь о всегда коренящейся в метафизических или аксиологических предпосылках герменевтике, которая с недавних пор в противоположность рациональному постижению обозначается термином «понимание».

¹⁷⁰ Ср. сходные соображения Гуссерля в «IV Логическом исследовании» (*Logische Untersuchungen*. 3. Aufl. Bd. 2. T. 2. S. 89).

¹⁷¹ Все это, правда, «в рамках» основоположения, благодаря которому именуемая «телом» вещь внешнего мира воспринимается как «одушевленное чужое тело», как «тело некоторого alter ego».

¹⁷² Использованное здесь в еще недостаточно проясненной манере Макса Вебера понятие «социальных отношений» будет подробно проанализировано далее (§ 31).

¹⁷³ См. в связи с этим критику теории вчувствования у Шелера: *Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie*. S. 277.

¹⁷⁴ См. 4 часть, § 33.

¹⁷⁵ *Husserl. Logische Untersuchungen*, Bd. II. S. 31.

¹⁷⁶ *Husserl.* Op. cit.

¹⁷⁷ См. в связи с этим выше, § 3.

¹⁷⁸ Заметим, что необходимые пояснения к этому следуют из анализа людей «непосредственного окружения», ср. § 37.

¹⁷⁹ *Logische Untersuchungen*. Bd. II. Hälfte 1. S. 25—31. Ср. в связи с этим рассуждения в § 3 данной работы.

¹⁸⁰ См. об этом понятии VI Логическое исследование Гуссерля.

¹⁸¹ См., например, *Husserl. VI. Logische Untersuchung*, II Bd. 2. T. S. 55; *Husserl. Ideen*. S. 79; и др.

¹⁸² Эта надстроенная над двумя другими интерпретативная схема соответствует тому, что Феликс Кауфманн назвал соотносительной схемой (*Kaufmann F. Das Unendliche in der Mathematik und seine Ausschaltung*. Leipzig; Wien, 1930. S. 42).

¹⁸³ Нетрудно заметить, в каких моментах представленный здесь взгляд отходит от формулировок Гуссерля в I и VI Логическом исследовании.

¹⁸⁴ В силу этого я не могу признать принципиального разделения, проводимого Гансом Фрайером (*Freyer H. Theorie des objektiven Geistes*. S. 29) между физиогномической стороной деятельности и ее объективацией во внешнем материальном мире.

¹⁸⁵ Цит. по: *Vossler K. Geist und Kultur in der Sprache*. Heidelberg, 1925. S. 115.

¹⁸⁶ См. выше, § 14.

¹⁸⁷ См. выше, § 6.

¹⁸⁸ См. у Гуссерля: *Husserl. Formale und transzendente Logik*. S. 167, а также выше, § 14.

¹⁸⁹ Более того, мы можем даже сказать, что постижение объективного смысла знака остается принципиально невыполнимым постулатом, и это значит не что иное, как то, что субъективные и окказиональные составляющие в смысловой структуре соответствующего знака должны быть эксплицированы с

помощью рационального понятийного аппарата с максимально возможной четкостью и ясностью. Речь является «точной», если все эти субъективные окказиональные значения достаточно эксплицированы в соответствии с обстоятельствами.

¹⁹⁰ *Jaspers K. Psychologie der Weltanschauung*. 3. Aufl. Berlin, 1925. S. 193 и далее.

¹⁹¹ См.: *Curtius E.R. Frankreich*. Stuttgart, 1930. Bd. I. S. 2 и далее.

¹⁹² *Vossler. Geist und Kultur in der Sprache*. S. 117.

¹⁹³ См. об этом § 9.

¹⁹⁴ См. выше, § 16 и § 18.

¹⁹⁵ Этим термином пользуется Хайдеггер, обозначая предметы внешнего мира, находящиеся «под рукой».

¹⁹⁶ Как это «Некто» может быть подвергнуто дальнейшему анализу, показывают исследование § 39 об анонимности мира дальнего окружения.

¹⁹⁷ Удачный термин «последующий мир», который существенно предпочтительнее термина «мир потомков», появляется в лекции Шиллера (с которой он начал преподавание в Йенском университете) «Что такое всеобщая история и с какой целью ее изучают?».

¹⁹⁸ См. § 2.

¹⁹⁹ *Sander F. Der Gegenstand der reinen Gesellschaftslehre*. — *Archiv für Sozialwissenschaften*, 1925. Bd. 54. S. 329 и далее (в особенности с. 335).

²⁰⁰ К сожалению, здесь нет возможности подробного разбора аргументации Зандера, с которой я не во всех пунктах согласен. Однако человек понимающий без труда заметит, где мне приходится отходить от позиции Зандера.

²⁰¹ Сходное различие проводит Зандер (*Sander F. Gegenstand der reinen Gesellschaftslehre*. S. 361) между социальными актами СБ и СП: «Для актов СБ существенным моментом является направленность на *будущее* чужое поведение, на *будущий* чужой социальный акт, тогда как для другого обсуждаемого типа социальных актов существенно, что они интенционально соотносены с *прошлым* чужим поведением, с *прошлым* чужим социальным актом, по какой причине мы и будем называть их актами СП».

²⁰² *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 11.

²⁰³ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. § 3. S. 13.

²⁰⁴ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 14. Punkt 3.

²⁰⁵ Относительно этого выражения см. § 27.

²⁰⁶ Переживает ли меня при этом мой партнер как воплощенного индивида или же как идеальный тип, зависит от того, имеет ли место отношение воздействия в условиях непосредственного окружения или более широкого окружения. См. в связи с этим § 34 и § 40.

²⁰⁷ См. § 18.

²⁰⁸ См. об этом § 20.

²⁰⁹ Правда, эта изначальность не является «первичной», поскольку жизнь чужой психики принципиально недоступна моему прямому восприятию, доступна же лишь — в терминологии Гуссерля — «вторичная» (*Husserl. Logik*. S. 206).

²¹⁰ *Husserl. Ideen*. S. 138.

²¹¹ См. выше, § 19.

²¹² *Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft*. Leipzig, 1926. II: Erkenntnis und Arbeit. S. 475—476.

²¹³ Им посвящены IV и V «Картезианские размышления» Гуссерля.

²¹⁴ См. об этом § 36.

²¹⁵ Под «средой» понимается в данном случае сегмент внешнего мира, заданный Я в непосредственном самообладании. Поэтому среда охватывает не

только соответствующий фрагмент неодушевленного вещного внешнего мира, но и мира одушевленного, в особенности ближайшего социального окружения, а также порождения разного рода, как, например, знаки и знаковые системы.

²¹⁶ См. § 20.

²¹⁷ Сходным образом высказывается и Гуссерль, см. *Méditations Cartésiennes*. § 55. S. 102.

²¹⁸ Первый вариант Вебер назвал бы актуальным, второй — мотивационным пониманием. На самом же деле структурного различия нет, происходит ли такая подмена мотивов разом или через последовательность суждений. В данном случае опять обнаруживается ущербность проведенного Вебером различия между актуальным и мотивационным пониманием.

²¹⁹ Так, часто лишь исходя из внешнего эффекта делается заключение о «единстве» наблюдаемой деятельности, это метод, особенно часто используемый в теориях деятельности, разрабатываемых в теории правонарушений. См.: *Kaufmann F. Strafrechtsschuld*. S. 86.

²²⁰ В его еще не получившей должного признания «Общей теории общества» (*Sanders A. Allgemeine Gesellschaftslehre*. Jena, 1930).

²²¹ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 14.

²²² Особые модификации, претерпеваемые отношениями установки и воздействия в более широком социальном окружении, еще предстоит описать.

²²³ Используемое для характеристики постижения ближайшего социального окружения понятие «непосредственность» включает также и то, что Гуссерль называет «опытом вторичной исконности». См. об этом выше, § 33.

²²⁴ См. в связи с этим — как и с проблемой анонимности идеальных типов — краткие, но принципиально важные формулировки у Феликса Кауфмана (*Kaufmann F. Soziale Kollektiva — Zeitschrift für Nationalökonomie*. Bd. 1. S. 294–308).

²²⁵ От мира предшественников, к которому эти порождения могут, кроме того, ретроспективно отсылать, мы в данном случае отвлекаемся.

²²⁶ См. об этом далее, § 39.

²²⁷ Каким образом к этому первичному постижению объективных смысловых контекстных связей все же может быть присоединена концепция принадлежащего более широкому окружению alter ego с его переживаниями, alter ego, которое я могу улавливать в субъективном смысловом контексте, будет рассмотрено в последующих параграфах, посвященных теории персонального идеального типа.

²²⁸ Данный пример приводит Феликс Кауфманн в своей статье о «социальных коллективах» (*Kaufmann*. Op. cit. S. 299), в качестве характеристики анонимного процесса, на который может в смысловом отношении ориентироваться человеческое поведение.

²²⁹ *Weber M.R. Stammers Überwindung der materialistischen Geschichtsauffassung. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. S. 325.

²³⁰ Так поступает и «шулер», сознательно нарушающий правила, которые, как он предполагает, будут соблюдать другие.

²³¹ Ради удобства мы разбираем последующие проблемы, хотя они касаются порождений и процессов порождения любого рода, лишь на примере действий и процессов действия.

²³² Об этом высказался уже Гуссерль в «Формальной и трансцендентальной логике» (*Husserl*. Formale und transzendente Logik. S. 51–52, о понимании чужих суждений после их вынесения): «Соответственно нам следует различать... не-эксплицитное суждение (чужое), отмеченное выступающим в экс-

плицитном виде языковым высказыванием, и соответствующее *эксплицитное* суждение, или последующий анализ с идентификацией подразумеваемого (...) Когда речь идет о чужом суждении, то я, если не верю тут же, получаю «всего лишь представление» о том, что полагает Другой, о его мнении с таким-то содержанием» и т.д.

²³³ Точно так же как я могу пользоваться телефонным аппаратом, не имея понятия о том, как он функционирует.

²³⁴ К критике бихевиоризма как социологического метода см.: *Mises L. Begreifen und Verstehen // Schmollers Jahrbuch*. Bd. 54. S. 139.

²³⁵ Эта проблема еще будет более подробно рассмотрена в связи с соотношением каузальной и смысловой адекватности в пятой части, см. § 46.

²³⁶ *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 12.

²³⁷ *Weber*. *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 7. См. в связи с этим критику Кельзена в его работе: *Kelsen H. Der soziologische und juristische Staatsbegriff*. Tübingen, 1922. S. 156.

²³⁸ Ср. в связи с этой проблематикой замечательный анализ Фёгелина: *Voegelin E. Die Einheit des Rechtes und das soziale Sinngebilde Staat // Internationale Zeitschrift für Theorie des Rechtes*. 4. Jg., 1930. S. 58–89 (особ. с. 71).

²³⁹ То, что в понятии социальных коллективов обычно присутствуют представления метафизического или аксиологического рода, а также определенные фундаментальные предпосылки эпистемологического характера, не имеет для настоящей работы значения. Ср. в связи с этим уже неоднократно цитированную статью Феликса Кауфмана: *Kaufmann F. Soziale Kollektiva — Zeitschrift für Nationalökonomie*.

²⁴⁰ См. в качестве анализа подобных понятий критику, которой подверг Мизес понятие класса: *Mises L. Die Gemeinwirtschaft*. Jena, 1922. S. 316–317.

²⁴¹ *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 6–7.

²⁴² Ср. к этой проблеме и к критике взглядов Вебера: *Kelsen*. *Allgemeine Staatslehre*. Berlin, 1925. С. 19 и далее, 66–79, а по поводу понятия органа с. 262–270.

²⁴³ См. об этом: *Kelsen*. *Allgemeine Staatslehre*, S. 48, 65, 310–311.

²⁴⁴ В своей работе о коллекционере Макс Вебер демонстрирует подобный шестикратный сдвиг в типологии на примере понятия «Соединенные Штаты Америки» (*Weber M. Wissenschaftslehre*, S. 348–349).

²⁴⁵ Того же взгляда придерживаются, в частности, К. Фосслер (*Vossler K. Geist und Kultur in der Sprache*. S. 153–154), Ф. Кауфман (*Kaufmann F. Strafrechtsschuld*. S. 39).

²⁴⁶ *Sander F. Gegenstand der reinen Gesellschaftslehre*. S. 370: «Артефактами называются все внешне воспринимаемые данных вещей, обязанных своим возникновением человеческим действиям, следовательно, соотносящиеся как знаки с обозначаемыми ими “смыслами”».

²⁴⁷ Здесь, как и повсюду, проявляется текучая грань между ближайшим и более широким окружением. Например, как театральным зрителем я релевантен для актера, с которым мы представлены друг другу в нашей телесности, лишь постольку, поскольку я — один из тех, из кого состоит публика. Публикующий книгу автор думает о своем читателе лишь постольку, поскольку тот является типичным читателем: на его привычных ходах мышления и представлениях проверяет и отбирает он свои схемы выражения. Описание и объяснение всех этих отношений, исследование их в отношении их содержания в ближайшем и более широком окружении могло бы составить задачу морфологии социального мира, предварительной фазой которой вполне можно считать теорию отношений Визе.

²⁴⁸ Относительно этого понятия см. пятую часть, § 48.

²⁴⁹ См. выше, § 34.

²⁵⁰ В качестве примера подобной промежуточной ступени можно привести «переписку», социальную функцию которой Г. Зиммель мастерски изобразил в своем курсе социологии (*Simmel G. Soziologie. 2. Aufl. München, 1922. S. 287–288*). Повседневный опыт, согласно которому переписка может быть более или менее ясной в соотношении с устной речью, формулируется Зиммелем следующим образом: «Можно сказать, что речь благодаря всему видимому (но не слышимому), окружающему говорящего (включая разного рода аксессуары) выдает говорящего, тогда как письмо способно о чем-то умалчивать. Поэтому письмо оказывается яснее там, где дело не касается тайны Другого, однако менее ясным и неоднозначным там, где это имеет место. Под тайной Другого я понимаю не поддающиеся логическому выражению эмоции и свойства бытия, к которым мы обращаемся несчетное число раз даже для того, чтобы понять подлинное значение даже совершенно конкретных высказываний» (Ор. cit. S. 288).

²⁵¹ Тем не менее мир предшественников по сути постижим лишь в идеальных типах; однако в типизации ничто не выделяется в качестве инварианта, что бы уже и так по сути своей не было инвариантным.

²⁵² См. § 30.

²⁵³ В своей работе «Что такое и с какой целью исследуют универсальную историю?» Ср. также у Якоба Буркхардта (*Burkhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen (Kröner-Ausgabe). S. 5–6*): «Нашей исходной точкой служит единственный недвижимый и возможный для нас центр — страдающий, стремящийся и действующий человек, каков он есть, каким всегда был и будет; оттого наш анализ будет в некотором роде патологическим».

²⁵⁴ См. работы Вебера, опубликованные в книге: *Weber. Wissenschaftslehre. S. 215–265*.

²⁵⁵ О соотношении историографии и теории социальных наук и вытекающей из этого критике историзма ср.: *Mises L. von. Soziologie und Geschichte // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Bd. 61. S. 465–512 (особ. с. 489 и далее)*.

²⁵⁶ См. § 11.

²⁵⁷ Ср. *Simmel G. Das Problem der historischen Zeit. Berlin, 1916 (Philosophische Vorträge der Kantgesellschaft, 12)*.

²⁵⁸ Ср. в связи с этим: *Husserl E. Logik. S. 29–30, 206*.

²⁵⁹ См.: *Weber M. Rocher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 81, Anm. 1*.

²⁶⁰ *Husserl E. Logik. S. 23*.

²⁶¹ См. в связи с этим § 49.

²⁶² *Walther A. Max Weber als Soziologe // Jahrbuch für Soziologie. Bd. 2. S. 1–65; Schelling A. Die logische Theorie der historischen Kulturwissenschaft von Max Weber und im besonderen sein Begriff des Idealtypus // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik, 1922. Bd. 49. S. 623–752; Oppenheimer H. Die Logik der sozialwissenschaftlichen Begriffsbildung mit besonderer Berücksichtigung von Max Weber // Heidelberger Abhandlungen zur Philosophie, 1925. Bd. V; Freyer H. Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft. S. 145 и далее, 175 и далее, 207 и далее, и др. О развитии личности Вебера см. также: *Voegelin E. Über Max Weber // Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geisteswissenschaft. Bd. 3. S. 177 и далее; его же, Gedenkrede auf Max Weber // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. Jg. 9. S. 1 и далее; наконец, большой и значимый труд Марианны Вебер: *Weber M. Max Weber, ein Lebensbild. Tübingen, 1926*.**

²⁶³ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 1*.

²⁶⁴ *Ibidem. S. 9*.

²⁶⁵ *Ibidem. S. 9–10*.

²⁶⁶ *Ibidem. S. 1*.

²⁶⁷ *Ibidem. S. 4*.

²⁶⁸ Относительно взглядов Вебера на историю и статистику см. уже цитированную работу Мизеса «Социология и история» (*Mises L. von. Soziologie und Geschichte*).

²⁶⁹ См.: *Kires J. von. Über den Begriff der objektiven Möglichkeit und einige Anwendungen desselben // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1888. S. 180 и далее; о понятии каузальной адекватности см. в особенности с. 201–202. Относительно позиции Макса Вебера см. его посвященную этой теме работу: *Wissenschaftslehre. S. 266 и далее*.*

²⁷⁰ Критика этой категории (здесь нет возможности дать ее в развернутом виде) показала бы, что ее универсальность является достаточно сомнительной. Относительно ее применимости в теории уголовного права см. *Kaufmann F. Lehre von der Strafrechtsschuld. S. 78 и далее*.

²⁷¹ Поскольку «осмысленным» вообще может быть лишь предикат некоторого переживания в сознании, то нам не требуется в данном случае различения объектами духа и объектами природы, сходного с тем, какое мы проводили в связи с постулатом каузальной адекватности.

²⁷² Об этом понятии см. выше, § 38.

²⁷³ Ор. cit. S. 228 и далее.

²⁷⁴ См. об этих понятиях § 11.

²⁷⁵ Относительно анализа данного понятия см. ценную монографию Германа Й. Граба (*Grab H.J. Der Begriff des Rationalen in der Soziologie Max Webers. Karlsruhe, 1927*), с которой я, впрочем, соглашаюсь лишь отчасти, поскольку она исходит — следуя Шелеру — из заданных объективных ценностей.

²⁷⁶ Относительно сводимости ценностно-рациональной деятельности к целерациональной см.: *Mises L. von. Soziologie und Geschichte. S. 479*.

²⁷⁷ Цитата из работы Вебера *Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis (1904) // Weber M. Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 191*.

²⁷⁸ *Mises L. von. Op. cit. S. 474*.

²⁷⁹ *Ibidem. S. 480*.

²⁸⁰ «Известное рассуждение Макса Вебера об идеальных типах, относящееся к 1904 году, которое он сам называет «наброском, а потому, возможно, отчасти невразумительным», является фрагментом постольку, поскольку оно ориентировано на частный случай — идеальный тип его исторической теории. Необходимо подчеркнуть, что с переходом к социологии концепция идеального типа существенно меняется, что отмечается в социологической методике Макса Вебера, к сожалению, лишь в нескольких фразах (*Wirtschaft und Gesellschaft. S. 10*)» — *Walther A. Max Weber als Soziologe. S. 11*.

²⁸¹ Этот термин следует понимать в совершенно точном смысле определения, данного в § 39.

²⁸² Ор. cit. S. 482, 486.

²⁸³ Ср: *Kaufmann F. Logik und Wirtschaftswissenschaft // Archiv für Sozialwissenschaften. Bd. 54. S. 614–656, особ. с. 650*.

²⁸⁴ Мы не разбираем здесь то, что понятие «экономической ценности» поддается дальнейшему разложению, подобно понятию потребности, прорывающему анонимности идеального типа «участника экономического процесса» и имплицитующего психологистический поворот к другой содержательно-

наполненной ступени конкретизации Вы-отношения (об этом см. у Мизеса, с. 476), поскольку это представляет собой специфическую проблему национальной экономики. См. в связи с этим анализ понятия ценности у Кауфмана: *Kaufmann*. Logik und Wirtschaftswissenschaft. S. 628.

²⁸⁵ *Kelsen H.* Allgemeine Staatslehre. S. 129 (курсив мой).

²⁸⁶ *Ibidem*. S. 278.

²⁸⁷ Ср. об этом взгляде на «базисную норму» работу Ф. Кауфмана «Юридическое и социологическое понятие права» (*Kaufmann F.* Juristischer und soziologischer Rechtsbegriff // Festschrift für Hans Kelsen: Gesellschaft, Staat, Recht. Untersuchungen zur reinen Rechtslehre. Wien, 1931. S. 14–41 (особ. с. 19 и далее; 30–31 и далее).

²⁸⁸ *Kelsen H.* Die philosophischen Grundlagen der Naturrechtslehre und des Rechtspositivismus. – Philosophische Vorträge der Kantgesellschaft. № 31. Charlottenburg, 1928. S. 24–25.

²⁸⁹ См. в связи с этим рассуждения в § 28.

²⁹⁰ Это обещание Гуссерль уже отчасти выполнил в «*Méditations Cartésiennes*».

Н.М. Смирнова
Альфред Шюц
на книжной полке

Альфред Шюц на книжной полке

Послесловие к первому систематическому изданию на русском языке

У некоторых книг долгая дорога к читателю. К их числу, несомненно, принадлежит и та, что Вы держите в руках, дорогой читатель. Труды известного американского философа австрийского происхождения А. Шюца (1899–1959) давно востребованы в России. Их ждут не только специалисты в области социальных наук, дабы преодолеть «методологическую растерянность», воцарившуюся после утраты «единственно верной» методологии. Они нужны и массовому читателю, который найдет в разделе «Прикладная теория» блестящие образцы социально-философской публицистики, дефицит которой остро ощущается в духовной жизни современной России. Спустившись с головокружительных высот философских абстракций — трансцендентальной феноменологии с ее высокосложным понятийным аппаратом, доступным лишь горстке профессионалов, — социально-философская публицистика А. Шюца адресована массовому читателю и говорит с ним на языке, понятном каждому культурному человеку. Размах ее тем предельно широк: от рутинных, повседневно-житейских до собственно философских, смысло-жизненных проблем. Как быть своим среди своих, как не порвать животворящую нить, связующую меня с ближним? Что дарует мне уверенность в том, что я действительно тот, за кого себя принимаю? Почему события прожитой жизни со временем обретают совсем иной смысл? Как восстановить утраченное понимание с близкими после долгой разлуки?

В обыденной жизни мы редко задаемся подобными вопросами. Да в этом и нет необходимости. Обжитое пространство жизненного мира содержит готовые образцы опривыченных действий, стилей общения, языковых и культурных практик. Привычные нашему кругу общения социокультурные коды мы

усваиваем неосознанно, влекомые мощным течением жизни. «Привычка свыше нам дана...», — приходят на ум с детства знакомые слова А.С. Пушкина. Но, вопреки мнению поэта, счастья она не заменит. И каждому из нас хотя бы раз в жизни довелось ощущать мучительную горечь вопроса: «Почему он (она) меня не понимает?» «Почему исторгнутые из сокровенных глубин души слова не находят отклика?»

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?*

В этих знаменитых тютчевских строчках выражена суть глубочайшей философской проблемы понимания в социальном мире.

Социальная феноменология, умудренная знанием феноменологической философии и веберовской «понимающей» социологии, критична в отношении наивно-оптимистического представления о том, что в жизни все можно понять, стоит лишь крепко задуматься. На самом же деле область доступного пониманию в социальном мире ограничена, и отнюдь не острота человеческой интуиции или аналитических способностей человеческого разума кладет ей предел.

Возможность рационального понимания, в отличие от феноменологически иррационального «вчувствования», «вживания» в состояние чужой души или смыслы иных культур, коренится в запасе наличного знания индивида. Накопленный в течении жизни личный опыт, порядок его осадения во времени и интенсивность его личностного переживания образуют специфически-личностную конфигурацию персонального запаса наличного или «подручного» знания (knowledge at hand), используемого человеком как схема интерпретации всего последующего опыта. Конечно, многие элементы такого запаса наличного знания мы разделяем с другими: родителями, друзьями, коллегами по работе. Но, повторим, особый порядок его обретения во времени и интенсивность его личностного освоения образуют квинтэссенцию сознательной жизни человека, контуры его духовной биографии. Запас наличного знания содержит и отпечатки внутренней жизни человека: его воображения, фантазий, снов, которые, конечно же, тоже участвуют в формировании его духовной биографии. Поэтому кристаллизованный в запасе наличного знания опыт человеческой жизни уникален: ведь даже неразлучные близнецы видят разные сны и воспринимают одни и те же события с различной

глубиной переживаний. Последовательность же отложения такого опыта во времени (генезис запаса наличного знания) имеет первостепенное значение для формирования личности. «Ах, если бы я знал тогда то, что знаю сейчас!» Огромное, а подчас и решающее значение в становлении личности имеет то, когда подвернулся под руку роман Достоевского, обжег душу огонь первой любви, когда довелось познать великодушные, альтруизм, благородство или, напротив, горечь утраты, унижения, предательства. И строго говоря, ни одно событие в жизни человека не повторяется: по видимости «то же самое» включается в иной контекст опыта и оставляет там свои отметины: в поток сознания нельзя войти дважды, ибо каждое новое переживание окружено лишь ему свойственным окаймлением мыслей и чувств. Именно своеобразие личностной конфигурации осаденного (sedimented) в сознании запаса наличного знания, убежден А. Шюц, образует «рамку соотнесения» (frame of reference) всех последующих жизненных переживаний. Уникальность запаса наличного знания индивида — как в структурном (по содержанию), так и в генетическом (последовательность обретения) отношении, помноженная на разность интенсивности его личностного освоения, полагает предел возможности *абсолютного* человеческого взаимопонимания. Ибо в каждый момент времени человек пребывает в своей собственной уникальной, биографически детерминированной ситуации и, интерпретируя действия коммуникативного партнера, полагается на свой собственный, персональный запас наличного знания. Шутливое предостережение о том, что любое предложение люди воспринимают иначе, чем тот, кто его вносит, содержит изрядную долю истины.

Но уникальность личной духовной биографии отнюдь не делает из нас монады без окон. Человеческая «открытость миру» означает, что для сохранения персональной идентичности («бытия-собою») человек должен постоянно развиваться, или, используя известный образ зазеркалья Льюиса Кэрролла, непрерывно бежать, чтобы оставаться на месте. Поэтому каждый из нас время от времени (пусть неосознанно) «переписывает» собственную духовную биографию, наделяя новыми смыслами пережитое, дабы согласовать обретенный жизненный опыт с текущими переживаниями. И в этом — социально-феноменологическом — смысле духовная биография человека столь же не предсказуема, как и живая история народа. Ранее мнившееся поворотным пунктом отмеренной жизни с годами

видится самообманом, бесплодным зигзагом жизненной траектории в неумных поисках самого себя. Что побуждает нас со временем переосмысливать пережитое? Как это сказывается на наших отношениях с близкими? Это ли не подлинно человеческие проблемы, знакомые каждому?

А вот другая житейская проблема. Человек, попав в кризисную ситуацию, обрел негативный опыт, наглухо отгородивший его от привычного социального окружения. Тем самым он утратил и драгоценное взаимопонимание, составлявшее уют и обаяние его домашней группы. Как восстановить утраченное понимание с близкими после пережитого потрясения, долгой разлуки, пребывания в экстремальной ситуации (на фронте, в местах лишения свободы, стихийного бедствия)? На языке социальной феноменологии это означает вопрос о том, как восстановить временно прерванную, отложенную или утраченную систему релевантности? Этой воистину общечеловеческой проблеме посвящен раздел «Размышления о проблеме релевантности»; в разделе же «Прикладная теория» ей соответствует социально-философский очерк «Возвращающийся домой». И прочтя его, мы узнаем, что не только тем, кто ждет возвращения близкого с фронта, следует понимать, что к ним вернется совсем не тот человек, которого они провожали, предупреждает А. Шюц. Необходимо привести в движение неповоротливую государственную и пропагандистскую машину, дабы помочь этим людям вернуться в ставшую для них непривычной мирную жизнь. Ибо стереотипы «окопной правды», представление о героизме, долге и товариществе приобретают совершенно иную окраску в гражданской и семейной жизни. В сознании человека, вернувшегося с фронта к семейному очагу, происходит радикальный сдвиг всей системы релевантностей, и близкие люди должны помочь ему адаптировать к мирной жизни всю систему его прежних интерпретаций. «И те, и другие должны быть мудры», — предупреждает А. Шюц. И эти слова сегодня звучат предостережением и для нас с вами.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»; но убежденная в бесплодности поисков всеобщих законов единственно верного понимания (подобных пресловутым «законам правильного мышления»), социальная феноменология анализирует условия, при которых практически достаточное понимание возможно. При этом само понимание мыслится не как реконструкция данного, готового смысла, подлежащего «раскрытию», а как непрерывно длящийся процесс смыслотворче-

ства (феноменологического конституирования), созидания новых смыслов по мере накопления субъективного опыта. Объективный же, относительно устойчивый смысловой каркас культурного сообщества выстраивается из социально одобренных образцов субъективной интерпретации. Описанию его генезиса и функционирования в обществе (смысловой структуре социального мира) и посвящена большая часть теоретических работ А. Шюца; в разделе же «Прикладная теория» ей соответствует социально-философский очерк «Чужак». Какое соотношение интерпретативных схем делает возможным понимание в принципе? К каким идеализирующим допущениям должна прибегнуть феноменологическая социология, чтобы описать условия, при которых понимание возможно? Можно ли предвосхитить (апперцепировать) в уме ту референциальную схему, под которую собеседник подведет слова коммуникативного партнера? И при каких условиях можно понять человека наилучшим образом, будь он мой современник, человек из прошлого или даже потомок?

Исследования отца-основателя феноменологии социального мира свидетельствуют о том, что поднятые им вопросы общечеловеческой значимости глубоко укоренены в традиционных проблемах эпистемологии. Так, А. Шюц убежден в том, что не существует «изначальных», когнитивно фундаментальных фактов — основополагающих кирпичиков, «краеугольных камней» нашего знания, подпирающих все остальные. Все так называемые «объективные факты» отобраны из более широкого контекста интерпретирующей деятельностью нашего разума, направляемого прагматическим интересом. Это не значит, что в науке и обыденной жизни мы не в состоянии объективно познавать реальность окружающего мира. Но из этого следует, что в любой познавательной ситуации мы воспринимаем лишь определенные его аспекты, а именно те, что имеют непосредственное значение для наших дел в жизни. Мы отбираем их постольку, поскольку они для нас *тематически релевантны*.

А. Шюц обнаруживает истоки проблемы природы и сущности интерпретации (и целый кластер взаимосвязанных понятий и проблем) в учениях древнегреческих скептиков. В античной философии проблема субъективного измерения знания занимала весьма видное место. Во второй половине XX в. А. Шюц переносит эту важную для античной философии проблему, задвинутую на второй план объективистским пафосом новейшей европейской методологии абстрактного гносеологического

субъекта. Так, еще Карнеад, по свидетельству Секста Эмпирика, пытался разграничить понятия правдоподобия, возможности и вероятности, задаваясь вопросом, при каких условиях суждение будет правдоподобным, возможным, вероятным? Какую роль в подобном различении играет степень субъективной уверенности того, кто выносит суждение? Скептик Карнеад, убежденный в невозможности достижения объективной истины, полагал, что знание — не более чем «вооруженная вера» в то, что наши ожидания сбудутся. Однако и Карнеад, а впоследствии А. Бергсон и Э. Гуссерль сходились в том, что любая интерпретация так или иначе отражает человеческие предвосхищения, предпочтения, ожидания, страхи или, в феноменологической терминологии, апперцепируемый порядок релевантности. Представим себе, что в пределах определенного поля сознания несколько перцептивных конфигураций состязаются за право стать интерпретацией. Которая из них победит, перевесив остальные, зависит как от объективных условий, так и от человеческих предпочтений, опасений, страхов, ожиданий. Релевантность проблемы становится тематической релевантностью — предметом когнитивных усилий человека. И заимствованный А. Шюцем пример Карнеада призван засвидетельствовать не то, что любое знание — лишь вера в свершение ожиданий, а то, сколь велика роль субъективных человеческих пристрастий, страхов и ожиданий в процессе интерпретации. Вот он. Предположим, что, войдя в дом, человек обнаружил в углу комнаты предмет, чем-то напоминающий моток веревки. Уж не змея ли это? И если верна первая интерпретация («моток веревки»), нет, конечно же, оснований не ложиться спать в этой комнате, тогда как во втором случае («змея») следует поостеречься. Личный опыт убеждает его в том, сколь опасны могут быть некоторые из этих созданий. Сообразно этому, он выделяет те элементы ситуации, которые служат его определению предмета в свете релевантной ему проблемы — расположиться на ночлег. Если, например, в доме проживает моряк, то это, скорее всего, моток веревки. Но если расширить представление о ситуации и принять во внимание и то, что на дворе зима, а в холодное время года змеи, как известно, заползают в теплые помещения, то чаша весов, вероятно, склонится ко второй интерпретации. Оба предположения правдоподобны, и необходимо оценить степень вероятности каждого, распутывая сложный клубок объективных и субъективных обстоятельств. Осуществляя процесс интерпретации, — приписывая смыс-

ла данному предмету путем подведения его признаков под «родовые» характеристики уже знакомых вещей, — человек вынужден различать условия, при которых его суждение будет правдоподобным, а при каких — возможным и даже вероятным. Предмет недвижим, значит, он не живой? Но ведь и скованные зимней стужей змеи неподвижны. Его здесь не было прежде, а в дом, скорее всего, никто не входил, значит, он проник туда сам? Но утром тени падают иначе, и человек мог просто не заметить лежавшего в углу предмета. А если в доме все же побывал посторонний? Человеку довлеет проблема безопасного ночлега, и, скованный страхом перед змеями, он вынужден вновь и вновь обращаться к анализу причудливых хитросплетений жизненных обстоятельств.

Но вот, наконец, он отважился пошевелить незнакомый предмет палкой. Тот остался недвижим (не змея!), но для мотка веревки слишком уж мягок. Это дает пищу иному фантазийному предположению, претендующему на роль новой интерпретации: а не ворох ли это тряпья? Однако с элиминацией одного из предыдущих предположений (змея) исчезает и прагматический мотив, управляющий процессом интерпретации. Ведь если человек вознамерился расположиться там на ночлег, то не все ли равно, тряпье или веревка, если и то, и другое можно убрать, не подвергая себя опасности? Новая дилемма *нерелевантна* его проблеме (найти безопасное место для ночлега). Проблема считается решенной, хотя процесс интерпретации не завершен. Подобное состояние дел А. Шюц описывает как «исчезновение темы», сдвиг луча внимания в область горизонта. Пример Карнеада иллюстрирует принципиальной важности теоретический вывод А. Шюца: процессом интерпретации управляет прагматический мотив. Именно он конституирует тему и управляет ее перемещением из фокуса сознания в область его горизонта.

«Исчезновение темы» может носить как временный, так и окончательный характер. Исчезнувшая тема может быть возобновлена, если вновь окажется релевантной. В таком случае процесс интерпретации может быть продолжен. Но выдвижение темы в фокус сознания может не состояться даже и в случае высокой релевантности проблемы, если основные элементы ситуации существенно не определены. В другом примере, описанном Секстом Эмпириком, человек, спасаясь бегством от врагов, замечает на своем пути пещеру. Засада ли это или возможное укрытие? И если в первом примере человек имел

достаточно времени для обдумывания своих предположений, а также и возможность проверить их с помощью палки, находясь на безопасном расстоянии, то во втором случае он лишен и той, и другой возможности. Так что попавшая в поле зрения спасающегося бегством пещера просто не выдвигается в фокус из области горизонта, несмотря на высокую степень релевантности самой проблемы (найти укрытие). Это *несостоявшаяся тема*, или *пробел*; и к рассмотрению последнего мы еще вернемся.

Человеческое сознание тематически весьма сложно структурировано. Одна тема главенствует, временно вытесняя или замещая другие, подобно тому, как нектати разразившаяся болезнь неожиданно-негаданно исцеляет другой застарелый недуг. Поясним на примере. Предположим, человек занят решением научной проблемы, которая в данный момент для него тематически релевантна. Вдруг он слышит за окном оглушительный грохот. Что это? Взрыв? Обвал дома или треск ветвей рухнувшего от старости дерева? Человек подходит к окну. В этот момент причина необычного звука обладает для него наивысшей тематической релевантностью. Решение научной проблемы временно приостановлено. Это *отложенная релевантность*. Но вот человек убедился, что ничего страшного не произошло, и причина столь необычного звука никому не угрожает. В таком случае он может возобновить решение своей научной проблемы, которая вновь стала его главенствующей темой. Это *возобновленная релевантность*. Если же, напротив, происшествие за окном требует немедленных действий, например, оказания помощи пострадавшим, то человек, вероятно, не скоро вернется к своим научным занятиям. Это *прерванная релевантность*.

Для невовлеченного наблюдателя остается открытым вопрос, когда, с какого момента проблему считать решенной, т.е. когда происходит безвозвратное *исчезновение темы*? А. Шюц, настаивающий на разграничении субъективной и объективной мотивации, убежден в том, что ответить на этот вопрос может лишь сам действующий (постулат субъективной интерпретации применительно к проблеме релевантности). Только он, «определяя ситуацию», может сказать, где начинается, а где завершается его действие. Представим себе, что вам надо составить заявку на грант, и ваш товарищ видит, что вы садитесь за компьютер. Если вы не поделились с ним своим замыслом, то для невовлеченного наблюдателя ваше действие заканчивается в тот момент, когда, завершив процесс составления текста, вы отключили компьютер. Для вас же, действующего лица, этот процесс может

длиться либо до объявления результатов экспертизы (если вы не преуспели в получении гранта), либо до завершения заявленного исследования, либо до выхода в свет публикации на эту тему – в зависимости от того, как вы определили ситуацию.

Подобные примеры, по мысли А. Шюца, не только свидетельствуют о прагматической направленности тематического содержания человеческого сознания, но и содержат зерно проблемы, имеющей фундаментальное значение для современных социальных наук. Речь идет об исследованной Э. Гуссерлем проблеме проблематичных и открытых возможностей, в конечном счете – человеческой свободы. Современные общественные науки, убежден А. Шюц, существенно упрощают проблему человеческой свободы, сводя ее к сопоставлению критериев рационального выбора. При таком подходе человек изначально помещен в готовый контекст проблемных альтернатив. Мысленное взвешивание представленных к выбору возможностей позволяет одной из них перевесить остальные и вырваться вперед. Так что в любых ситуациях, требующих ответственного решения, человек уподобляется витязю на распутье: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – голову сложишь и т.д. Подобные возможности Э. Гуссерль назвал проблематичными, и их простой перебор, строго говоря, еще оставляет нас за вратами подлинного царства человеческой свободы. В более интересном для социальных наук случае конституирования открытых возможностей человек черпает с помощью фантазии из персонального запаса наличного знания тот или иной вариант будущего поведения, который может быть, а может и не быть трансформирован в проект. Так что в ответственных жизненных ситуациях, требующих нестандартных решений, человек сам прокладывает тропы своей жизни, и сделать это во внутреннем времени (проекте действия) куда сложнее, чем на земной тверди.

А. Бергсон, а вслед за ним У. Джемс и Э. Гуссерль обратили внимание на то, что движение во внутреннем времени потока человеческого сознания нельзя уподобить перемещению в пространстве без серьезного искажения сути проблемы. Ведь если, перемещаясь по поверхности земли, человек пожелает свернуть на полпути, он всегда имеет возможность вернуться в исходную точку. Но события в потоке сознания невозможно повторить, поскольку каждому новому «вхождению» в поток сознания предшествует иная непрерывность человеческих переживаний, иные «окаймления» (*fringes*). Перемещение в пространстве

столь же отлично от движения во внутреннем времени, как и человеческое переживание — от тикания метронома. Живя в потоке сознания, человек «взрослеет», впитывает жизненный опыт, наращивает запас наличного знания, конфигурация которого служит схемой интерпретации последующих восприятий. Любое, даже самое неудачное решение видоизменяет состав наличного знания, обогащая его опытом собственных ошибок. Поэтому если человек вновь обращается к ранее обдуманному и впоследствии отклоненному решению (случай прерванной релевантности), то, строго говоря, это уже совсем иное решение.

Итак, проект действия конституируется в процессе движения во внутреннем времени, и это «прокладывание тропинок во внутреннем времени» отнюдь не сводимо к перебору готовых возможностей. Оно созидает новые, ранее не ведомые и, строго говоря, на момент проектирования еще не существовавшие возможности. Вот подлинный пример из жизни. Молодая мама узнала, что спасти жизнь ее малышу может лишь сложнейшая операция на сердце, которая в наших кардиологических клиниках в то время еще не была освоена. Тщетно пыталась она докричаться до светил отечественной медицины, до национальных женских и детских общественных организаций, представительных органов власти. Казалось, все наличные («проблематичные») возможности были исчерпаны, и на спасение жизни ребенка надежды не оставалось. В отчаянии молодая женщина написала письмо — крик о помощи — английской королеве, и вскоре получила ответ от личного секретаря Ее Величества. Последний уведомлял ее о том, что ей и ее ребенку оплачено пребывание в одной из лучших кардиологических клиник Лондона. И такая поездка — хоть и не без новых усилий — действительно состоялась. Во всей этой невыдуманной истории меня восхищает не только беззаветная преданность этой женщины своему материнскому долгу. Во имя гуманной цели она шагнула «поверх барьеров», став социальным конструктором новой, уникальной («открытой») возможности. Тем самым она раздвинула границы человеческой свободы.

Читатель, тяготеющий к размышлениям над проблемами искусства, также найдет в этой книге немало интересного. Феноменология музыки (этиод «Совместное сотворение музыки») описывает отличительные особенности процесса музыкального восприятия. В феноменологической интерпретации они предстают как одновременное движение в различных темпоральных структурах: разнонаправленное (прямое и возвратное) движение

во внутреннем времени и однонаправленное — во внешнем. Развитая способность сознания удерживать разнонаправленные движения на различных темпоральных уровнях определяет саму возможность восприятия музыки как гармонической целостности.

А сколь великолепен сюжет о ранних операх Моцарта! («Моцарт и философы»). В отличие от ранних интерпретаторов Моцарта (Шопенгауэра, Когена), А. Шюц убежден в том, что смысловым стержнем опер Моцарта, определяющим порядок смены ситуаций и логику действий персонажей, является вовсе не любовь, а поиск человеком своего места в мире как человека среди людей. Любовь — лишь демоническая сила, властно влекущая к такому поиску. Высшим эстетическим воплощением подобной силы у Моцарта является Дон Жуан. Его жизненные искрится и отливает алмазными гранями, он танцует над бездной и ликует в отпущенное ему недолгое время жизни, и то, что действие происходит в провинции Шампань, лишь подчеркивает вакхическую экстравертность героя. Основатель социальной феноменологии прозорливо замечает, что Моцарт отнюдь не выстраивает музыкальными средствами цельных и художественно убедительных образов своих персонажей. Напротив, все его герои превосходят самих себя. В моменты высшего драматического напряжения, в размышлениях над собственными переживаниями в ариях и дуэтах они кардинально преобразуются, возвышаясь до подлинно общечеловеческого уровня. Арии Моцарта — это музыка, для которой весь мир составляет тексты, подытоживает А. Шюц. А потому он убежден в том, что Моцарт музыкальными средствами поведал о мире и человеческих отношениях более чем самая изощренная философия. Моцарт, по мнению А. Шюца, является величайшим из философов. И если мышление, полагал Лейбниц, является скрытой арифметической деятельностью разума, который не знает, что он вычисляет, то музыка, убежден А. Шюц, является скрытой метафизической деятельностью разума, который не знает, что он философствует. В феноменологическом анализе оперного искусства Моцарта А. Шюц предстает перед читателем как блестящий мастер философии музыки.

* * *

Тяготение духа современной культуры к феноменологии ощущимо в самых различных областях социального знания. Феноменологические подходы широко практикуются в науковедении (А. Койре), этике и религиоведении (М. Шелер), эстетике

(Р. Ингарден), политологии (Р. Арон). Но наиболее значимой областью приложения феноменологической методологии оказалась социология. Слияние феноменологических идей с социологической проблематикой можно без преувеличения считать великим синтезом. Он обогатил социально-философское мышление как новыми образами социальной реальности, так и методами исследования смысловых характеристик социальных процессов.

Социальная феноменология А. Шюца представляет собой теоретический синтез «поздней» конститутивной феноменологии Э. Гуссерля и «понимающей» теории социального действия М. Вебера. Идея трансцендентальной субъективности Э. Гуссерля сопрягает основополагающую установку европейской культуры на достижение всеобщности, восходящую к платоновскому идеализму и идеалистическому мистицизму христианства, с индивидуалистическими интенциями позднеевропейского гуманизма. Заложив основы антропологического поворота в философии, Э. Гуссерль сформулировал базисные принципы «человекообразной» методологии, связывающие общезначимое (трансцендентальное) начало человеческого сознания с телесными и интерсубъективными характеристиками человека. Закрепленные Э. Гуссерлем в философском словаре XX в. понятия *естественной установки сознания, проекта, сознания внутреннего времени, горизонты сознания, наконец, жизненного мира* стали опорными концептуальными средствами такого поворота.

А. Шюц не был первым, кто предпринял попытку подобно синтезу. Однако он впервые сумел сделать это систематически. Будучи, без сомнения, столь же блестящим философом, сколь и социологом, он не стремился создать «философской социологии» как особой области в рамках собственно социологического дискурса. Напротив, в течение всей жизни он по кирпичикам складывал теоретический фундамент исчерпывающей и самодостаточной системы социологического мышления.

Биографические сведения об отце-основателе феноменологической социологии достаточно скупы. А. Шюц родился в 1899 г. в Вене. Изучал юриспруденцию, работал юрисконсультантом в банке. Во время Первой мировой войны служил в Австро-Венгерской армии. После выхода в свет в 1934 г. его первой книги «Смысловое строение социального мира» (*Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt*) лично познакомился с Э. Гуссерлем, с которым неоднократно встречался. Вплоть до кончины Э. Гуссерля А. Шюц поддерживал с ним оживленную переписку. Э. Гус-

серль приглашал А. Шюца переехать во Фрайбург и занять место его ассистента, но под давлением иных обязательств А. Шюц отклонил предложение. В 1928 г. перед лицом угрозы гитлеровской оккупации А. Шюц эмигрировал в Париж, а годом позже переехал в Нью-Йорк, где начал преподавательскую деятельность в университете Элвина Джонсона. С 1953 г. — профессор социологии Нью-Йоркской Новой школы социальных исследований. В Нью-Йорке А. Шюц получает возможность общаться с такими учениками Э. Гуссерля, как Дорион Кэрнс (Dorion Cairns), Арон Гурвич (Aron Gurwitsch), Марвин Фабер (Marvin Faber), Феликс Кауфман (Felix Kaufman), ссылки на работы которых изобилует настоящее издание. Совместно с М. Фабером А. Шюц основал Международное Феноменологическое общество, входил в редакцию журнала «*Philosophy and Phenomenological Research*» со дня его основания в 1941 г. Преждевременная смерть (1959 г., Нью-Йорк) прервала его работу над грандиозным проектом: систематическим изложением структуры мира повседневной жизни и господствующей в ней системе релевантности.

Помимо уже упомянутого сочинения — «*Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt*» (английский перевод — *The Phenomenology of the Social World*) — единственного, написанного в Европе на родном немецком языке, перу А. Шюца принадлежат еще 32 работы, большая часть из которых написана на английском, а некоторые — на французском, немецком и испанском языках. Работы А. Шюца, написанные в Америке, представляют собой набор по видимости тематически слабо связанных между собой статей. Поставив перед собой столь грандиозную задачу, как теоретическое основание фундамента феноменологической социологии, А. Шюц мог писать лишь в свободное от преподавательских обязанностей время. И лишь посмертно Р. Занером, М. Фабером и М. Натансоном, близко знакомыми с ним лично, было издано трехтомное собрание его сочинений (*Collected Papers*, 1962, 1964, 1966, Martinus Nijhoff, The Hague), куда вошли его работы, написанные после 1940 г. В композиции настоящего издания учтена работа, проделанная учениками и соратниками А. Шюца. Оно построено не по хронологическому принципу, а в соответствии с логикой развертывания основной социально-феноменологической проблематики.

Осуществляя прививку феноменологической философии на древо немецкой «понимающей» социологии, А. Шюц использует фундаментальные установки гуссерлевской феноменологии в

качестве инструментов для прояснения базисных социологических понятий. Осознав как блеск, так и ограниченность немецкой социологии социального действия, он показал, что Вебер не развивал далее общих методологических и теоретических проблем социологии, чем требовали интересы его проблематики. Он также не проанализировал различий в применении ключевых терминов на различных уровнях социологического анализа. Принимая основные постулаты Вебера, и важнейший из них — постулат субъективной интерпретации, — основоположник социальной феноменологии проясняет скрытые смыслы одних понятий, развивает другие далее того предела, на котором Вебер завершил свой анализ, разводит смыслы веберовских понятий, используемых в различных контекстах. И важнейшим методологическим императивом феноменологической социологии он полагает сформулированный им постулат о том, что при переходе на иной уровень социологического анализа все ранее использованные понятия претерпевают существенный сдвиг значений, часто не замечаемый самим исследователем. Много непонимания и путаницы в социальных науках, убежден А. Шюц, проистекает из непонимания этого основополагающего методологического императива. Но опираясь на достижения М. Вебера, А. Шюц разворачивает свои исследования в направлении, обратном тому, в котором исторически и логически развивалось само веберовское социологическое мышление. Он анализирует такие понятия, как «субъективно осмысленное действие», «понимание на основе наблюдения», «мотивационное понимание», разводит понятия субъективной и объективной интерпретации. Да и само понятие «субъективного значения», лежащее в основе понимающей социологии М. Вебера, А. Шюц считает не вполне логически и семантически проясненным. Тексты М. Вебера позволяют интерпретировать его и как значение, придаваемое действию самим действующим лицом, и как значение, приписываемое ему Другим, партнером или наблюдателем. Подобная амбивалентность неизбежно порождает неопределенность в отношении того, чем же является конечный результат реконструкции субъективных значений: эмпирически ли выявляемым статистически средним значением представлений различных индивидов о смысле собственных действий или замещающим подобное «усреднение» идеализированным объектом, характеристики которого определяются теоретически заданными условиями? К числу таких теоретически заданных условий М. Вебер относит и допущение о строго целераци-

ональном поведении типичного действующего лица. Подобное допущение позволило М. Веберу идентифицировать субъективный и объективный значащий контексты, т.е. отождествить смысл, придаваемый своему действию самим действующим, с одной стороны, и коммуникативным партнером или наблюдателем — с другой. Это действительно сильное идеализирующее допущение веберовской социологии, и, снимая его, феноменологическая социология исследует уровни рассогласования и способы трансформации субъективных значений в объективный значащий контекст. Иными словами, задаваясь поистине кантианскими вопросами типа «Как возможно осмысленное социальное действие?», социальная феноменология проблематизирует краеугольные камни понимающей социологии и простирается до уровня метаанализа, т.е. систематического обращения к вопросам, логически первичным по отношению к любым утверждениям относительно самой социальной жизни¹.

Не будучи «философской социологией», феноменология социального мира в то же время не является ни частным ответвлением, ни прикладным разделом феноменологической философии. У них разные предметы. Феноменология социального мира занята не поиском предельных оснований бытия и мышления, а постановкой «искусства жить вместе», ограничиваясь постановкой специальной проблемы: исследования универсума всеобщих разделяемых смыслов социального мира, работой социальной «фабрики значений». Социальная феноменология исследует общество с точки зрения функционирования определенной системы жизненных смыслов, объединяющих людей в социокультурное сообщество. Поэтому в отличие от выносящих человека за скобки масштабных системосозидающих подходов, в центре которых — функционирование определенной системы социальных структур и институтов, мир социальной феноменологии — это мир изначальных обыденных интерпретаций, человеческий мир, светящийся смыслом.

Современные социальные науки, убежден А. Шюц, оказались перед лицом базисной теоретической и методологической проблемы, пребывавшей в «слепом пятне» модернистской социологии: исследования повседневных человеческих действий, интерпретаций и опыта человека в социальном мире. Последний шаг в этом направлении сделан М. Вебером, волею судеб ставшим посредником между позитивистски ориентированной эмпирической социологией, с одной стороны, и идеалистическим историцизмом «философии жизни» — с другой. Не буду-

чи феноменологом, он сыграл решающую роль и в становлении «человекоразмерной» социальной науки и определении пределов адекватности методологических принципов позитивистской социологии. Последние же, некритически заимствованные из естествознания, не учитывали важнейших особенностей социального «объекта», имеющего, в отличие от объектов естествознания, собственное, «донаучное» представление о себе и своих действиях. Именно на этих представлениях (пред-интерпретациях) и должна основываться «понимающая» социальная наука, согласующаяся с опытом человека в жизненном мире.

Понятие *жизненного мира (Lebenswelt)* – центральное в феноменологическом подходе к социальной жизни. Оно воплощает опыт intersубъективности. Для Э. Гуссерля жизненный мир – это мир дорефлексивных очевидностей обыденного сознания в естественной установке. Поэтому любой непосредственный человеческий опыт, полагал Э. Гуссерль, является опытом в жизненном мире и по поводу него. А. Шюц в полной мере осознал тот факт, что именно в intersубъективной природе жизненного мира заложены возможности применения феноменологии за пределами чистого сознания трансцендентального Эго. Проясняя бытийный смысл intersубъективности, конститутивная феноменология содержит не раскрытые самим Э. Гуссерлем возможности применения феноменологических подходов в общественных науках. Прослеживая связь непосредственных чувственных переживаний индивида в социальном мире с высокоабстрактными формализованными конструкциями социальных наук, А. Шюц надеялся разрешить завещанную Э. Гуссерлем проблему: восстановление связи науки с жизненным миром человека, ослабление которой вследствие математизации науки Нового времени, по мнению Э. Гуссерля, и послужило главной причиной кризиса европейских наук.

В рамках социальной феноменологии жизненный мир предстает как всеохватная сфера человеческого опыта, ориентаций и действий, посредством которых люди осуществляют свои планы, дела и интересы, манипулируя объектами и общаясь с другими людьми. Социологический смысл понятия жизненного мира состоит в том, что он воплощает опыт intersубъективности – личный опыт человеческого общения. Место опыта самопостижения чистого сознания трансцендентального Эго в социальной феноменологии занимает опыт социального отношения – опыт встречи с чужим сознанием как соучастником в определении смыслов. Поэтому фунда-

ментальной задачей социальной феноменологии становится описание процесса феноменологического конституирования intersубъективного социального мира, т.е. социально-одобренных способов его интерпретации, лежащих в основе самой возможности социальных коммуникаций.

Философски весьма абстрактное понятие жизненного мира А. Шюц включает в корпус собственно социологических понятий, соотнося его с важнейшими тремя. Каждое из них лишь частично описывает жизненный мир, тогда как последний выступает для них объединяющей целостностью. Во-первых, жизненный мир – это мир в *естественной установке сознания (natural attitude)*, с помощью которой человек живет и действует в жизненном мире. Эта установка прагматична, утилитарна и включает в себя различные области релевантности. Во-вторых, жизненный мир – это интегративная характеристика человеческого бытия и поведения в социальном мире. Каждая отдельно взятая ситуация является эпизодом в цепи человеческой жизни, и поведение в ней человека основано на его предшествующем жизненном опыте. Как содержание, так и последствия этого опыта уникальны. Феноменологически это означает, что жизненный мир человека – это его бытие в *биографически детерминированной ситуации*. Наконец, в-третьих, понятие жизненного мира включает в себя и те средства, с помощью которых человек ориентируется в жизненной ситуации и достигает поставленных целей, используя ранее уже рассмотренный нами *запас наличного знания*. Человек не может ни интерпретировать свой опыт и наблюдения, ни строить жизненные планы, ни даже определить ситуацию, в которой он находится, не обращаясь к персональному запасу наличного знания.

Intersубъективность жизненного мира означает, что персональные интерпретации относительно естественной концепции мира синтезируются в общезначимую картину мира определенного культурного сообщества. Это возможно благодаря использованию стандартизированных образцов и формулировок, «комплексной самоидентификации», представляющей общие взгляды определенной группы (in-group) и поддерживающей его. Члены иной культурной общности, имея собственные относительно устойчивые концепции мира, воспринимают чужую группу как внешнюю. Будучи эмигрантом, А. Шюц уделял много внимания теоретическим аспектам проблемы того, каким образом происходит прилаживание человека, выросшего в одной культурной среде, к социокультурным кодам дру-

гой. Поначалу «чужак» поневоле становится наблюдателем способов жизни в новом сообществе, затем по отдельным фрагментам он пытается реконструировать тот набор неписанных правил практического поведения, которые членам той группы, в которую он стремится войти, представляются само собой разумеющимися (taken for granted). Они чужды ему, но без них невозможна его новая жизнь. С другой стороны, члены самой группы рассматривают его как невовлеченного наблюдателя («чужак»), и его групповая лояльность остается сомнительной. Но подобная позиция имеет и ряд преимуществ. Не разделяя образцов жизни данной группы (в позднейшей терминологии – системы релевантности), чужак (the stranger) как невовлеченный наблюдатель может составить объективный культурно-антропологический портрет этой общности, не доступный членам самой наблюдаемой группы. Поэтому он в состоянии заранее предвидеть симптомы острейшего кризиса, способного до основания потрясти устои кажущегося вполне стабильным культурного сообщества.

Следуя базисным установкам гуссерлевского метода трансцендентально-феноменологической редукции, социальные феноменологи предлагают – в целях исследования смыслового содержания опыта – поначалу «воздержаться» от веры в объективную реальность социальных объектов, аналогично тому, как трансцендентально-феноменологическая редукция требует «вынесения за скобки» любых смыслов бытийных суждений. Специфическое эпохэ естественной установки позволяет выявить логос всех мыслимых форм человеческого опыта и обрести смысл «социального». Феноменологически собственно социальное не существует, а «значит». Его онтологический статус не исчерпывает его бытия как продукта человеческой деятельности. В феноменологической перспективе мотив, план, проект, намерение, преступное недеяние, упущенная возможность столь же «реальны», сколь и любые другие творения ума и рук человеческих. И те, и другие способны выступать центрами познавательных и практических отношений и, следовательно, подотчетны человеческому разуму и совести.

В рамках социальной феноменологии социальный мир предстает прежде всего и главным образом как мир значений, переживаемых и интерпретируемых людьми в их повседневной жизни. Вместе с тем, социальные значения не предшествуют человеческой деятельности на манер риккертских абсолютных ценностей. Социальные феноменологи исходят из

представлений о конститутивном (не созерцательном) характере социальных значений как квинтэссенции, точке пересечения смысловых характеристик типизированных форм человеческой деятельности. Под этим углом зрения социальная реальность предстает как жизненный мир, переживаемый и интерпретируемый в человеческой повседневности.

Реальность, с которой имеет дело социальный феноменолог, – это структурированный мир intersubjectивных значений, выступающих в форме типизированных представлений об объектах и событиях этого мира. Подобные типизации образуют схему обыденных интерпретаций – принимаемых как само собой разумеющихся (taken for granted) средств социальной ориентации человека. А поскольку процесс конституирования социального мира может быть описан как конституирование реальности повседневной жизни в терминах социальных значений², главной задачей феноменологического анализа социальной реальности становится формулировка всеобщих правил приписывания значений, позволяющих создать понятный и предсказуемый жизненный мир. Обращаясь к анализу intersubjectивных значений, социальный ученый исследует генезис феноменологически трактуемой объективности социального мира, т.е. его intersubjectивной смысловой структуры, конституирующей собственно социальное в его отличии от мира природных объектов.

Методологически это означает изменение позиции исследователя по отношению к своему объекту, смену места теоретической речи. Говорящий от имени науки утрачивает статус абсолютного наблюдателя, вознесенного над повседневной жизнью. Погруженность в структуры жизненного мира означает принципиальную несвободу социального теоретика от предпосылок, разделяемых с обыденным мышлением в естественной установке сознания. А это значит, что, признавая зависимость научного мышления от повседневных обыденных интерпретаций, социальная феноменология призывает овладеть особой методологической культурой систематического выявления смыслов, почерпнутых из обыденного сознания ученого как человека в жизненном мире. Подобный методологический императив А. Шюц называет «постулатом чистоты метода», предупреждая, что следовать ему на практике куда сложнее, чем кажется. Ведь каждый шаг на пути методологической рефлексии собственных научных рассуждений вовлекает все новые и новые допущения, нагруженные повседневными рутинными интерпретациями. Однако во избежание регресса в

дурную бесконечность, ученый вынужден довольствоваться практически достаточным прояснением собственных предположений, способных избавить науку от грубых ошибок, к которым ведет невнимание к методологическим вопросам.

Развитый в рамках социальной феноменологии коммуникативно-смысловой подход к анализу социального мира обретает особую актуальность в условиях осознания ограниченности классической парадигмы социального знания. Изучение социальных объектов как продуктов определенного типа социальных коммуникаций, вырастающих из рутинных, повседневных взаимодействий и интерпретаций, выявляет культурно-историческую ограниченность классического стиля социально-философского мышления, отвлекающегося от смыслового измерения социального мира, в котором живет и действует человек. Ведь знание того, сколько раз в году среднестатистический респондент посещает музеи, концертные залы или церковь, как часто меняет работу и приходит на избирательный участок, безусловно, полезно, однако, не будучи интерпретировано, оно еще не в состоянии поведать, доволен ли человек работой или выборными органами власти, раскрыть многообразие оттенков и глубину эстетических и религиозных переживаний. Но именно знание человеческих предпочтений, страхов, надежд и стремлений необходимо для осмысления современного философского образа человека. «Я сошлюсь на М. Шелера, — отмечает А. Шюц, — еще в 1928 г. заметившего, что никогда в человеческой истории человек не проблематизировал себя столь глубоко, как в наши дни. Фундаментальной важности вопрос состоит в том, что означает человеческое, быть человеком»³. Полагая своим предметом исследование смыслового строения социального мира — человеческих смыслов бытия — социальная феноменология вносит свою лепту в решение этого «фаустовского» вопроса.

* * *

Перевод трудов А. Шюца сопряжен с целым рядом трудностей как объективного, так и субъективного характера. В данном издании представлены переводы как с немецкого, так и с английского языков. Но лишь одно крупное сочинение А. Шюца — «Смысловое строение социального мира» — написано на родине на его родном немецком языке и впоследствии переиздано в переводе на английский под несколько измененным названием «Феноменология социального мира» (The Phenomenology

of the Social World). Основные же работы, и, как уже отмечалось, в основном в форме статей, написаны А. Шюцем по его переезду в Америку уже на английском языке. Знакомство с первыми же из них воочию демонстрирует нелегкий процесс трансформации тяжеловесных фраз немецкой философской стилистики в грамматически облегченные формализованные конструкции английского языка. Не сразу отыскались и адекватные изощренной немецкой философской лексике английские эквиваленты. Но даже и в позднейших работах полного терминологического соответствия немецкого и английского оригиналов нет. Так, в текстах, написанных на английском языке, желая подчеркнуть, что действие происходит в «живом настоящем» и именно ситуативно определенным образом, А. Шюц употребляет грамматические обстоятельства места и времени «Здесь и Сейчас» (Here and Now), тогда как в немецком оригинале «Смыслового строения», в котором позднейшая идея ситуативной детерминации значений еще не развита, автор прибегает к использованию грамматических обстоятельств места и образа действия «Здесь и Так» (Jetzt und So). Аналогично, развитие темы темпоральной структуры мира повседневной жизни позволило заменить понятие «более широкого социального окружения» (в немецком оригинале) на «мир современников «в позднейших изданиях на английском языке, а четко определенный англоязычный термин «идеальный тип осуществления действия», соотносимый с «персональным идеальным типом» в развитой идеально-типизирующей методологии, в немецком оригинале «Смыслового строения» представлен весьма расплывчатым понятием «процессуальный идеальный тип» и т.п. Наконец, метафорически нагруженное словосочетание «Urarche Erde» в англоязычном варианте заменяется на более четкое Frame of Reference.

Специфическую трудность для перевода представляют понятия-метафоры, почерпнутые А. Шюцем из других областей научного знания. К ним относится широко используемый им термин «sedimentation». Заимствованный из геологии, он означает порядок осаждения геологических пород. В социальной феноменологии он используется для обозначения генезиса (порядка отложения в памяти) личного человеческого опыта, фундаментального для формирования его запаса наличного знания. В тексте перевода использованы синонимы «осаждение (знания)», «отложение (опыта)», а в контексте «плотного» употребления понятия «sedimentation» и не вполне адекватный термин «кристаллизация».

Определенную сложность представляет и различие контекстов употребления сходных в смысловом отношении терминов. Так, понятие «запас наличного знания» (*The stock of knowledge at hand*) переводится как «запас подручного знания» в случае сопоставления с иным предложным словосочетанием — «*the stock of knowledge in hand*», при этом последнее переводится как «сподручное знание». Мои попытки выявить своеобразие контекстов употребления предложных сочетаний «*in hand*» и «*at hand*» применительно к слову «знание» серьезным успехом не увенчались. Контекстуальный анализ позволяет лишь предположить, что выражения «подручное знание» означает «находящееся в распоряжении», а «сподручное знание» — пригодное к применению в наличной ситуации Здесь и Сейчас. В самом же тексте оригинала это разграничение просматривается лишь как тенденция. Определенный, хотя и весьма тусклый свет на разграничение этих предложных словосочетаний могло бы пролить исследование их различия М. Хайдеггером, но в текстах А. Шюца нет никаких указаний на подобное заимствование. Более обоснованным представляется различие, обрисованное самим А. Шюцем на последних страницах его «Размышлений о проблеме релевантности», где представлен общий обзор его «философии пробела» (*Philosophie der Leerstelle*, английский эквивалент — *Vacancy*). В контексте этих набросков, вставленных в основной текст «Размышлений о проблеме релевантности» американским издателем (рукопись «Размышлений» обрывается внезапно), знание «*at hand*» раскрывается как успех в заполнении пробелов, которые типичным образом предначертаны контурами уже известного. Пробел выступает здесь как апоретический локус всех возможных структур релевантности. Однако А. Шюц постоянно подчеркивал многозначность самого термина «неизвестное» в контексте развитой им концепции релевантности. Обыденный язык покрывает им весьма широкий спектр значений. Это может быть забытое (ставшее тематически нерелевантным), нейтрализованное (прерванная тематическая релевантность), восстанавливаемое (отложенное) знание. Эвристическую роль понятия пробела А. Шюц намеревался использовать и в незавершенной им концепции символизации и квантовой теории сознания.

Некоторые понятия семантически амбивалентны. Примером тому служит одно из наиболее распространенных в книге словосочетаний — «*taken for granted*». Применительно к понятию реальности оно переводится как «неоспоримая данность»,

в контексте же рассмотрения знания — «непроблематизируемое», «само собой разумеющееся». Подобная же контекстуальная полисемия присуща и некоторым другим, преимущественно эпистемологическим, понятиям (обзор, разбор, знакомство, осведомленность и т.д.), а также понятиям, заимствованным у Э. Гуссерля, которые в контексте социально-философской проблематики претерпели ощутимый «сдвиг значений» (горизонт сознания, жизненный мир, открытые и проблематичные возможности и т.д.).

Наконец, как научный редактор, я беру на себя ответственность за замену на русскоязычный эквивалент отдельных слов-«калек» в изначальных вариантах текстов других переводчиков настоящего издания. Это относится к таким, например, понятиям, как «аттенциональный луч», «актер», «актуальный интерес», «акцент реальности» и т.п. (в отредактированном варианте «луч внимания», «действующее лицо», «насущенный интерес», «статус реальности»). При этом я отдаю себе отчет в том, что выигрыш в благозвучности русскоязычного эквивалента зачастую оплачен определенными издержками в точности воспроизведения оригинала.

Как редактор-составитель я вынуждена считаться и с тем, что большая часть представленных в данном издании текстов первоначально опубликована в американских научных журналах 30–40-х годов, и лишь в 60-х годах ушедшего века в Голландии увидело свет трехтомное собрание сочинений основоположника феноменологии социального мира: *Schutz A. Collected Papers*. Martinus Nijhoff. The Hague (1962, 1964, 1966). Но композиция настоящего издания, как уже отмечалось, следует не хронологическому принципу, не очередности появления статей в научных журналах, а структуре указанного выше собрания сочинений. Это позволило снять некоторые очевидные повторы, обязывавшие автора представлять общие характеристики социально-феноменологического подхода при рассмотрении частных вопросов в журнальных статьях. При такой композиции издание предстает не отражением идейной биографии А. Шюца, а внутренне взаимосвязанным логическим развертыванием основной проблематики феноменологии социального мира, конституирующей социально-феноменологический стиль философского мышления. Подобное композиционное решение открывает возможность в дальнейшем продолжить издание переводов работ по феноменологии социального мира, принадлежащих перу его многочисленных учеников и последова-

телей. Что же касается вошедших в данное издание сочинений А. Шюца, то подавляющее их большинство, за исключением небольших фрагментов «Тиресий», «Возвращающийся домой», а также «Формирование понятия и теории в социальных науках», на русском языке публикуются впервые.

В заключение хочу поблагодарить тех, кто оказал мне неоценимую помощь в подготовке этого здания. Я выражаю благодарность Институту углубленных гуманитарных и социальных исследований (NIAS) Королевской академии наук и искусств Нидерландов за предоставленную возможность воспользоваться фондами библиотеки NIAS, а также Королевской библиотеки в Гааге и библиотеки Лейденского университета; я выражаю благодарность ныне работающему в США немецкому лингвисту Юте Шауб (Uta Shaub) за помощь в сопоставлении отдельных нюансов текстов немецкого и английского оригиналов; я благодарна М.А. Гарнцеву за перевод с греческого терминов, обильно используемых в двух первых разделах «Размышлений о проблеме релевантности» («Проблема Карнеада»). Я обращаю слова благодарности Ю.А. Кимелеву за ценные советы в процессе работы над книгой. Наконец, великолепный подзаголовок книги — «Мир, светящийся смыслом» — позаимствован из работы недавно ушедшего из жизни ученика и последователя А. Шюца американского философа М. Натансона.

Хочу надеяться, что эта книга — лишь первая ласточка, провозвестник мощного потока последующих переводов социально-феноменологической литературы, открывающего отечественному читателю новый для него пласт идей и поначалу столь непривычный стиль философствования на социальные темы. И если Вы, дорогой читатель, все еще держите в руках эту книгу, — у социальной феноменологии в России есть будущее.

Примечания

¹ *Vagner H.* Introduction to: *Shutz A.* On Phenomenology and Social Relation. The Univ. of Chicago Press, 1970. P. 45.

² *Уолли Д.* Социология и социальный мир // Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С. 51.

³ *Zaner R.* Solitude and Sociality: The Critical Foundation of the Social Sciences // Phenomenology and Social Reality. P. 25.

Указатель имен

Августин Бл. 593, 595	Бринтон К. 664, 666
Адлер М. 230	Буркхардт Я. 1020
Альберт Х. 608, 615	
Андерсон М. 649, 650	Вагнер Р. 601, 609, 615
Аристотель 134, 459, 460, 527, 618, 630-633, 648, 653, 661, 664	Вебер А. 1007
Аристофан 609	Вебер М. 26, 31, 49, 50, 53, 55, 59, 64-66, 68, 69, 77, 85, 92, 115, 156, 159, 199, 524, 530, 548, 574, 588, 594, 617, 643, 666, 687, 688, 690-694, 697, 699-706, 711-718, 720, 727, 729, 730, 733, 743, 752, 760, 768, 772, 787, 788, 801, 810, 813, 825, 827, 855, 859, 862-864, 866, 868-873, 879, 907, 916, 920, 939, 944, 953, 958, 963, 964, 967, 970, 971, 974, 976, 977, 979-990, 992, 994, 995, 998-1001, 1006-1009, 1011, 1014, 1016-1021, 1028, 1030, 1031, 1036, 1038, 1039
Арон Р. 1028, 1036	Вебер М. (Марианна) 1007
Бах И.С. 957	Веблен М. 112
Бейль П. 139	Вейль Г. 515
Беккер Г. 49, 50, 232, 529	Вертхаймер М. (Вертгеймер М.) 309, 394
Бергер М. 650, 666	Визе Л. фон 575, 691, 697, 905, 1007, 1019
Бергсон А. 8, 47, 60, 84, 135, 136, 137, 142, 143, 147, 216, 227, 236-239, 246, 247, 252, 300, 305, 367, 376, 384, 388, 392-394, 398, 406, 407, 409, 452, 454, 462, 469-471, 527, 555, 595, 611, 688, 698, 699, 725, 733, 735, 737, 761, 763-765, 771, 805, 809, 1015, 1030, 1033	Вуд М.М. 548
Бердяев Н. 229	
Бетховен Л.В. 583, 596, 601, 606, 609, 722	Галилей Г. 502
Богардус Э.С. 548	Гарнцев М.А. 1036, 1048
Бодде К. 201	Гегель Г.В.Ф. 599
Борн М. фон 597	
Брамс И. 594	
Браун Г.Б. 650	
Брауэр Л. 515	
Брентано Ф. 164, 165	

Гейгер М. 1011
 Гейзенберг В. (Хайзенберг В.) 455
 Гемпель К. 51, 54, 63, 65
 Гераклит 555
 Гёте И.В. 516, 530, 601, 614, 836, 867
 Гибсон Б. 47
 Гильберт Д. 516
 Гитлер А. 647
 Глюк К. 597, 601, 606, 610
 Гоббс Т. 618, 640
 Гольбах П.А. 597
 Гольдбах К. 615
 Голдштейн К. 305, 307, 308, 364, 366, 368, 393
 Гомер 550
 Гомперц Г. 1007
 Гофман П. 1007
 Граб Г.Й. 1021
 Гране М. 504, 529
 Гримм Ф.М. 597
 Гумбольдт В. фон 516
 Гундольф Ф. 595
 Гурвич А. 230, 231, 236, 305, 386, 387, 390, 393, 398, 1037
 Гуссерль Э. 8, 22, 46-50, 60, 62, 83, 124, 128-132, 142, 143, 151-166, 172, 174-177, 179-182, 184-188, 190-195, 199-201, 216, 218, 219, 222, 225, 227, 228, 230, 232, 236, 237, 246, 247, 249-253, 259, 264, 268, 269, 286, 289, 297, 299-301, 305, 306, 310, 359, 361, 365, 367-370, 374, 386-392, 394, 396-398, 409, 419, 430-433, 435, 440, 449, 453-455, 462, 464-466, 469, 473, 478, 480, 483, 484, 493-495, 512, 527, 528, 537, 586, 587, 593, 594, 624, 671, 673, 675, 676, 678, 688, 698, 699, 708, 713, 721-725, 730, 733, 734, 736, 737, 741, 743-745, 748, 750, 758, 759, 761, 763-765, 767, 769, 770, 775, 776, 802, 805, 806, 828-830, 836, 887, 971, 972, 992, 1006, 1008-1011, 1013-1018, 1020, 1022, 1028-1030, 1033, 1034, 1036, 1037, 1040, 1047
 Гюйгенс Х. 515
 Д'Аламбер Ж.Л. 597
 Данте А. 516
 Да Понте Л. 601, 602
 Декарт Р. 164, 165
 Дент Э. 608, 615
 Джемс У. 8, 17, 21, 47, 48, 57, 60, 73, 74, 84, 90, 95, 106, 116, 170, 171, 174, 177, 179, 219, 222, 227, 230, 232, 236-239, 265, 299, 304, 305, 310, 353, 370, 389, 390, 392, 393, 394, 396, 401, 402, 410, 423, 424, 431, 452, 453, 455, 463, 479, 498, 510, 511, 513, 520, 523, 528, 535, 543, 670, 673, 681, 761, 1033
 Демпф А. 529
 Дидро Д. 597
 Дильтей В. 595, 599, 606, 607, 611, 615, 697, 1007
 Дриш Г. 210
 Дьюи Дж. 8, 31, 47, 50, 56, 60, 83, 132, 133, 147, 174, 219, 220, 230, 271, 300, 370, 395, 408, 409, 452, 496, 528, 537, 561, 679
 Дюкасс К.Дж. 457, 526
 Дюрер А. 494, 495, 508, 510
 Дюркгейм Э. 21, 112, 529, 555
 Зандер Ф. 691, 698, 729, 864, 942, 1007-1009, 1017, 1019

Зандерс А. 905, 1018
 Занер Р. 385, 391, 392, 393, 395, 1036, 1037
 Зиммель Г. 29, 41, 48, 487, 548, 644, 647, 658, 659, 661, 662, 690, 697, 1007, 1020
 Знанецкий Ф. 101, 106, 548
 Ингарден Р. 1028, 1036
 Камю А. 396
 Кан Э.И. 595
 Кант И. 59, 216, 229, 596, 600, 1014
 Карнап Р. 98, 230, 707, 1008
 Карнеад 238, 247, 248, 250-253, 261, 263, 267, 271, 283, 297, 298, 360, 365, 1027, 1030, 1031
 Кассирер Э. 309, 364, 368, 394, 397, 456, 458, 503, 504, 527, 529
 Кауфман Ф. 47, 49, 50, 53, 56, 65, 68, 455, 688, 1007, 1016, 1018, 1019, 1021, 1022, 1037
 Кафка Ф. 456
 Кёлер В. 203, 211, 228
 Кельзен Г. 1002, 1003, 1021
 Кимелев Ю.А. 1036, 1048
 Киплинг Р. 76, 664
 Кирс И. фон 983, 1021
 Клейтон А. С. 452
 Клемансо Ж. 568
 Коген Г. 595, 600-602, 612, 614, 615, 1027, 1035
 Койре А. 1028, 1035
 Конт О. 640
 Коперник Н. 374, 375
 Коффка К. 211, 228, 230
 Кули Ч.Х. 19, 21, 48, 49, 524, 528, 548, 552, 593, 638, 642
 Кьеркегор С. 426, 437, 595, 602-604, 608, 615
 Кэрнс Д. 1037
 Кэррол Л. 1027
 Кэррел А. 384
 Лангер С.К. 458, 459, 494, 527, 593
 Ландгребе Л. 236
 Лафайет М.Ж. 637
 Левари С. 608, 615
 Леви-Брюль Л. 153, 211, 529
 Лейбниц Г. 89, 138-143, 147, 148, 228, 238, 244, 270, 306, 367, 370, 405, 407, 614, 615, 1035
 Лессинг Г.Э. 501
 Линд Р.С. 538, 548
 Линтон Р. 633
 Литт Т. 161, 698, 1007, 1008
 Локк Дж. 618
 Льюис К.С. 593
 Макайвер Р.М. 635, 642, 651, 653
 Малиновский Б. 505, 529, 575
 Маннгейм К. 636, 697, 1007
 Мариас Дж. 388
 Маркс К. 216
 Маршалл А. 112
 Мейе А. 834
 Мейер Э. 958
 Мендельсон М. 596
 Мерике Э. 608
 Мерло-Понти М. 153, 160, 307, 376, 377, 391, 393, 395
 Мертон Р.К. 325, 395, 529
 Мид Дж.Г. 21, 49, 56, 68, 106, 114, 222, 177, 229, 230, 232, 379, 394, 398, 410, 411, 417, 418, 452, 453, 460, 527, 574, 575, 592, 681
 Мизес Л. 50, 998-1001, 1019-1022
 Миллер Х.А. 548
 Михайлов А. В. 453
 Михельс Р. 548
 Мольер 604, 928

- Моне К. 283
 Моррис Ч. 457, 460
 Мосс М. 529
 Моцарт В.А. 595-615, 1027, 1028, 1035
 Мур Д. 383, 398
 Мэн де Биран М.Ф. 370
 Мюнстерберг Г. 970
 Мюрдал Г. 619, 651
- Нагель Э. 51, 53, 54, 56, 60, 63, 64, 67
 Натансон М. 1036, 1037, 1048
 Ницше Ф. 596, 611
 Нойи Л. дю 384, 398
 Ньютон И. 503
- Олпорт Г.У. 106, 228, 230, 232
 Оппенгеймер Ф. 697, 1007, 1020
 Ортега-и-Гассет Х. 153-155, 160
 Отака Т. 688
- Паизиелло Дж. 610
 Парето В. 49, 82, 112, 636
 Парк Р.Э. 547, 548
 Парсонс Т. 49, 50, 69, 75, 82, 93, 96, 97, 106, 115, 201, 528, 530, 622, 633, 660, 664, 666
 Пеги Ш. 474, 527
 Пиаже П. 315, 317, 390
 Пифагор 171, 172, 299, 396, 585, 586
 Платон 134, 595, 618, 624, 632, 633, 648, 663, 664, 684, 989
 Пушкин А.С. 1026
 Пуччини Н. 597
 Пфендер А. 1011, 1014
- Рамо Ж.Ф. 597, 601
 Ранке Л. фон 193
 Рассел Б. 98, 219, 230
 Рафаэль Санти 578
 Рембрандт Х. ван Р. 599
 Ричардс А. 474, 527
 Робин Л. 247, 251, 388
 Россини Дж. 596
 Рузвельт Ф. 644
 Руссо Ж.-Ж. 597-599, 618, 640
- Саломон А. 659
 Самнер У. 303, 392, 529, 548, 621, 641, 665
 Сантаяна 511, 595
 Сартр Ж.-П. 230, 231, 237, 307, 376, 386, 391, 393, 575
 Секст Эмпирик 249, 250, 1030, 1031
 Смирнова Н.М. 48, 1025, 1036
 Смит Р. 503
 Смит Т.В. 665
 Сократ 249, 609, 625, 684
 Софокл 667, 669, 684
 Спиноза Б. 125
 Спонтини Г. 610
 Стониер А. 201
 Стоунквист Э.В. 547, 548
- Тауни Р.Г. 659, 662
 Тённис Ф. 642
 Тернер У. 602, 615
 Тильярд Э. 593
 Тови Д.Ф. 579, 592, 593, 609
 Тойнби А. Дж. 529
 Томас У.А. 48, 57, 68, 308, 389, 518, 529, 538, 545, 548, 635
 Трумэн Г. 644
- Уайлд Дж. 457-459, 478, 526
 Уайтхед А.Н. 7, 8, 47, 60, 369, 456, 459, 503, 515, 526-528
- Уильямс Р. 201
 Уолтер Г. 151, 152, 160, 1008, 1020, 1021
 Уолш Д. 1036
- Фабер М. 47, 50, 179, 180, 1037
 Фарбер М. 449, 450, 452, 454, 455, 527
 Фёгелин Э. 506, 525, 529, 635, 664, 1019, 1020
 Финк Е. 449, 455
 Фома Аквинский 454
 Фосслер К. 543, 548, 837, 1017, 1019
 Фрайер Г. 691, 697, 698, 1007, 1008, 1020
 Франк Ф.Г. 515
 Франс А. 523
 Фрейд З. 244, 245, 370, 435, 436, 454
 Фуртвенглер В. 580, 592
- Хайдеггер М. 155, 308, 376, 394, 396, 565, 733, 750, 751, 1007, 1011, 1013, 1017, 1046
 Хайек Ф. 48
 Хальбвакс М. 576-579, 590, 592
 Хейзинга Й. 609, 615
 Хоманс Дж. 524, 530
 Хрисипп 247
- Цайгарник 307, 331, 394, 395
 Цезарь Гай Юлий 595
 Цицерон Марк Туллий 238, 248
- Шауб Ю. 1036, 1048
- Шекспир В. 543, 601, 608
 Шелер М. 152, 153, 160, 202-232, 376, 395, 518, 529, 538, 558, 575, 618, 620, 633, 639, 691, 697, 707, 709-712, 742, 802, 888, 1007, 1008, 1015-1017, 1028, 1032, 1035, 1044
 Шёнберг А. 95
 Шиканедер Э. 601, 602
 Шилз Э. 528, 530, 622, 633, 660, 664
 Шнелль Б. 490, 506, 529
 Шопенгауэр А. 596, 599, 614, 615, 1027, 1035
 Шпанн О. 697, 1007
 Шпигельберг Г. 453
 Штайн Э. 151, 160
 Штерн В. 229
 Шуриг А. 602, 615
 Шюц А. 48, 68, 97, 115, 116, 151, 161, 180, 235, 385-387, 389-398, 401, 452, 456, 527, 528, 530, 533, 548, 550, 557, 573, 594, 595, 616, 664, 667, 1025-1048
 Шюц И. 385
- Эйзенхауэр Д.Д. 474, 644
 Эккерман И.П. 614
 Элиот Т.С. 516
- Юм Д. 359, 370
- Янг К. 548
 Янкелевич В. 246, 247, 252, 253, 388
 Ясперс К. 501, 508, 517, 528, 529, 836, 1007, 1017

Содержание

Методология социальных наук

Обыденная и научная интерпретация человеческого действия ..	7
Формирование понятия и теории в социальных науках	51
Проблема рациональности в социальном мире	69
Социальный мир и теория социального действия	97
Выбор между проектами действия	116

Феноменология и социальные науки

Значение Э. Гуссерля для социальных наук	151
Основные понятия феноменологии	161
Феноменология и социальные науки	180
Теория интерсубъективности Шелера и всеобщий тезис альтер эго	202

Размышления о проблеме релевантности

<i>Глава 1.</i> Вводные замечания	235
<i>Глава 2.</i> Проблема Карнеада: вариации на тему	246
<i>Глава 3.</i> Взаимозависимость систем релевантности	278
<i>Глава 4.</i> Запас наличного знания с точки зрения его происхождения	295
<i>Глава 5.</i> Затруднения в процессе отложения (знания)	317
<i>Глава 6.</i> Структурная интерпретация запаса наличного знания	342
<i>Глава 7.</i> Биографическая ситуация	371

Проблемы природы социальной реальности

О множественных реальностях	401
Символ, реальность и общество	456

Прикладная теория

Чужак	533
Возвращающийся домой	550
Хорошо информированный гражданин	557
Совместное сотворение музыки	573
Моцарт и философы	595
Равенство и смысловая структура социального мира	616
Тиресий, или наше знание будущих событий	667

Смысловое строение социального мира

Предисловие	687
<i>Первая часть.</i> Вводные изыскания	689
<i>Вторая часть.</i> Конституирование осмысленных пережива- ний в присущей им длительности	735
<i>Третья часть.</i> Основы теории понимания чужого	802
<i>Четвертая часть.</i> Структурный анализ социального мира. Ближайшее социальное окружение, более широкое соци- альное окружение, предшествующий социальный мир ...	856
<i>Пятая часть.</i> О некоторых фундаментальных проблемах понимающей социологии	963
Примечания	1007
<i>Н.М. Смирнова.</i> Альфред Шюц на книжной полке	1023
Указатель имен. <i>Составитель И.А. Осинская</i>	1049

Альфред Шюц
Избранное:
Мир, светящийся смыслом

Корректор: Н.С.Сотникова
Компьютерная верстка: О.А.Зотов

Лицензия ЛР № 066009 от 22.07.98
Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.11.2003
Гарнитура Newton. Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 66.
Уч.-изд. л. 60,6. Тираж 1500 экз. Зак.

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция), тел/факс 334-82-42
(отдел реализации)